

Вестник общественного мнения

Данные. Анализ. Дискуссии

2(104)

Выходит 4 раз в год. Год издания 17-й

Апрель—июнь 2010

**Аналитический
Центр Юрия Левады
(Левада-Центр)**

**Междисциплинарный
академический центр
социальных наук
(Интерцентр)**

Редакционный совет:

Т.И. Заславская
(*председатель*)
А.Г. Аганбегян
А.Г. Вишневский
Т.Е. Ворожейкина
Л.М. Дробижева
Н.М. Римашевская
Т. Шанин
В.А. Ядов
Е.Г. Ясин

Редколлегия:

Л.Д. Гудков
(*главный редактор*)
А.И. Гражданкин
Б.В. Дубин
(*зам. главного редактора*)
Н.А. Зоркая
(*ответственный секретарь*)
М.Д. Красильникова
Г.А. Стерликова
Л.А. Хахулина
(*зам. главного редактора*)

По Объединенному каталогу
«Пресса России» 87847

СОДЕРЖАНИЕ

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ 3

СОЦИОЛОГИЯ И ВРЕМЯ

Борис ДУБИН. Координата будущего в общественном мнении 7
Лев ГУДКОВ. Время и история в сознании россиян (часть II) 13

ГРАЖДАНЕ – ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ – ВЛАСТЬ: ОБЩЕСТВО В РОССИИ И НА УКРАИНЕ

Владимир РИМСКИЙ. Социальные аспекты взаимодействий граждан и предпринимателей с российской судебной властью 62
Василий ТКАЧЕНКО. Суверенная бюрократия Украины: в зоне двойной периферии 80

ЗОНЫ СОЦИАЛЬНОГО НАПРЯЖЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Анна МОРГУНОВА. Миграция. Проблема? 89
Людмила ПРИМАКО. Пожилые люди в России: проблема социальной напряженности 101

МЕТОДИКА И ТЕХНИКА ОПРОСОВ

Елизавета ДЮК. Общественное мнение и технологии опроса: адресная и маршрутная выборки 113

Авторы номера 117

SUMMARY 118

**Ответственный редактор
выпуска** Б.В. Дубин

Редактор, корректор
О.А. Афанасьева

Компьютерная верстка
Г.И. Самарина

Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)
109012, Москва, ул. Никольская, 17. Тел.: (495) 229 3810
E-mail: direct@levada.ru

Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр)
119571, Москва, просп. Вернадского, 82. Тел.: (495) 564 8582

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна
Зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций ПИ № 77981 от 10 декабря 2003 г.

© Левада-Центр, Интерцентр, 2008 ISSN 2070-5107

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussions

2(104)

Quarterly

April–June 2010

Analytic Centre
Yury Levada
(Levada-Centre)

The Interdisciplinary
Academic Centre for
Social Sciences
(InterCentre)

Members of the Editorial Council

Tatyana Zaslavskaya
(Chair)
Abel Aganbeghian
Anatoly Vishnevsky
Tatyana Vorozheikina
Leokadia Drobizheva
Natalia Rimashevskaya
Teodor Shanin
Vladimir Yadov
Yevgenii Yassin

Editorial Board

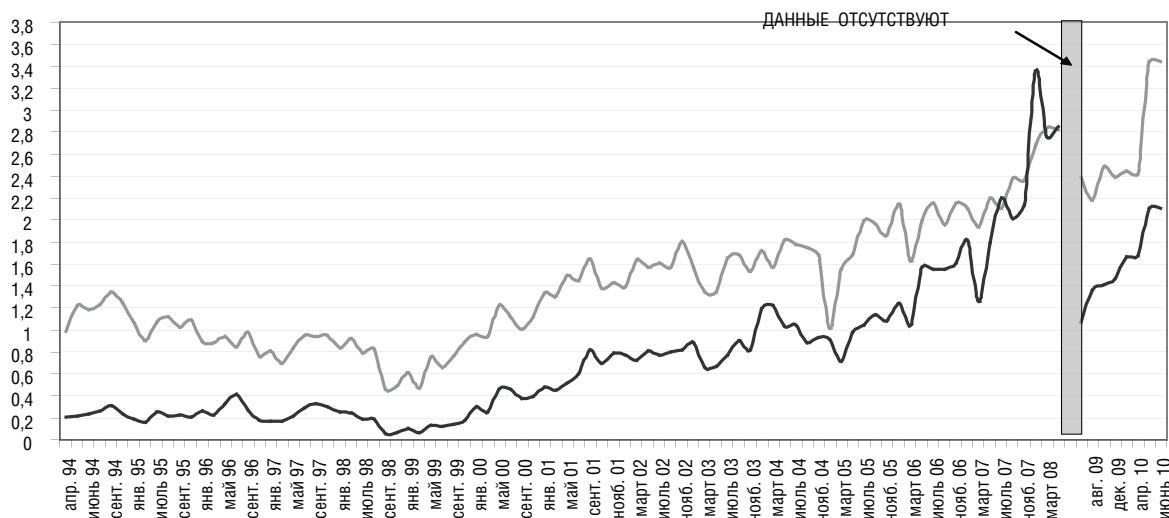
Lev Gudkov
(Editor-in-Chief)
Boris Dubin
(Deputy Editor-in-Chief)
Alexei Grazhdankin
Ludmila Khakhulina
(Deputy Editor-in-Chief)
Marina Krasilnikova
Galina Sterlikova
Natalia Zorkaya
(Executive Secretary)

CONTENTS

MONITORING OF CHANGES: PRINCIPAL TRENDS	3
SOCIOLOGY AND TIME	
The Dimension of the Future in Public Opinion (by Boris Dubin)	7
Time and History in the Russians' Consciousness (by Lev Gudkov)	13
CITIZENS – BUSINESSMEN – POWER: SOCIETY IN RUSSIA AND UKRAINE	
Social Aspects of the Citizens and Businessmen Interaction with Russian Judicial Power (by Vladimir Rimskyi)	62
The Sovereign Bureaucracy of Ukraine in the Zone of Double Periphery (by Vassilyi Tkachenko)	80
ZONES OF SOCIAL TENSION IN THE RUSSIAN SOCIETY	
Migration as a Problem (by Anna Morgunova)	89
The Elder Age Group of the Russians: the Issue of Social Tension (by Ludmilla Primako)	101
SURVEYS METHODES AND TECHNIQUES	
Public Opinion and Survey Technologies: Addresses and Route Samples (by Elizaveta Dyuk)	113
Autors of the issue	117
SUMMARY	118

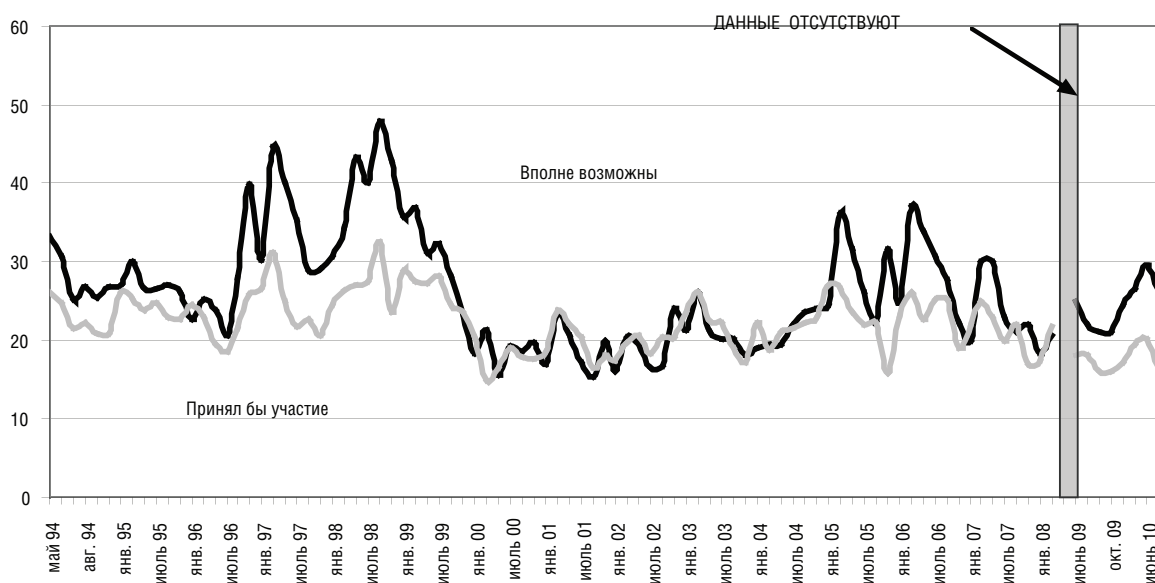
МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

1. ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТРАНЫ И СВОЕЙ СЕМЬИ

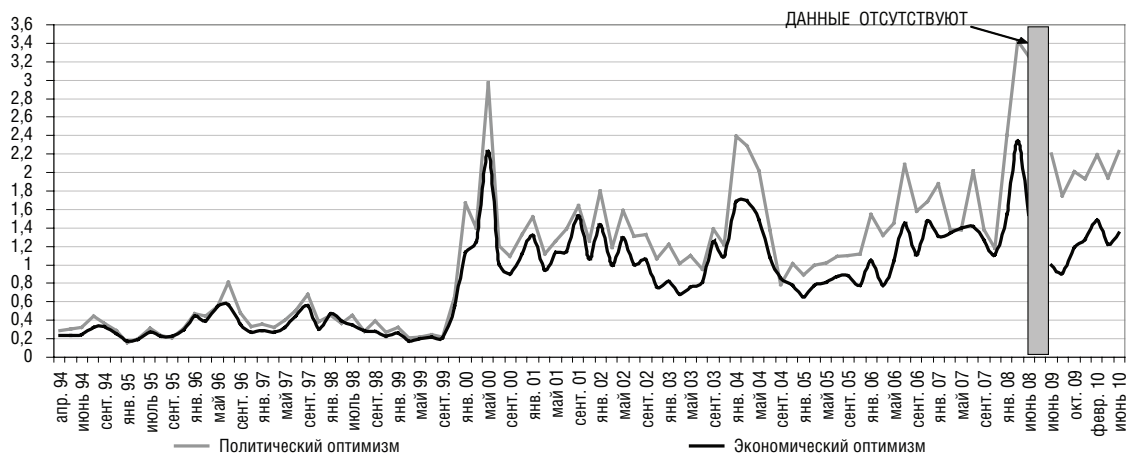
До июня 2008 г., N=2100; с июня 2009 г., N=1600.

2. ПОТЕНЦИАЛ ПРОТЕСТА

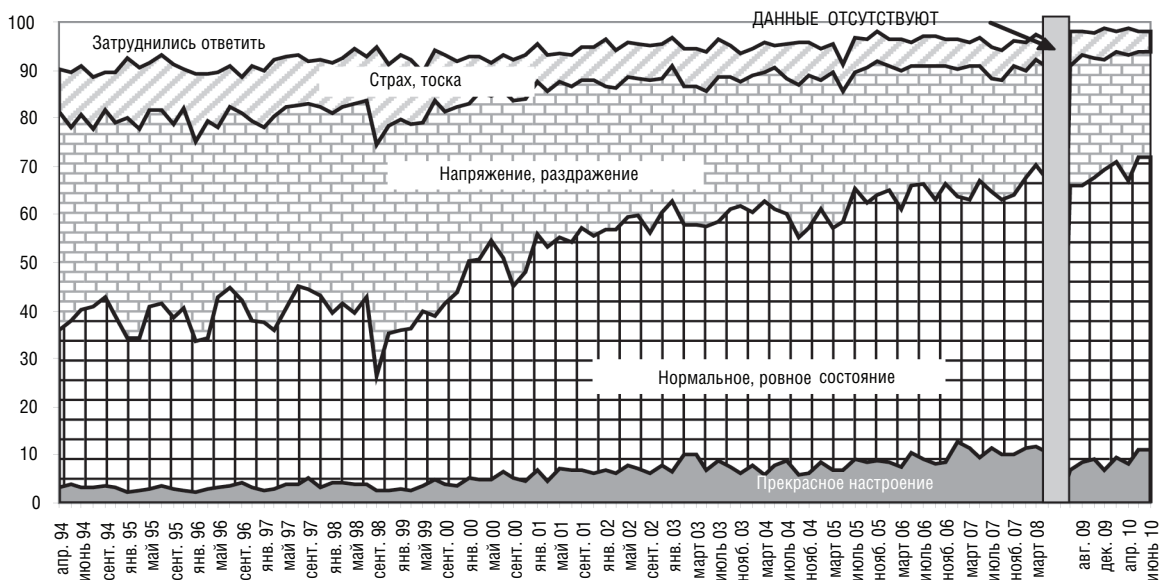
До июня 2008 г., N=2100; с июня 2009 г., N=1600.

3. ПОКАЗАТЕЛИ ОПТИМИЗМА

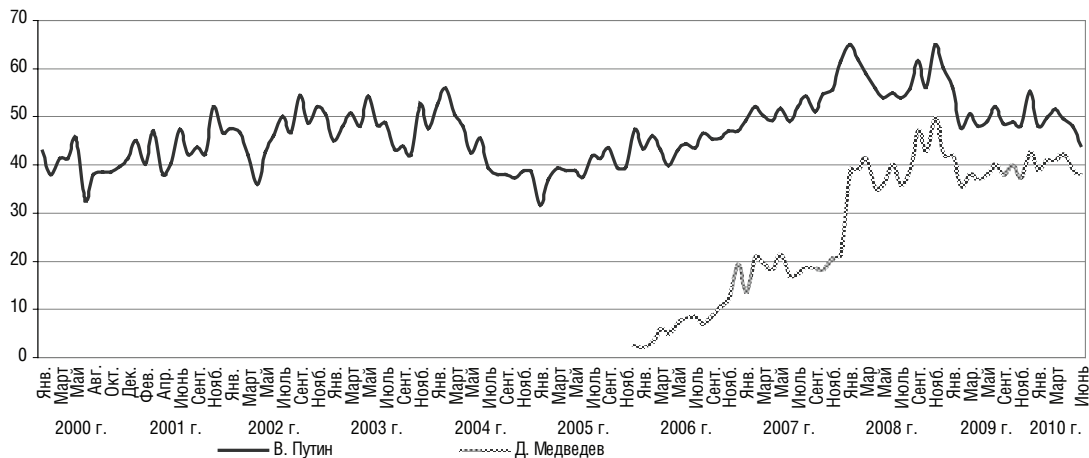
До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600.

4. ЧТО ВЫ МОЖЕТЕ СКАЗАТЬ О СВОЕМ НАСТРОЕНИИ В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ?

До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600.

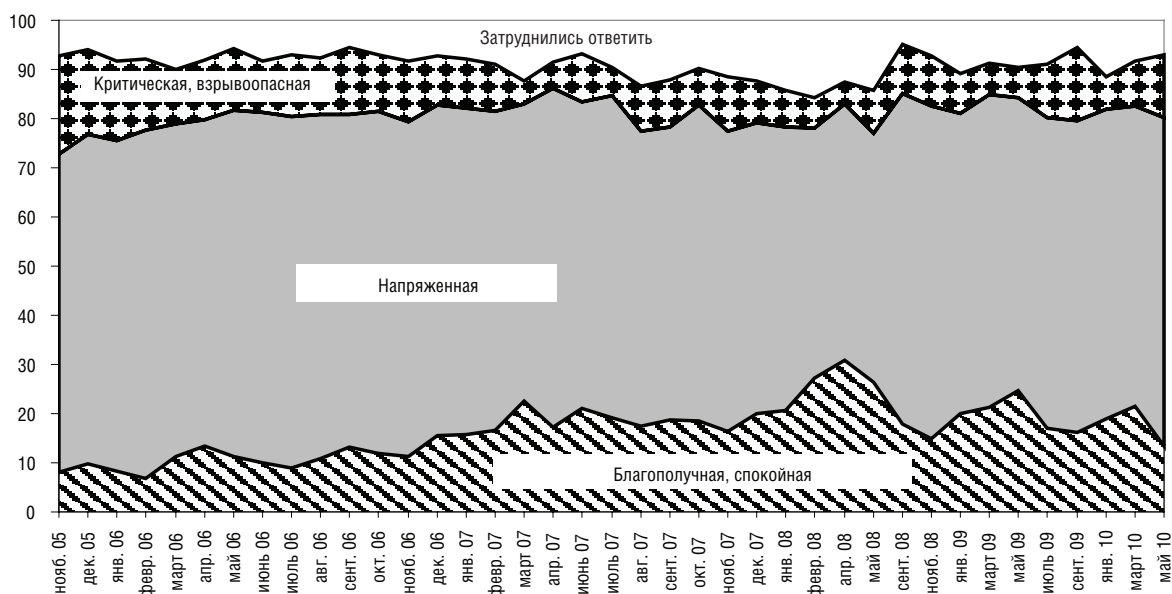
4а. Доверие к Д. Медведеву и В. Путину (в % от числа опрошенных)

46. НАЗОВИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, 5–6 ПОЛИТИКОВ, КОТОРЫМ ВЫ БОЛЕЕ ВСЕГО ДОВЕРЯЕТЕ (в % от числа опрошенных, приводятся данные о доверии политикам, собравшим хотя бы в одном замере не менее 3%)

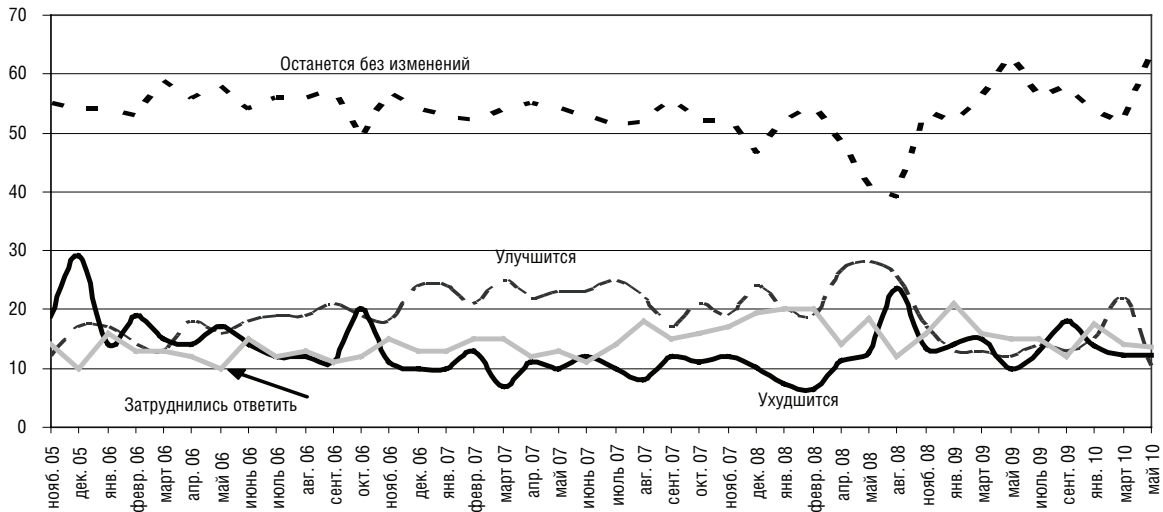
Вариант ответа	2008						2009						2010						
	I	IV	V	VIII	X	XII	I	III	V	VII	IX	X	XII	I	II	III	IV	V	VI
Грызлов Б.	3	4	4	3	3	4	4	3	3	3	4	4	4	4	4	3	4	4	
Жириновский В.	10	9	8	7	10	9	10	9	10	11	10	12	11	9	10	10	13	11	11
Зубков В.	14	11	8	6	4	2	2	3	3	2	3	2	2	2	2	2	3	3	
Зюганов Г.	9	11	9	9	9	7	9	8	8	9	11	8	10	8	10	10	9	8	9
Иванов С.	23	20	11	13	8	7	7	7	7	6	4	5	4	3	5	5	5	6	3
Кудрин А.	1	2	2	1	2	1	1	2	2	3	3	3	3	2	2	2	2	3	3
Лавров С.	2	3	4	3	6	4	6	6	7	6	4	7	6	4	4	4	4	5	5
Лужков Ю.	8	6	7	6	7	7	6	5	7	8	6	5	5	3	4	4	5	5	4
Лукашенко А.	2	2	2	4	3	5	3	3	4	4	3	3	4	2	4	4	3	3	3
Матвиенко В.	3	5	5	4	5	7	4	3	5	6	4	4	7	3	5	5	3	3	4
Медведев Д.	39	35	36	40	43	42	42	38	38	41	38	37	43	39	41	41	42	39	38
Миронов С.	5	3	3	3	3	4	3	3	3	3	3	4	5	4	4	4	4	4	4
Примаков Е.	4	3	3	3	3	3	2	3	4	3	3	5	5	4	5	5	3	4	5
Путин В.	65	56	54	55	56	60	56	51	49	53	49	48	55	48	50	50	50	48	44
Тулеев А.	4	5	4	4	6	5	3	3	5	4	3	4	5	3	5	5	4	5	4
Хакамада И.	2	2	1	2	2	2	2	1	3	2	2	1	2	1	2	2	2	2	1
Шойгу С.	17	18	15	16	16	14	13	13	14	16	14	13	17	13	15	15	18	18	15
Нет таких	8	11	11	14	13	12	15	18	19	15	17	18	13	17	15	15	15	19	17
Не интересуюсь политиками, политикой	10	13	14	12	14	9	14	15	14	13	16	15	12	14	13	13	16	15	16
Затрудняюсь ответить	5	7	7	6	5	6	6	5	6	6	6	6	5	6	6	6	5	5	8

5. КАК ВЫ ОЦЕНИЛИ БЫ СЕЙЧАС ОБСТАНОВКУ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ?

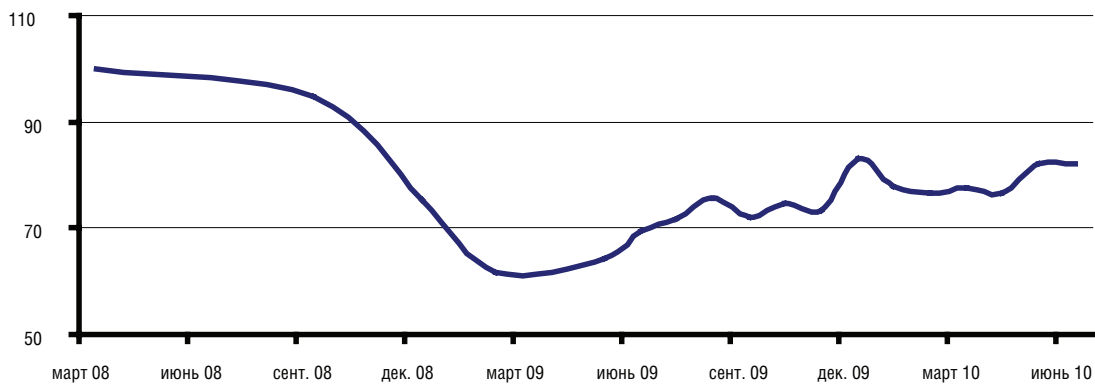
N=1600.

5.1. КАК ИЗМЕНИТСЯ В ТЕЧЕНИЕ БЛИЖАЙШЕГО ГОДА ОБСТАНОВКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ?

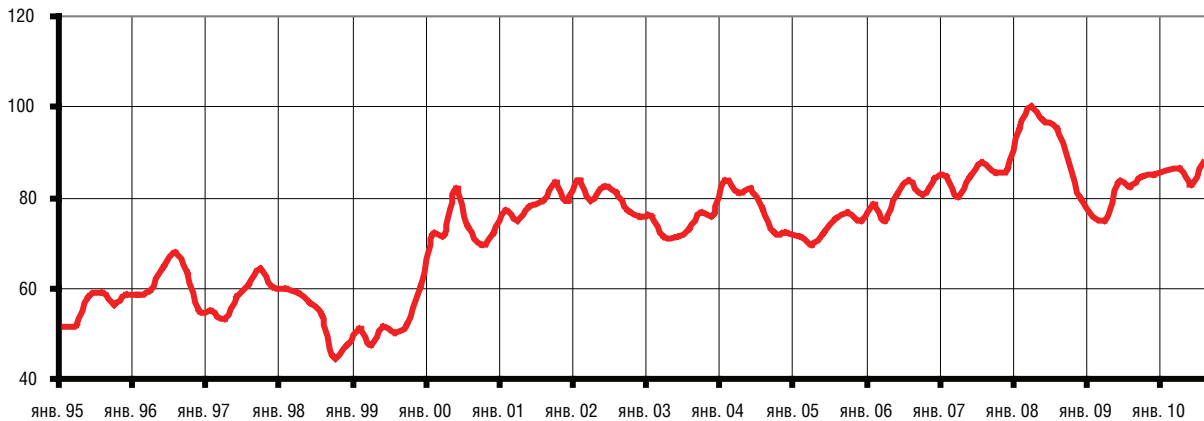

N=1600.

6. ИНДЕКС ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ НАСТРОЕНИЙ (ИПН), март 2008 г. = 100%

6.1. ИНДЕКС СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ (ИСН), март 2008 г. = 100%

Борис ДУБИН

Координата будущего в общественном мнении*

К истории «будущего»: введение. Проблема-тизацию категории «будущее», возникновение *проблемы будущего* в поле интеллектуальной работы, а затем и в массовом сознании, коллективном образе чувств и мыслей в ряде «передовых», «продвинутых» обществ Запада (потом их назовут «развитыми») правомерно связывать с глубокой перестройкой механизмов социальной и индивидуальной регуляции. Речь идет о растущей значимости, даже о приоритетности механизмов целеполагания и целедостижения в структурах социального действия и взаимодействия. В этом смысле отмеченный процесс сосредоточения на перспективных координатах поведения как социальный, более того — массовый феномен характерен прежде всего для Нового времени, а может быть, и еще уже — для современной эпохи¹.

Условное начало группового осознания этого проблематического момента можно, в частности, датировать, с одной стороны, активным обращением к идее и жанру утопии в европейской словесности Возрождения, барокко, романтизма, а позднее, уже в буржуазную эпоху, — с развитием жанра научной фантастики и, еще позже, фэнтези. С другой — отмеченной точкой в данном плане рассуждений выступает теоретическая разработка категории «воображение» у Канта, Шиллера, йенских романтиков, Колриджа, Эдгара По в связи с проблематизацией центральной для модерна категории челове-

ской субъективности². Утопия при этом заступает место традиции, значение которой в регуляции поведения и организации коллективного опыта, напротив, слабеет³. Впрочем, столь же активной и последовательной рационализации средствами письменной культуры и примерно в тех же хронологических и географических рамках подвергается и традиция, прошлое. Одним из специализированных инструментов этой рационализации становится история как научная дисциплина, а затем, вслед за ней и по ее образцу, этнография и археология традиционных обществ и культур; взаимовлияние форм письма и форм истории — отдельная тема ретроспективного исследования⁴.

Данный процесс движется и многократно ускоряется по мере рационального осознания и последовательного артикулирования элитами, а затем и на массовом уровне гетерогенности социальной реальности, разнохарактерности обществ, как современных, так и архаических, экзотических и др. В данном конкретном случае речь идет о фиксации и выражении разновременности, наличия и взаимодействия в социальном и индивидуальном опыте нескольких различных планов или типов времени (времени ритуала, повседневной жизни, праздника, воспоминания, ожидания, ностальгии, фантазии, сна). С пониманием упомянутой разнородности

* В статье развиты основные тезисы сообщения на организованном МВШСЭН и Интерцентром XVII ежегодном международном симпозиуме «Пути России. Будущее как культура: прогнозы, репрезентации, сценарии» (Москва, 30 января 2010).

¹ См.: *Zarifian Ph.* Temps et modernité: le temps comme enjeu du monde moderne. P.: Harmattan, 2001.

² См.: *Старобинский Ж.* К понятию воображения: вехи истории // Он же. Поэзия и знание: История литературы и культуры. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 69–84.

³ Подробнее см.: *Шацкий Е.* Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990; Утопия и утопическое мышление / Под ред. В. Чаликовой. М.: Прогресс, 1991.

⁴ См.: *Certeau M. de.* L'écriture de l'histoire. Paris: Gallimard, 1975, в частности вводную главу этой книги «Разновидности письма, разнородности истории» (http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_4/02.htm#_ftn6).

коррелирует растущее значение субъективности в обществах Нового времени — в познании, социальном действии, экономике, политике, законодательстве, искусстве и проч.

Сферой условной, игровой реализации способностей автономного и вместе с тем социального субъекта выступает при этом воображение, относимое как к прошлому (память), так и к будущему (надежда). Короче говоря, здесь фиксируется сознание социальных и культурных *перемен* (изменчивости) и значимой категории *выбора* (альтернатив), а соответственно, — ключевая инстанция (фигура) сознательного и деятельного, свободного, самоответственного и социально-ориентированного субъекта.

Концептуальный аспект. Социальное время я вслед за Ю.А. Левадой буду трактовать как последовательность социальных действий или фаз социального действия (циклы, ритмы); культурное время — как соотношение значений типов (слоев, пластов) этих действий¹. Развитость категорий времени и, в частности, будущего времени в этой логике — выражение сложности социальной морфологии общества, ее «глубины», устойчивости и одновременно гибкости, динамизма.

Будущее (как и прошлое) выступает областью мысленного обобщения координат и оценок социального действия, генерализации и универсализации коллективного опыта, в том числе и в первую очередь — *согласования* интересов, идей, значений, относимых в рефлексии к прошлому, настоящему и будущему: фиксация и измерение времени — это фиксация и измерение согласованности/рассогласованности времен, отмеченной точкой которых так или иначе выступает настоящее². При этом в сфере настоящего действие институциональных и ролевых структур для массового сознания как бы скрыто, выделяется лишь зона «своего» поведения. Здесь каждый, можно сказать, «меряет по себе». Собственное действие, программа поведения ясны, очевидны актору либо потому, что рационализированы и учтены им, либо — и гораздо чаще — потому, что они для него привычны. Так или иначе, они воспринимаются им как индивидуальные, свои.

¹ См.: Левада Ю. Статьи по социологии. М.: [ВЦИОМ], 1993. С. 41 и далее, а также: Он же. Исторические рамки «будущего» в общественном мнении // Он же. Ищем человека: Социологические очерки, 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006. С. 62–75.

² Реконструируя этот механизм обращения и приурочивания времен, Августин («Исповедь». XI, XX. 26) говорит про «три времени — настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего». — Августин А. Исповедь / Пер. с лат. М.Е. Сергеевко. М.: Канон+, ОИ «Реабилитация», 2000. С. 222.

В сферах же воображения (отнесения в прошлое или будущее) рамки для массового сознания задаются действием ролевых структур и базовых институтов, прежде всего — репродуктивных, связанными с их взаимодействием конструкциями значимых и общезначимых «исторических» событий, а с другой стороны, с переводящими, транспонирующими их в категории опыта нормативными (по преимуществу аскриптивными) схемами типового жизненного сценария, выстроенными по осям «детство — юность — зрелость — старость», «мужское — женское». Соединение таких стандартных жизненных сценариев с предписаниями базовых институтов (универсальными требованиями ролей, дифференцированными фазами действия, ритмами их смены и повторения) собственно и задает динамику индивидуальных жизненных проектов (биографий), коллективных действий тех или иных социальных групп, движений и т. п.

В этих рамках я бы аналитически выделял несколько конструированных типов будущего по формам и модусам их соотносительности с настоящим:

а) *будущее как ухудшение* — готовность к худшему, порча. Предлагается видеть за этим установки и оценки маргинализируемых, стигматизируемых групп;

б) *будущее как продолжение* «такого же» — инерция. Можно трактовать это как расчет на нормальную, так или иначе привычную работу основных институтов в модальности либо улучшения, либо опаски и предупредительной осторожности («Лишь бы не было хуже»). Для сравнительно-типологического анализа важны различия в характере этих основных институтов (в их основе и повседневной деятельности преобладают значения мобилизационные, адаптивные, консервативные, достижительские, неотрадиционалистские, самоорганизующиеся и саморегулирующиеся) и в инстанциях, наделенных способностью инициативы и ответственности, либо, напротив, приспособления и ускользания от ответа. В целом так можно характеризовать сознание «среднего среднего» большинства;

в) *будущее как сфера решения проблем прошлого* (в том числе — настоящего, но ретроспективно представленного уже как прошлое), т. е. ориентация на достижение и проекция связанных с этим проблем в зону неопределенности, будь то в позитивном или негативном залого. Так можно характеризовать сознание новых и восходящих социальных групп;

г) *открытое будущее* – сфера нового, неопределенного, ей соответствует категория выбора, способность к сознанию перемен, переломов и к рационализации их характера, глубины, последствий (собственно, сознание модерности). Способность выбора между различными альтернативами определяется ключевыми установками на самостоятельность, состязательность, солидарность (но прежде всего – активность, «В начале было дело» – гётевского Фауста), которые лежат в основе современных обществ, их базовых, модельных институтов.

В концептуальном плане я бы предложил связывать наличие/отсутствие, развитость/слабость представлений о будущем в сознании и действиях различных групп социума, в том числе – его предсказуемости/непредсказуемости, со следующими комплексами значений и обстоятельств как независимыми переменными анализа:

- со степенью дифференцированности социума, нарастанием в нем многообразия самостоятельных, специализированных институтов и существованием независимых, конкурирующих элит (включая художественные), вырабатывающих и выносящих в публичное поле различные сценарии будущего, создающих и рационализирующих, рафинирующих «языки» обсуждения будущего, а соответственно, с наличием различных, независимых, конкурирующих каналов коммуникации между различными группами и слоями социума;

- со степенью плотности внутри- и межгрупповых коммуникаций в актуальном обиходе различных групп и слоев, иначе говоря, со степенью их открытости/закрытости;

- с уровнем институционального или системного доверия в различных группах социума¹;

- со степенью аскриптивной жесткости или принципиальной вариативности типового жизненного сценария (обобщенно говоря, значимостью «игры») в различных группах социума, в коммуникациях между ними, между поколениями и т. д.

Социологи, как правило, имеют дело с эмпирическими свидетельствами о первых трех из перечисленных выше аналитически выделяемых типах будущего – действием на массовое

сознание, соответственно, механизмов порчи, инерции, проекции. Область «открытого», непредсказуемого будущего крайне редко становится актуальной для обычного сознания – разве что в детстве, отрочестве, юности. Чаще ее появление сопровождается экстраординарные состояния общего перелома (катастрофа, война) либо выносятся в область фантазирования (сны, игра, искусство). В этом последнем случае художник, подчеркивая смысловые дефициты и напряжения в настоящем, нередко оказывается указчиком и отгадчиком будущего.

Эмпирические данные. Про массовое сознание современной России допустимо сказать, что в своем большинстве россияне придерживаются представлений о времени и о будущем времени как о механизме инерции или результате порчи. Излагая свои прожективные представления о российском обществе через десять лет, россияне прежде всего сосредотачиваются на характеристиках ухудшения и на моментах коллективной (государственно-национальной, семейной) идентичности, способных, по их оценкам, хоть как-то сдержать, смягчить или снизить разрушительное воздействие времени.

КАКИМ ВЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ СЕБЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ЧЕРЕЗ 10 ЛЕТ? ЧТО ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО В ЭТОМ СПИСКЕ МОЖЕТ СООТВЕТСТВОВАТЬ ТОМУ, ЧТО БУДЕТ ТОГДА В РОССИИ? (в % от числа опрошенных; приводятся лишь наиболее значимые позиции, которые здесь ранжированы)

Богатые станут богаче, а бедные – беднее	38
Деньги будут играть всё большую роль, люди будут более расчетливыми	34
Россия будет играть все большую роль в мировом сообществе	30
Возрастет значение семьи	25
Людям старших поколений станет всё сложнее понимать общество	24
Возрастет число людей, неспособных поддерживать свое материальное и социальное положение	24
Общество станет более холодным, эгоистичным	23

2008, N=1600.

Преобладающая часть – в среднем, около трех пятых – взрослых россиян год за годом не чувствуют уверенности в завтрашнем дне.

Опять-таки до трех пятых российского населения, по их свидетельству, могут представить будущее себя и своей семьи не далее чем на ближайшие месяцы.

¹ Подробнее об этой важнейшей категории см.: Eisenstadt S.N. Power, Trust, and Meaning. Chicago: University of Chicago Press, 1995; Luhmann N. Trust and Power. Ann Arbor: UMI, 2007; Селигмен А. Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002; Левада Ю.А. Механизмы и функции общественного доверия // Он же. Ищем человека. С. 177–186.

Таблица 1

ЕСЛИ ГОВОРИТЬ В ЦЕЛОМ, ЧУВСТВУЕТЕ ЛИ ВЫ УВЕРЕННОСТЬ В ЗАВТРАШНЕМ ДНЕ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Дек. 2005	Март 2006	Дек. 2006	Июнь 2007	Сент. 2007	Нояб. 2007	Март 2008	Окт. 2008	Дек. 2008	Март 2009	Июнь 2009
Да	33	33	40	41	37	42	51	40	38	35	40
Нет	64	63	57	54	58	54	44	56	59	60	54
Затрудняюсь ответить	3	4	3	5	5	4	5	4	3	5	6

N=1600.

Таблица 2

НА КАКОЙ СРОК ВЫ В СОСТОЯНИИ ЯСНО ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЕ БУДУЩЕЕ СВОЕЙ СЕМЬИ, СВОЕ СОБСТВЕННОЕ БУДУЩЕЕ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1997, 2400 чел.	1998, 2400 чел.	1999, 1600 чел.	2009, 1600 чел.
Не более чем на один день	17	23	26	13
На ближайшие недели	19	24	21	17
На ближайшие месяцы	25	23	21	25
На год-два	16	14	15	22
На три-пять лет	5	4	4	10
На шесть-десять лет	2	1	1	2
Более чем на десять лет	1	2	2	2
Затрудняюсь ответить	15	9	10	9

Таблица 3

НА СКОЛЬКО ЛЕТ ВПЕРЕД ВЫ МОЖЕТЕ ПЛАНИРОВАТЬ СВОЕ БУДУЩЕЕ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1991, 2000 чел.	2001, 1600 чел.	2006, 1600 чел.	2007, молодежь, 2000 чел.
На много лет вперед	2	2	2	5
На ближайшие пять-шесть лет	3	6	10	15
На ближайшие год-два	16	34	34	48
Не знаю, что будет даже в ближайши е месяцы	62	53	48	29
Затрудняюсь ответить	17	5	6	3

Таблица 4

КАКИМ ДЛЯ ВАС БУДЕТ НАСТУПАЮЩИЙ ГОД ПО СРАВНЕНИЮ С МИНУВШИМ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Безусловно лучше	4	6	5	5	5	4	2	6	6	7	5	7	8	6	8	11	6
Надеюсь, что лучше	35	42	36	33	28	31	27	46	51	42	45	47	38	46	41	45	43
Думаю, что хуже не будет	12	10	15	19	12	20	14	17	18	22	24	21	13	18	17	17	20
Без перемен	21	23	20	25	30	25	27	18	17	20	19	19	26	19	25	18	15
Пожалуй, будет хуже	23	11	15	12	19	9	23	6	4	5	4	3	12	7	5	6	11
Затруднились ответить	5	8	9	6	6	11	7	7	4	4	3	3	3	4	4	3	6

N=1600.

Ощущение стабильности, всегда ненадежной и быстро сменяющейся напряжением, конфликтами, ухудшением ожиданий, в лучшем случае увеличивает среди респондентов долю тех, кто может планировать свое будущее на год-два вперед и не более того; в подобных слу-

чаях особенно заметен рост данного показателя у молодежи.

Так относительная стабилизация материального положения в большинстве российских семей и даже известное улучшение его накануне последних парламентских и президентских

выборов в стране привели к некоторому укреплению веры в будущее. Больше того: поскольку источником стабильности в настоящем и уверенности в будущем для большинства россиян выступает исключительно верховная власть, относительное улучшение ожиданий на предстоящий год вообще чаще всего связано для наших респондентов с электоральными циклами.

Однако подобное улучшение, как правило, длится недолго. К примеру, относительно благополучная ситуация 2007 — начала 2008 гг. начала заметно ухудшаться с осени 2008-го после объявления о наступлении экономического и финансового кризиса в мире и в стране.

решную партию власти на последних выборах в московскую городскую Думу 2009 г. активнее голосовали именно те, кто сумел улучшить свое положение к настоящему времени и, как можно полагать, надеется подобным голосованием гарантировать сохранение статус-кво.

Интерпретация материала. Как представляется, решающие факторы того, что массовые представления россиян о будущем, как правило, настолько негативны, а улучшения в данной сфере оказываются ненадежными и краткими, определяются всем ходом социальной жизни и принципиальной структурой российско-

Таблица 5
КАК ИЗМЕНИЛАСЬ ЗА МИНУВШИЙ ГОД ВАША УВЕРЕННОСТЬ В БУДУЩЕМ? (в % от числа опрошенных)

Год оценки	Укрепилась	Осталась такой же	Ослабла	Ее не было и нет	Затруднились ответить
2004	13	44	26	14	2
2005	13	52	21	12	2
2006	16	57	17	9	2
2007	24	56	14	4	2
2008	11	51	32	6	1
2009	13	52	24	9	2

N=1600.

Соответственно, с октября-ноября 2008 г. у большинства россиян стало укрепляться ощущение, что тяжелые времена — как казалось большинству еще весной 2008 г., уже пройденные — напротив, еще только предстоят. Иными словами, большинство вернулось к стандартным ожиданиям и оценкам будущего как области ухудшения.

го социума последних десяти-пятнадцати лет. В частности важную роль здесь играет отсутствие сколько-нибудь самостоятельных, конкурирующих и влиятельных элит, последовательное упрощение и фрагментация общества, неавторитетность средств массовой коммуникации (при регулярном и продолжительном телезрителении). Сознание разрыва — и ширящегося

Таблица 6
МЫ ПЕРЕЖИВАЕМ СЕЙЧАС САМЫЕ ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА, ИЛИ ОНИ УЖЕ ПОЗАДИ, ИЛИ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1992	1998	2008			2009
	январь	сентябрь	апрель	ноябрь	декабрь	март
Переживаем их сейчас	21	27	15	25	24	23
Они уже позади	1	6	43	18	16	11
Они еще впереди	73	58	27	45	52	55
Не знают, затруднились ответить	5	9	15	12	8	11

N=1600.

При этом россияне, более уверенные в своем будущем, чаще других выступают за сохранение нынешнего положения дел, и наоборот. Иными словами, будущее даже наиболее успешными россиянами рассматривается по преимуществу как продолжение настоящего, инерция, в лучшем случае — удержание нынешнего состояния. Характерный пример: за тепе-

разрыва — между «верхами» и «низами», между успешным, богатым меньшинством и привыкшей к мало- или среднеобеспеченному существованию массой укоренилось в населении, однако авторитетности власти, богатства, способностей, интеллекта в обществе по-прежнему нет. Соответственно, нет и образцов поведения, сколько-нибудь влиятельных для больших со-

циальных групп, слоев россиян. Опросы о героях года, влиятельных политиках, журналистах и массмедийных фигурах, художественной интеллигенции и т. д. демонстрируют абсолютное лидерство властного тандема, на фоне которого любые другие, всегда разрозненные имена собирают не более нескольких процентов опрошенных. Такая же ситуация — в потреблении периодической печати: влиятельных общенациональных газет, тем более журналов, в стране нет, преобладает интерес исключительно к местной еженедельной прессе.

О слабости институционального и системного доверия в российском обществе последних десятилетий не раз писали социологи, включая автора настоящих строк. Россияне не рассчитывают (в обоих смыслах — не могут ни рационально калькулировать, ни полагаться на основании предшествующего опыта) на позитивное взаимодействие с представителями каких бы то ни было институтов нынешнего российского социума. Характерные для большинства россиян представления о тотальной коррумпированности этих институтов от ЖКХ до высших чиновников — оборотная сторона недоверия к ним.

В подобных условиях общей и устойчивой стратегией большинства населения, наиболее крупных социально-демографических групп остается адаптация от противного со всегдашней установкой на возможное понижение («Как бы не было хуже»). Соответственно, преобладающая часть (от двух третей до четырех пятых) россиян раз за разом признается социологам в неспособности влиять на положение дел у себя на работе, в районе, городе, стране, где они живут, — в невозможности позитивно рационализировать собственное поведение, улучшить условия жизни, повысить результативность своих действий, оптимизировать ситуацию в целом.

Невозможность влиять на положение дел, причем в немалой степени — даже в рамках семьи и ближайшего круга родных-близких (разрыв поколений и др.), — демпфируется и компенсируется в массе россиян за счет усиления жесткости нормативного жизненного сценария, подавления механизмов достижения, дифференциации, увеличения многообразия. Отсюда — преобладающая в российском социуме установка на понижающую адаптацию, принятая большинством россиян эскапистская конструкция социального «алиби» (жизни как бы вне актуального пространства и времени), чувство зависти к социальным «другим» и мера по привычному для «всех» скромному, а то и скуд-

ному уровню как средство коллективного контроля и самоконтроля (самоконвоирование).

Положение и роль молодежи, в том числе более успешной молодежи, в социуме подобного устройства, ее несколько большие возможности и некоторые реальные достижения принимаются большинством соотечественников разве что как аскриптивные допущения в рамках данной фазы жизненного цикла (по традиционалистской модели — «перебесятся»). Характерно, что у самой молодежи, даже наиболее благополучной, успехи, если они есть, сопровождаются привычным ощущением неуверенности и незащищенности¹. Это, конечно, предельно далеко от самочувствия и социальной практики, скажем, европейской молодежи начальных периодов модернизации — например, членов обществ типа «Молодая Германия», «Молодая Польша», «Молодая Венгрия» и тому подобных на протяжении XIX в. (ср. их самосознание, еще в начале модерна афористически выраженное Новалисом: «В наших силах сделать мир другим»²).

Сегодняшнюю Россию скорее можно назвать страной без будущего — без сколь-нибудь артикулированной авторитетными элитами и принятой основными группами перспективы. После конца больших утопий XX в. и связанного с ними мессианистского подъема в массе населения и большинстве «продвинутых» групп страны преобладают установки на самозащиту, социальную консервацию, символическую компенсацию — образы «врагов», идеи «особого пути», ностальгия по воображаемому державному прошлому и т. п. Хронические проблемы социокультурного устройства России — задачи системной инновации, гратификации достижений, репродукции качественного уровня — остаются нерешенными. Эту ситуацию многократно осложняет продолжающееся сохранение большей части огромной страны в статусе гигантской периферии, которая, с одной стороны, в изобилии поставляет во властный и богатый ресурсами центр соответственно социализированный «человеческий материал», а с другой — гасит либо трансформирует «с точностью до наоборот» какие бы то ни было императивы и импульсы, идущие из центра.

¹ Подробнее см.: Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. «Средний класс» as if: мнения и настроения высокодоходной молодежи в России // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 3. С. 27–41.

² Сегодня подобное ощущение избранников ушло по преимуществу в типовую рекламу с ее самоподбадриванием: «Будущее — в твоих руках», «Все тебе подвластно» и т. п. Оба эти контрастных смысловых плана ежечодно сосуществуют в реальности теперешней России.

Лев Гудков

Время и история в сознании россиян (часть II)

Ограниченность временных горизонтов российского населения. В соответствии с принятыми в первой статье посылками¹, структура времени определяется структурой социальных взаимодействий, обусловленных различными интересами (прежде всего, повседневной адаптации, институциональной или групповой лояльности, конформизма, редукции конфликтов и проч.), а также задачами поддержания идентичности, ценностными ориентациями, характером запросов и аспираций, параметрами мобильности и т. п. *Системный* характер временных представлений и изменений значений времени в исследовании посттоталитарного социума осознается и проявляется не сразу, поскольку в российском обществе, в котором процессы модернизации и контрмодернизации очень тесно переплетены и взаимосвязаны, их структура скрыта различными в содержательном плане социальными отношениями. Анализ массовых представлений о времени, основывающийся на данных социологических опросов или исследований общественного мнения, требует разбора разных — по масштабу, по смыслу и функциям — содержательных, предметных механизмов последовательного упорядочения действий и представлений о событиях прошлого, настоящего и будущего. Но тем важнее оказывается задача не только зафиксировать изменения в системе институтов, в массовых представлениях о них и пространстве возможностей действия самих людей (или, напротив, их отсутствие, несмотря на существенные, казалось бы, трансформации в общественной и по-

литической жизни), но и объяснить, почему в одних институциональных сферах изменения происходят синхронно, а в других — их нет или они идут с очень разной скоростью.

В качестве самого общего и предварительного вывода из разбора материала наших исследований я мог бы сказать следующее. Неудача реформ в России, прежде всего трансформации политической системы, разорвала наметившуюся было связь между повседневностью (интересами и кругозором текущего существования людей) и политикой (как сферой участия, разделения ответственности, солидарности, необходимости понимания другого и интереса к нему). Как выяснилось, для того, чтобы такая связь установилась, должен был существовать мощный пласт культурно-исторических (в том числе правовых), представлений о социальных институтах, которые вобрали бы в себя всю сложность и комплексность семантики антропологических, моральных и символических отношений в обществе и представления о длительности их формирования. Собственно, именно такова была задача эпохи Просвещения и позитивного знания. Тоталитарный режим «общества-государства» мог возникнуть только в условиях отсутствия (или срезания, уничтожения) этого слоя значений. Иллюзии перестроечного времени были порождены тем, что небогатые культурные и человеческие ресурсы определенного слоя внутри советской бюрократии были приняты за потенциал всего общества. Культурного (исторического, морального, научного, политического) потенциала этих групп хватило только на негативную часть работы по трансформации системы, а именно — критику дефектов советской власти и смену состава первого эшелона власти. Разрушение *целостности* институциональной системы советского типа не стало предпосылкой дальнейшего усложнения (структурно-функциональной дифференциации) социума, т. е. развития общества, а, напротив, привело к редукции сложности — упрощению политической подсистемы и, тем самым, стерилизации потенциала других подсистем

¹ Я рассматриваю своеобразие форм времени как различие типов поведения, включая и выражение мнений. Данная статья продолжает анализ временных характеристик и исторического кругозора «советского» и «постсоветского человека» (см.: Гудков Л. Время и история в сознании россиян (часть I) // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 3. С. 84–102). Я хотел бы систематизировать и обобщить материал по этим темам, полученный в ходе реализации многолетнего проекта Левада-Центра по программе «Советский человек», и его интерпретации в статьях и публикациях авторов, принадлежащих к исследовательской группе первого ВЦИОМа, — Ю.А. Левады, А.Г. Левинсона, Б.В. Дубина и моих собственных работах.

общества, более динамичных, поскольку их развитие обусловлено интересами массы людей и построено на других механизмах (обмена, доверия, кооперации). В результате мы имеем дело с выходом на поверхность архаических пластов культуры, крайне примитивных представлений о власти, человеке и обществе, соответствующих фазе патримониально-бюрократической организации общества со всеми рудиментарными представлениями о населении как пассивном ресурсе «героической» власти, т. е. как о ничем не связанном или не ограниченном произволе. По идее, именно историческое обучение массы должно было бы стать условием формирования слоя представлений, опосредующего отношения власти и общества, но то образование, которое давала советская школа, всего лишь «разукрашивало» мифологические структуры массового сознания, утверждая героические стереотипы вождей, борющихся с полчищами хтонических чудовищ и недругов, в сочетании с демиургической ролью основателей большевистского государства и патернализмом последующих правителей.

Советский школьный учебник истории в строгом смысле был учебником *не истории*, а иллюстрацией на историческом материале истматовской формационной пятичленки, нацеленной на то, чтобы вбить в сознание идеи железной закономерности и детерминированности прошлого как предшествующего происходящему сегодня. Такая педагогическая задача соответствовала требованиям апологии *правящей в каждый настоящий момент* власти, утверждению в молодом поколении идеи иммунитета или непогрешимости руководства страны (осознанию, с одной стороны, его безальтернативности и неподсудности для любой критики, а с другой — снятию с него всякой ответственности за принятые политические решения и действия). Идеологическая функция такого образования совершенно ясна: историческая миссия, историческая роль государства *всегда* соответствует национальным интересам, прогрессу, вызову — короче, «объективной логике законов истории». Если «не соответствует», то подлежит критике, устраняющей неправильные действия отдельных руководителей. Признание некоторых ошибок и «перегибов» высшего руководства в прошлом оказывается условием легитимности *действующей* власти, исправляющей то, что является *личным* злоупотреблением, *волюнтаризмом* или недопониманием «требований момента» предшествующими вождями, царями, генсеками или президента-

ми. Иначе говоря, целью преподавания оказывается внушение идеи (трансцендентальной по сути) власти, тождественной с «мировым разумом», объективным духом мировых процессов, правильности социального порядка. Такая конструкция в принципе не совместима с идеей понимания истории как пространства выбора, в котором находятся всякий раз действующие лица истории, пространства возможного, но далеко не всегда реализованного выбора в силу тех или иных причин, изучение которых и составляет смысл исторического знания.

Да и этот период преподавания советской истории в школах был сравнительно недолгим (я имею в виду *реальный* выпуск людей с аттестатом зрелости и «прохождением» исторических предметов). Важно отметить, что значимое отсутствие исторического сознания «компенсировалось» или компенсируется и в настоящее время активизацией самых вульгарных и диких суеверий и магических верований, а также провиденциальных, конспирологических идей и представлений о реальности. Совершенно неважно при этом, искренне ли верят в них россияне или цинично играют в них. Главное, что они ведут себя таким образом, каким это предписано правилами мифа. Собственно именно этого и добиваются кремлевские политтехнологи, закорачивая связи между повседневными интересами и уровнем политических символов и представлений.

Представление об истории как таковой возникает только как коррелятивное образование по отношению к представлению о будущем. Это исторически было так (т. е. идея истории возникла вместе с идеей направленного развития в Новое время), это утверждение справедливо и сегодня. Если нет одного, нет и другого. Это не разные или независимые друг от друга содержательные сферы значений, а общая структура организации времени. Если нет «истории», то нет и будущего (хотя бы в виде идеи повторения настоящего и того, что «всегда было»).

Интерес к прошлому может иметь разную природу: он может быть обусловлен необходимостью *поддержания коллективной идентичности* (объяснения генезиса «мы»); мотивированным *академическими ценностями познания* истории (но это наиболее редкий в обществе вид обращения к прошлому); *легитимационным* (направленным на оправдание существования тех или иных институтов и коллективных ритуалов); *маскультурным* (развлекательным); *идеологическим* (преследующим цели защиты тех или иных групповых или институциональ-

ных позиций, обвинения противников, поддержания коллективного целого, интегрированности группы); *дидактическим*, нравоучительным и т. п. Исторический интерес всегда ситуативно обусловлен, конкретен и окрашен большей или меньшей меркантильностью, политической и групповой ангажированностью, идеализмом. Функции оперирования с «историческим материалом» определяются задачами геополитики, государственно-правовой регуляции, защиты территориальной целостности и, наконец, необходимостью социализации молодого поколения и преподавания, сохранения антропологического единства «национального человека», интерпретации знаний в едином ключе и духе.

Никакого спонтанного или естественного «желания знать побольше» у массы нет, хотя опросы общественного мнения постоянно фиксируют разного рода декларации респондентов об их желании или необходимости больше знать о собственной истории и об интересе к отечественному прошлому. Смысл подобных заявлений опрошенных состоит в более или менее настоятельных требованиях поддержания определенной, лестной для национального сознания версии прошлого, укрепляющей коллективное «мы». Русский государственный и массовый национализм, апеллирующий к различным мифологемам «прошлого» (например, к «тысячелетней истории» России), антиисторичен, поскольку начисто лишен какого бы то ни было интереса к «собственно истории», к тому, «как это было на самом деле». Однако он нуждается в подкреплении собственных догм примерами из препарированной в идеологическом духе истории. История как наука представляет собой институциональную альтернативу к идеологии или демагогической политике национального целого, «интересов нации» (государства, народа, общества).

Нынешние настроения в российском обществе враждебны истории, историческому интересу, познавательному инстинкту историка. Академическая наука замкнута в своего рода научном гетто, а в публицистике, в выступлениях политиков, в СМИ доминируют тон апологетики государственной власти как таковой и, соответственно, тенденции к «эксклюзивному» пониманию истории¹. Школьная история России сегодня трактуется практически исключительно как государственническая история русских поданных (русских — в смысле этноконфессио-

нально русских — православных). В результате из истории России выпадают целые периоды и тематические разделы (колониационные войны, история соцлагеря, история еще недавно своих, союзных, республик), замалчивается или проявляется очень значительная избирательность в подходе и оценках истории отдельных территорий (прежде всего с титульным нерусским населением — Татарии, Якутии, Башкирии, Северного Кавказа и других образований с несколько сомнительным статусом), а главное — не возникает потребности знать об этом, понять сложность мотивов действующих лиц, их взаимодействие, принять как данность идею гетерономии действительности.

Прежде чем перейти к разбору смысла и значимости «исторических» представлений россиян, т. е. массового понимания событий прошлого, их структуры и состава, их функции в поддержании коллективной идентичности, остановимся на нескольких общих моментах, специфических для результатов уже первых замеров 1988–1989 гг. Во-первых, мы с самого начала фиксировали (и в дальнейшем лишь подтверждали этот факт) исчезновение почти всяких следов коммунистического мессианского сознания. Революционистская идеология, если судить по ретроспективному анализу возрастных когорт, умерла вместе с крахом хрущевских реформ, т. е. ко времени подавления Пражской весны, когда стало окончательно ясным, что социализм как система не реформируем. Осознание этого обстоятельства пришло довольно поздно к российскому образованному сообществу, поскольку ему препятствовали вполне понятные социальные интересы этого слоя и претензии на идейное руководство. В низовых слоях это сознание направленного времени и, соответственно, будущего, роли СССР (или миссии русского народа) разрушилось, видимо, еще раньше, хотя следы имперских претензий и комплексов от утраты статуса сверхдержавы сохраняются по сей день. Во всяком случае, в первом опросе «Советский человек» (1989 г.) доля ответов «Наша страна является примером для других обществ и стран» составляла всего 2% (в последнем опросе 2008 г. — 5%), т. е. эта оценка была и остается выражением позиций и взглядов маргиналов. Присущий любым вариантам тоталитарных режимов фактор «веры в светлое будущее» (и как необходимый элемент идеологии «нового общества» и «нового человека», и как оправдание репрессивной практики социального контроля — требование защиты будущего от сил реакции, и как условие поддер-

¹ См. статьи и материалы, подготовленные Людмилой Рыбиной по этой тематике в «Новой газете»: «История без права переписки» (2009. № 71) и «Школьный курс истории стал партийным» (2010. № 77).

жания распределительной функции государственной бюрократии) утратил свою силу и значимость и к моменту краха советской системы воспринимался как политический анахронизм, демагогия выживших из ума геронтократов или признак явного девиантного поведения. Однако это означает не исчезновение подобных структур сознания, а их трансформацию или транспонирование. Идеологические элементы и постулаты «нового человека» (советского человека) в момент кризиса советской системы превращаются в «утопию нормальных стран», о которой писал А. Берелович¹. На этой первой фазе реконфигурации массовых представлений имеет место перенос утопических стереотипов сознания на страны идеализируемого Запада, выступающие в качестве декларируемых ориентиров «Европа — наш общий дом» и в качестве образцов для недолгой политики модернизации и реформ. Далее (вторая фаза) элементы утопии переносятся в прошлое, способствуя идеологической фабрикацией столь же идеализированных и столь же фантастических «русских национальных традиций», разворота политики в сторону неотрадиционализма, православия и нового самодержавия или путинского авторитаризма, незаметной, но все более усиливающейся бюрократической ритуализации и сакрализации («бесконтрольной») власти, сопровождаемой возвращением к антизападничеству в сочетании с выхолащенной риторикой нового модернизационного рывка.

Утопизм как фактор структурирования времени остался в виде привычных патерналистских иллюзий и все более слабых, остаточных надежд на власть, т. е. в качестве очень устойчивой и консервативной идеологии, суть которой заключается в том, что власть «должна» обеспечивать людей определенным минимумом социальных благ и гарантий (работы, жилья, медицинского обслуживания, образования и тому подобных социальных функций). То, что власть не выполняет этих социальных обязательств, приводит лишь к аморфному социальному недовольству, расчету обывателя только на свои собственные силы, но не меняет структуры представлений о том, как устроено общество. Здесь представления о том, как «должно быть», замещают реальность, нейтрализуют или вытесняют соответствующие интересы актуального действия или участия в политике, в возможности изменения ситуации. Нерациона-

¹ См.: Berelowitch A. L'Occidente, o l'utopia di un mondo normale // Europe. 1993. № 1. P. 31–43.

лизируемым резидуумом этой идеологии «светлого будущего» следует считать смутные основания легитимности власти, гарантирующей «стабильность», «умеренный достаток» и порядок в обществе, т. е. все то, что связывается в последние десятилетия с идеализированными представлениями об эпохе брежневского застоя как лучшего времени, которое было у России в XX в.² Тотальный хронический дефицит советских лет сегодня начисто забыт, на позитивном отношении к недавнему прошлому сказывается прежде всего (в виде негативной проекции настоящего или травмы недавнего времени) опыт существования в условиях институционального развала советской системы, от которого россияне с трудом отходят и не могут отойти, поскольку об этом напоминают пугающие кризисы 1998 и 2008 гг.

Последствия советского, «извне» регламентированного, режима существования мы фиксируем не только в самом конце советского времени, но и в настоящем. В 1989 г. у 70% взрослого населения не обнаруживалось явных признаков рационального самоконтроля времени (см. табл. 1), по крайней мере, эти механизмы самоорганизации не были как-нибудь специфически акцентированы или выражены (обстоятельство, видимо, сильно удивившее бы какого-нибудь ревностного протестанта XVIII в., скажем, Б. Франклина).

Таблица 1
ПЛАНИРУЕТЕ ЛИ ВЫ СВОЮ ЖИЗНЬ ЗАРАНЕЕ, РАС- СЧИТЫВАЕТЕ ЛИ ВЫ СВОЮ ЖИЗНЬ ИЛИ ЖИВЕТЕ КАК ЖИВЕТЕСЯ? (в % от числа опрошенных)

Суммарные варианты ответов	1989	2008	2010
Обычно я не строю планов на будущее + в моей жизни вряд ли что-то может измениться + затруднились ответить	70	51	50
Я знаю, что будет со мной в ближайшие год-два, а на большее я не загадываю	17	33	34
Я полагаю, что через несколько лет моя жизнь серьезно изменится + я рассчитал, что добьюсь своей цели через лет через десять	14	16	16

N=1500.

² См. Левада Ю. Исторические рамки «будущего» в общественном мнении // Вестник общественного мнения. 2004. № 1. С. 16–25; Дубин Б. Лицо эпохи. Брежневский период в столкновении различных оценок // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 3. С. 25–32.

Последовавшие за крахом советской системы институциональные изменения — формирование элементов рыночной экономики, сопровождавшееся резким сокращением государственного сектора экономики, прежде всего — квалифицированных промышленных рабочих¹ и бюджетников, рост безработицы, увеличение сектора обслуживания и торговли, усиление общей социальной неопределенности и негарантированности социального положения, болезненно переживаемые обществом, не просто ослабили связь социального статуса и дохода, но заставили людей, вопреки их воле, искать другие возможности действия, больше рассчитывать на себя, калькулировать свои ри-

ски, «вертеться», т. е. оперировать своими ресурсами, главным образом, в диапазоне среднесрочных целей и задач (удельный вес ответов о планировании «на год-два» вырос за 20 лет с 17 до 33% (табл. 1; в другой формулировке вопроса распределение ответов дает несколько иную картину, хотя общий тренд тот же: см. табл. 2)².

Так или иначе, удельный вес тех, кто проявляет хоть какие-то признаки калькуляции времени, растет и число респондентов, заявляющих о том, что они сумели воспользоваться открывшимися возможностями, увеличилось в последнее десятилетие с 7 до 12% (хотя с наступлением кризиса 2008 г. оно опять заметно упало — график 1). Кризис, который, казалось бы, должен

Таблица 2

КАК ВАМ КАЖЕТСЯ, НА КАКОЙ СРОК ВЫ В СОСТОЯНИИ ЯСНО ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЕ БУДУЩЕЕ СВОЕЙ СЕМЬИ, ЕСЛИ ВЫ ЖИВЕТЕ ОДИН – СВОЕ БУДУЩЕЕ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1997, сентябрь	1998, сентябрь	1999, октябрь	2009, октябрь	2010, июль
1. Не более чем на один день	17	23	26	13	13
2. На ближайшие недели	19	24	21	17	18
3. На ближайшие месяцы	25	23	21	25	22
4. На один-два года	16	14	15	22	25
5. На три-пять лет	5	4	4	10	9
6. На шесть-десять лет	2	1	1	2	3
7. Более чем на десять лет	1	2	3	2	3
8. Затруднились ответить	15	9	10	8	7
Сумма ответов: «1»+«2»	36	47	47	30	31
Сумма ответов «1»+«2»+«3»+«8»	76	79	78	63	60

N=1600.

График 1

ТИПЫ АДАПТАЦИИ (в % от числа опрошенных)

До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600.

¹ Именно квалифицированные промышленные рабочие были «основой» социальной структуры тоталитарного общества-государства, ее «средним классом».

² Строго говоря, сама структура временных соотношений не меняется, это колебания внутри одного и того же сознания (пределы изменений — в границах 10 пп.).

сокращать дистанцию обзора или будущего, судя по всему, имеет не слишком длительное воздействие: по мере успокоения и «стабилизации» режима горизонт раздвигается всего на полшага-шаг и зона ближайшего или дистанция «обозримого» увеличивается на несколько месяцев (примечательно здесь уменьшение числа затруднившихся ответить с 15 до 8%).

Устойчивость подобных распределений свидетельствует о том, что мы имеем дело с консервативными процессами адаптации к изменениям, о чем писал Ю.А. Левада в своих статьях о стратегиях адаптации и нейтрализации массовых протестных настроений, а также другие сотрудники Левада-Центра (М.Д. Красильникова, Н.В. Бондаренко). Но это же означает, что прежняя институциональная система оказалась разрушенной не так сильно, как это представлялось ранее, особенно в 1990-е гг. Или, правильнее было бы сказать, что изменения (появление других стандартов жизни и ориентаций на более высокий уровень жизни) оказались значимыми лишь для очень узких сегментов российского общества, получивших наибольшие выгоды от своей близости к власти, покупавшей таким образом лояльность самых дееспособных и обладающих наибольшими социальными и культурными ресурсами групп.

Как следует из данных таблицы 3, за последнее десятилетие объем групп, характеризующихся ориентациями на более высокие стандарты жизни, на ее улучшение, не превышает четверти

Таблица 3

ЕСЛИ ГОВОРИТЬ ОБ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ ВАШЕЙ СЕМЬИ, КАКИЕ ЦЕЛИ ВЫ, ЧЛЕНЫ ВАШЕЙ СЕМЬИ СТАВЯТ ПЕРЕД СОБОЙ?

(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1998	1999	2001	2003	2004	2005	2006	2007	2009
1. Выжить, пусть на самом примитивном уровне существования	28	22	18	16	18	15	15	20	21
2. Жить не хуже, чем большинство семей в моем городе, районе	48	55	48	55	50	58	56	55	55
3. Жить лучше, чем большинство семей в моем городе, районе	12	10	17	17	21	15	20	17	16
4. Жить так, как живет средняя семья в Западной Европе, США	9	10	13	9	8	8	7	7	6
5. Жить лучше, чем живет средняя семья в Западной Европе	3	2	3	2	3	2	3	2	2
Сумма ответов «4»+ «5»	12	12	16	11	11	10	10	9	8
Сумма ответов «3»+«4»+«5»	24	22	33	28	32	25	30	26	24

N=1600.

населения страны (т. е. тех, кто, по их словам, «выиграл от идущих в последние десятилетия изменений», а это и есть околовластные или связанные с властью круги). А если взять только тех, кто стремится приблизиться к стандартам западных стран, соответственно, оперирует категориями «будущего времени», «времени достижения», а не пассивного приспособления к внешним обстоятельствам, то приходится сказать, что их размеры даже сократились с 12 до 8%.

Именно эта небольшая, но «успешная» в плане роста стандартов жизни группа российского общества (те, кто заявляет, что им «удалось использовать открывшиеся в последние годы возможности» — график 1), резко отрывается от основной массы населения, не имеющей других оснований оценки и ориентиров, кроме представлений о том, что «так все вокруг живут».

Подобные процессы разрыва между центром (или центрами, задающими образцы или поддерживающими сложные стандарты поведения и более высокий уровень запросов) и периферией, оборачивающиеся консервацией прежних форм, т. е. традиционализацией поведения, стратегиями приспособления через снижение уровня запросов и ориентаций, оценок и т. п., имеют всеобщий характер, захватывая одновременно и изменения в структуре этнонациональности, и сферы морали, и массового чтения (потребление печатной продукции), и высшего образования, науки¹.

¹ См. Гудков Л., Пчелина М. Бедность и зависть: негативный фон переходного общества // Мониторинг общественного мнения. 1995. № 6. С. 31–42; Зоркая Н.А. «Ностальгия по прошлому» или какие уроки могла усвоить и усвоила молодежь // Вестник общественного мнения. 2007. № 3. С. 35–46; Она же. Православие в безрелигиозном обществе // Там же. 2009. № 2. С. 66–85; Дубин Б., Зоркая Н. Система высшего образования в оценках населения: проблема уровня и качества // Там же. 2009. № 3. С. 44–70.

Консервативный авторитарный режим («путинизм»), возникший в результате реструктуризации советской системы, не изменил базовых установок массового человека, поскольку все усилия его были направлены на сохранение системы власти и блокирование процессов институциональной дифференциации. Но такая консервация была осуществлена за счет существенно усилившейся антилиберальной пропаганды, упорной дискредитации Запада и западных моделей общественного устройства, произведенной идеологической службой нового режима, использующей новейшие политтехнологии, поскольку именно с «Западом», с «европеизацией» связаны представления о «модернизации» страны, преодолении ее отсталости, т. е. с достижением Россией того уровня, которому отвечают в настоящее время самые развитые страны.

Но не только поэтому отношение россиян к Западу, характер рецепции западных ценностей, рамки идентификации с западной культурой и т. п. носили и носят противоречивый, двусмысленный характер¹. Сама по себе эта противоречивость обусловлена тем, что разные институциональные структуры постсоветского общества, имеющие разный символический вес и функцию, меняются с разной скоростью и глубиной: наиболее устойчивыми и консервативными, как уже приходилось не раз отмечать², оказываются структурообразующие институты бесконтрольной авторитарной власти и так называемые «силовые структуры», на которые эта власть опирается — политическая полиция, спецслужбы, судебная и правоохранительная системы, а также институты образования, определяющие глубину и композицию массовой идентичности.

Кроме того, сами эти рамки существенно меняются на протяжении последних 20 лет, в течение которых велось наблюдение за противоречивым процессом перестройки советской системы, ее переходом от тоталитариз-

ма к авторитаризму. Наиболее открытым для трансформации и сближения с Западом, готовности принять западные модели социального устройства и западные ценности был период конца 1980 — начала 1990-х гг., характеризовавшийся быстрым развитием кризиса советской идентичности, распространением мазохистского сознания исторического тупика, ловушки, в которой оказалась страна. В эти недолгие 1989—1993 гг. в массовом сознании были распространены представления о том, что Россия оказалась на обочине исторического развития, что наша история была цепью чудовищных преступлений и национальных катастроф, а ценой выживания советской системы стали массовая нищета, апатия, стагнация (застой) и все более усиливающийся разрыв с наиболее развитыми мировыми странами Запада. На этом фоне кризиса системы и воспаленных комплексов бывшей супердержавы, потери прежней идеологии и сознания своего миссионерства в российском обществе создались предпосылки для рецепции западных ценностей и моделей общественного устройства. Люди плохо понимали, что такое демократия и правовое государство, каков смысл разделения властей и признание неотчуждаемых прав личности, собственности и свободы, но интуитивно понимали, что только ограничение всевластия государства может вести к интенсивному развитию экономики, к повышению качества и уровня жизни, к большей социальной защищенности населения, поскольку все это связано с усилением контроля общества над властью и более высокой степенью ответственности государства перед гражданами. Именно в эти недолгие годы вектор массовых настроений указывал на стремление в Европу, сближение с европейскими странами, готовность учиться у Европы, расширить рамки европеизации страны. Они выразились и в относительно высоком уровне символической идентификации с Европой и европейской культурой, в стремлении к прекращению конфронтации и установлению основ для прочной мирной политики, к поиску всевозможных компромиссов и соглашений, делающих международные отношения и экономическую политику более толерантной и договорной, согласованной. Однако начиная уже с 1994—1995 гг. пошел обратный процесс усиления русского компенсаторного национализма и имперского (державного) сознания, который сопровождался ростом консервативных и изоляционистских настроений, всячески усиливаемых антиреформаторскими и антидемократическими политическими силами, обвиняющими

¹ Это отношение может быть определено в самом общем виде как сочетание притягательности и отталкивания, представление о Западе как некоторой утопии современности и воплощения всего, что хотели бы иметь в самих себе и у самих себя большинство россиян, — свободы, демократии, высокого уровня жизни, социальной защищенности, гарантии прав человека, развития культуры, науки, технологий, экономики, с одной стороны, и сохраняющихся сильнейших фобий перед чужим и враждебным культурным влиянием, паранойей утраты национальной идентичности, опасности колонизации России, захвата ее богатств и подчинения, с другой.

² См. Гудков Л. Итоги путинского правления // Вестник общественного мнения. 2007. № 5. С. 8—30; Он же. Природа путинизма // Там же. 2009. № 3. С. 6—21.

сторонников демократии и трансформации системы в падении жизненного уровня, в распродаже национальных богатств, сдаче перед Западом и национальном предательстве¹.

Блокирующим фактором изменения сознания времени по-прежнему остается архаическое отношение к власти, ее сверхценное значение, обуславливающее понимание ее как силы, конституирующей «общество», владеющей им, «заботящейся» о людях и наставляющей их. Обратная сторона такого рода патернализма (не представительство различных групп интересов, реализация политических партийных программ, ответственность, короткие сроки функционирования, общественный контроль, а недифференцированность, тотальность социального целого, монополизм власти) проявляется как социальная инфантильность индивида во всех сферах, кроме сферы частной жизни, поддержание значимости гемайншафтных отношений, безответственность сторон взаимодействия во всех ситуациях формальной регуляции. Быстро растущая и широко распространенная социальная зависть вызвана усилением социально-экономического неравенства, неисполнением патерналистских обязательств власти и соответствующих ожиданий населения. Компенсирующие эту фрустрацию неудовлетворенности и зависти надежды на чудо и вождя-спасителя (со стороны подданных) оборачиваются несменяемостью власти. Аккламация и безальтернативность становятся принципиальными чертами государственно-политической системы (ее «здоровый консерватизм», или, как сейчас говорят, «динамический консерватизм»). Иначе говоря, комплекс «лузеров» (чувство поражения, социальной и политической беспомощности, зависимости от внешних институциональных сил) и «принцип надежды» — взаимосвязанные вещи (у 50%, а в отдельные годы — до 60%, опрошенных россиян отмечается хроническое чувство «проигравших от идущих в стране перемен», «выиграли» от этих изменений — 23%, затруднились ответить — 27%). Причем такого рода соотношения очень устойчивы на протяжении последних лет².

¹ Привлекательность западного образа жизни (в качестве образца ценностных ориентаций) в 1991 г. была установлена у 62% опрошенных (негативное отношение — у 10%, 28% затруднились с ответом), в 2008 — у 46%, негативное отношение высказали 30%, затруднились с ответом 24%.

² Приведу в качестве примера хронически негативных реакций данные о субъективных оценках изменения материального положения семьи за последний год: у 13% оно улучшилось, у 46% осталось таким же, как было, у 38% ухудшилось (затруднились ответить — 2%; 2008, N=1600) В будущем же году, по мнению тех же респондентов, положение семьи

Резидуумы утопизма: вытеснение политики из повседневности. Принцип «надежды» работает на институциональное закрепление или инерцию советского «оптимизма», остатков тоталитарной идеологии «нового человека» и «нового общества», превратившихся (в силу неразвитости среды, не подкрепляющей мотивацию действия соответствующими средствами и нормативными ресурсами) в скрытую жажду «чуда», в соблазн психологической иррациональности, заменяющей нормы и навыки рационального расчета своих возможностей и мотивов других лиц (а также веру в собственные силы). Принцип надежды «включает» действие установок государственного патернализма и мифологическое сознание с его сюжетами и формами мышления³.

Если мы посмотрим на график динамики массовых ожиданий («Чего Вы ждете от будущего, как Вы считаете, положение дел в политическом плане или в экономике изменится к лучшему, к худшему или не изменится вовсе?»), то мы увидим, что как подъем, так и спады в оценках будущего зависят исключительно от электоральных компаний (график 2; пики «оптимизма» точно повторяют электоральные циклы: 1995—1996, 1999—2000, 2003—2004, 2007—2008), причем политические ожидания лучшего всегда чуть-чуть отрываются от экономических, «тянут» их за собой. Этот график показывает отсутствие собственных механизмов инициативы, достижения, продуктивности, зависимости от властей и их обещаний.

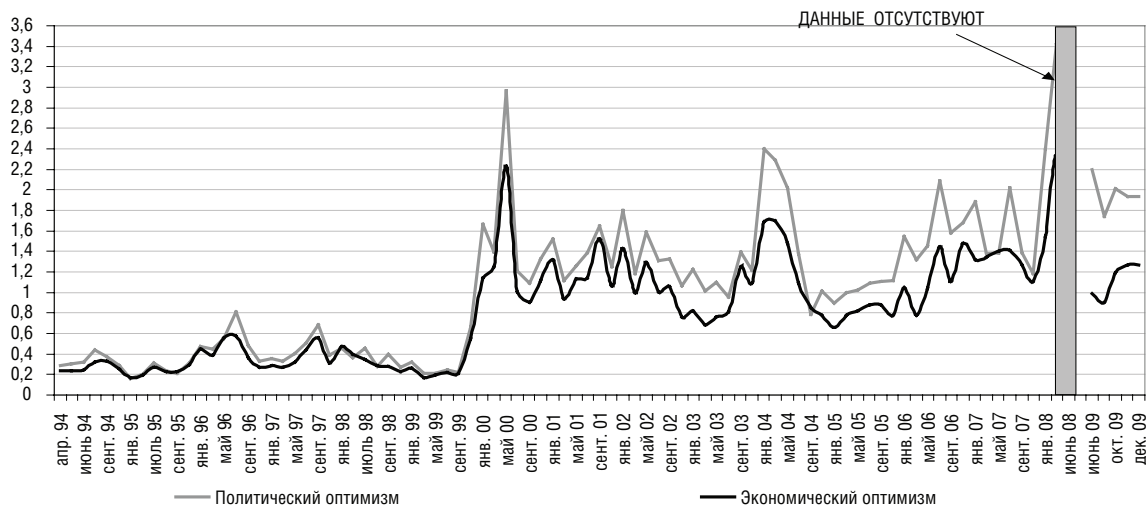
Соблазн принципа надежды (и слабость его как мотивации действия) обусловлена его функцией: служить переключателем регистра реальности, перевода одной модальности восприятия реальности в другую — в мифологическую плоскость времени и восприятия событий. Нет устойчивых механизмов, которые могли бы преобразовать мотивацию надежд в мотивацию собственного достижения, поэтому всплески ожиданий чуда

улучшится (21%), у 47% останется без изменения, у 15% ухудшится (что в 2.5 раза меньше, чем было), 17% затруднились с ответом. 85% считают, что они не могут оказывать влияние на принятие решений в делах, имеющих общее значение (по проблемам района, города, где они живут, или страны), поэтому 90% всех россиян не чувствуют ответственности за происходящее.

³ По сути, мы имеем дело с механизмом, который знаменитые немецкие психологи Александр и Маргарет Митчерлих, исследовавшие посттоталитарное сознание, называли эффектом «дереализации» (De-realisierung), который заключается в отказе придавать событиям и фактам действительности статус реальности. — Mitscherlich A., Mitscherlich M. Die Unfähigkeit zu trauern: Grundlagen kollektiven Verhaltens. München: Piper, 1967 (впоследствии были многочисленные переиздания и переводы).

График 2

ПОКАЗАТЕЛИ ОПТИМИЗМА (Соотношение давших положительную – «очень хорошее», «хорошее» и «среднее» и отрицательную «плохое» и «очень плохое» – оценки; затруднившиеся с ответом не учитывались)

До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600.

быстро спадают. Отсюда и хроническое чувство «проигравших» (50% опрошенных, по их словам, «проиграли в ходе идущих в стране с 1985 года изменений», 23% «выиграли», затруднились ответить 27%). Уровень коллективных событий никак не контролируется отдельным человеком, а потому оказывается сферой различного рода мифов, проекций, предрассудков, иллюзий и упований. Слабость институтов (если их рассматривать с «нормативной», т. е. идеологически заданной, точки зрения европейского либерализма и правового государства, хотя правильнее было бы считать это специфическими характеристиками российских институтов) и соблазн надежды определяют условия перевода восприятия реальности («смена регистра») в мифологическую плоскость.

Поэтому колебания в общественных состояниях (представлениях о желаемом состоянии) связаны почти исключительно с действием пропаганды и других мобилизационных механизмов. У 86% опрошенных нет представлений о том, куда движется страна, или эти представления очень смутны и туманны (декабрь 2009 г.). Именно поэтому электоральная «вздрючка» пробуждает не солидарность и расчет, а вневременные надежды, иллюзии. Этот график показателей оптимизма показывает отсутствие собственных механизмов инициативы, достижительности, продуктивности и потому – зависимость от властей, их обещаний. При этом ресурс «как бы надежд» есть и даже очень значительный: большинство россиян в

условиях нынешнего кризиса надеются на возвращение к путинской стабильности и благополучию в самое ближайшее время (в конце 2009 г. 57% опрошенных заявили, что они верят, будто улучшение наступит уже в 2010 г., 32% полагают, что ситуация сохранится, и лишь 4% настроены мрачно, на ухудшение ситуации).

На протяжении последних десяти лет наиболее распространенные типы адаптации («приходится вертеться» и «свыклись с ограничениями») в сумме составляют 55–65% всех ответов респондентов, т. е. являются доминантными стратегиями повседневного поведения россиян.

Два других варианта поведения – «*дезадаптированных*» («никак не могу приспособиться») и «*успешных*» («удалось добиться большего, использовать открывшиеся возможности») – располагаются по краям основного массива. А это значит, что у основной массы населения отсутствуют представления о будущем, ориентации на более высокие ценностные стандарты жизни или соответствующие им стратегии их достижения. Отсюда и возникает эффект социальной зависти («зелен виноград»), глухое раздражение и недовольство существующим порядком распределения благ и возможностей, выливающиеся в утверждение о несправедливости нынешней системы власти и общества, распределения государственных доходов или о корыстности и эгоистичности, коррумпированности власти, присваивающей себе основную часть национальных богатств.

Таблица 4

ЕСТЬ ЛИ У ВАС ПРЕДСТАВЛЕНИЕ, В КАКОМ НАПРАВЛЕНИИ ДВИЖЕТСЯ НАША СТРАНА, КАКИЕ ЦЕЛИ ПОСТАВЛЕНЫ ПЕРЕД НЕЙ ЕЕ НЫНЕШНИМ РУКОВОДСТВОМ?

(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2004, март	2005, август	2006, август	2009, август
Довольно ясное представление	18	14	22	20
Довольно смутное представление	43	41	36	43
Нет никакого представления	22	22	24	21
Ясно, что дела в стране пущены на самотек	13	18	13	8
Затруднились ответить	4	5	5	8
Сумма негативных высказываний	82	86	78	80

N=1600.

Путинские годы (настоящее России в сравнении с другими периодами правления) оцениваются согласованно и позитивно, и чем моложе опрошенные, тем выше уровень позитивного консенсуса: у самых молодых респондентов, от 16 до 24 лет (т. е. рождения 1984–1992 гг.), этот показатель достигает 83%, с возрастом он опускается, но и у самых пожилых, от 65 лет и стар-

Таблица 5

ЛИЧНО ВЫ, ВАША СЕМЬЯ, ВЫИГРАЛИ ИЛИ ПРОИГРАЛИ ОТ ПЕРЕМЕН, КОТОРЫЕ ПРОИСХОДЯТ В СТРАНЕ НАЧИНАЯ С 1992 г. ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1999, декабрь	2002, ноябрь	2002, декабрь	2006, декабрь	2007, декабрь	2008, декабрь	2009, декабрь
Выиграли	10	20	22	22	29	36	23
Проиграли	74	70	57	57	41	37	50
Затруднились ответить	16	10	21	21	30	27	27

N=1600.

Таблица 6

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ, КОТОРЫЕ ИДУТ В СТРАНЕ, НАЧИНАЯ С 1992 Г., ПРИНЕСЛИ РОССИИ БОЛЬШЕ ПОЛЬЗЫ ИЛИ БОЛЬШЕ ВРЕДА? (в % от числа опрошенных)

	2000 февраль	2005 декабрь	2006 декабрь	2007 декабрь	2009 декабрь
Больше пользы	14	27	29	43	29
Больше вреда	76	56	53	35	48
Затруднились ответить	11	17	19	22	23

N=1600.

ше (годы рождения – 1920–1942), он составляет 70%; у низко образованных – 77%, у людей с дипломом вуза – 72%. Доля затруднившиеся с ответом во всех группах невысока (от 6–10% до 15% у самых старых).

Высокая оценка путинского периода определяется резко возросшим значением «принципа надежды», выполняющего крайне важную роль в конструкции реальности. Нет сомнения, что эти годы были самыми благополучными в новейшей истории страны¹, однако это благополучие распространялось далеко не на всех (кривые оценок текущего состояния дел в стране и динамики семейных доходов не соответствовали такому радужному консенсусу) и явно носило крайне неравномерный характер. Но фактом остается именно снижение тревожности и негативных ожиданий в ближайшем будущем (см. табл. 7). После кризиса 1998 г. (пика негативных оценок) идет устойчивое снижение страхов, хотя и роста позитивных установок тоже не отмечается: доля ответов «Самые тяжелые времена уже позади», поднявшись с 6 до 23% в 2001 г., затем снижается и держится длительное время на уровне 17–18%, затем, после осени 2008 г., опять поднимается до тех же 23% в 2010 г., когда у некоторых групп опрошенных восстанавливаются надежды на скорое окончание кризиса или, по крайней мере, его замораживание.

¹ О причинах этого благополучия уже приходилось говорить в других статьях. Сам по себе Путин не имеет отношения к этому процветанию, однако для нас здесь важно, что именно с ним связываются эти годы, что именно ему, а не кому-либо другому приписываются достижения благополучия. – См.: Гудков Л. Природа «путинизма» // Вестник общественного мнения. 2009. № 3. С. 6–21.

Принцип надежды¹, описанный нами, может работать только на фоне хронического чувства поражения или невозможности действия. Хотя тревожность и страх перед будущим заметно снизились на протяжении десяти лет путинской «стабильности» (см. табл. 7), но они никуда не пропали, более того – они оказываются структурирующим фактором восприятия (организации) времени и отношения респон-

неконтролируемого самим индивидом времени задана событиями нескольких уровней: символическим (эпохальные события коллективной истории, общего прошлого, объяснения происхождения общих «нас»), историческим (обозримым временем жизни одного, двух или трех поколений, как «советское время») или практическим (более мелким членением этой жизни – по периодам правления или изменения режимов

Таблица 7

МЫ ПЕРЕЖИВАЕМ СЕЙЧАС САМЫЕ ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА, ИЛИ ОНИ УЖЕ ПОЗАДИ, ИЛИ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ? (в % от числа опрошенных)

Год, месяц опроса	Переживаем их сейчас	Они уже позади	Они еще впереди	Не знают, затруднились ответить
1991, ноябрь	16	0	80	4
1992, январь	21	1	73	5
1993, февраль	24	3	56	17
1994, февраль	23	5	55	18
1995, декабрь	19	5	50	26
1996, ноябрь	22	6	52	20
1997, январь	24	6	52	18
1998, сентябрь	27	6	58	9
2001, май	25	23	42	10
2008, ноябрь	25	18	45	12
2009, сентябрь	39	17	33	11
2010, март	39	23	27	11

N=1600.

дентов к себе и собственной жизни. Иначе говоря, реальное, а не чаемое «большое» время (надиндивидуальное) задается ожиданием всякого рода неприятностей, деприваций и пакостей, исходящих от властей, которые могут лишить человека чего-то ему положенного, не предоставляя взамен каких-либо благ или преимуществ. Соответственно, структура «большого»,

власти: от 5–8 лет, как у Горбачева и Ельцина, до 18–20 лет, как при Брежнев и его быстро умирающих преемниках, и более, как при Сталине). Контекст определения эпохи строится путем сопоставления с другими «временами».

По отношению к двум третям XX в. у основной массы населения (от 64 до 50%) нет критериев, которые могли бы служить системой

Таблица 8

С КАКОЙ ОЦЕНКОЙ ВРЕМЕНИ ВЫ СКОРЕЕ БЫ СОГЛАСИЛИСЬ? (в % от числа опрошенных)

Время...	Больше хорошего, чем плохого	Больше плохого, чем хорошего	Баланс оценок (+/-)	Ничего особенного	Затруднились ответить	Сумма «ничего особенного» и «затруднились ответить»
Николая II революции	21	15	+6	17	47	64
Сталина	17	43	-26	8	32	40
Хрущева	25	44	-19	6	25	31
Брежнева	35	18	+17	26	21	47
Горбачева	12	54	-42	18	17	35
Ельцина	11	58	-47	17	14	31
Путина	76	5	+71	9	10	19

¹ «Психологический» соблазн надежды не следует путать с институционально обоснованным (и оправданным – этически, философски или исторически) оптимизмом.

координат или опорными ориентирами, смысловыми основаниями для понимания истории

и общего течения времени. Даже по отношению к не столь уж давнему брежневскому застою 47% опрошенных практически ничего не могут сказать. По мере приближения к актуальному времени все более положительно оцениваются периоды идеализируемой «стабильности» — предреволюционного периода интенсивной модернизации, хрущевских реформ и попыток десталинизации, в еще большей степени — брежневского времени. Но максимум позитивных оценок респондентов приходится на десятилетие путинского благополучия (76%). Отрицательно оцениваются все эпохи нестабильности (и чем ближе ко времени жизни оценивающего, тем резче негативное выражение). А это значит, что массовые оценки истории основаны не на государственнической легенде величия державы и героизма подданных, а на интересах повседневной жизни обывателя. Поэтому на фоне террора сталинского правления, метаний Хрущева и его попыток «коммунизировать» быт и придушить крестьянское или малгородское ЛПХ, брежневский застой оставляет в памяти населения поразительно мало дурного — всего 18% считают, что в это время плохого было больше, чем хорошего. Вытеснено из памяти состояние хронического дефицита продуктов и товаров, невозможность получения жилья и прочие прелести развитого социализма, приведшие к массовому недовольству и волне энтузиазма во время перестройки. Ничего из этого в памяти не удержалось. Частично это может объясняться тогдашним характером закрытости общества и суженной системой координат советского времени, последующим резким изменением и расширением системы оценок качества жизни, появлением новых запросов и требований к тем, от кого «зависит жизнь» обычных людей, но лишь частично.

Иначе говоря, оценки исторических периодов производятся на основе соединения критериев повседневных интересов и представлений о степени соответствия того или иного правителя образу «справедливого государя», государственно-патерналистским шаблонам. Позитивно оцениваются эпохи *рутинизации перемен*, к «героическим» или драматическим эпохам перемен (революции, Сталина, Горбачева, Ельцина) отношение явно хуже, и тем хуже, чем ближе оно к актуальному времени.

Речь не идет о рациональных расчетах или прагматических соображениях в оценке тех или иных периодов истории. Высокий уровень согласия и позитивных оценок периода правления Путина не предполагает критического ана-

лиза его деятельности или разбора и понимания стратегии его правительства. Речь идет именно о символических компонентах конструкции реальности, куда вписывается образ Путина как «добротного правителя».

У 86% опрошенных нет представлений о том, куда движется страна, или они очень смутные и туманные (декабрь 2009 г.). Верят правительству («У него есть программа выхода из кризиса») всего 30%, а 70% полагают, что у правительства нет ясного представления относительно того, что оно может или должно делать в ситуации настоящего кризиса. Соответственно, у респондентов очень велика неопределенность в вопросах о том, справится ли оно с кризисом или нет: 31% полагает, что справится, 45% — «Может быть, да, а может, и нет», 24% опрошенных настроены пессимистически и не верят в дееспособность руководства страны.

Приводимая композиция мнений говорит лишь о том, что конструкция и определения реальности, включающие в качестве одного из компонентов «принцип надежды», более устойчивы и значимы, нежели актуальные оценки действий властей. Или по-другому: функциональное значение властей в качестве фактора устройства реальности более важно, нежели способности конкретных начальников эффективно решать текущие задачи.

Сознание невозможности повлиять на принятие политических решений («невозможность» действия, участия, неверие в изменение коллективных условий существования, а вместе с тем отказ от ответственности за происходящее во всех сферах, кроме семьи) детерминировано как принудительным, внешним, не зависящим от индивида характером скорее нежелательных изменений¹, так и чувством проигравших, несоответствием завышенных или необоснованных ожиданий от будущего, рождающих зависть и подавленную агрессию (см. табл. 5 и 6).

Поэтому «успешность» жизни (фундаментальная разметка жизненных циклов и временные ориентации на смысловые значения тех или иных периодов или фаз) определяется кругом рутинных или традиционных отношений и репродуктивных проблем — создания семьи и воспитания детей, которые не требуют специфического знания или специальных

¹ «В исторической перспективе перестройка принесла больше плохого», — полагают 52% опрошенных, «больше хорошего» — 22%; 26% затруднились ответить (июльский опрос 2008 г.). О вынужденном характере социальных и политических изменений в России см.: Левада Ю. 1988–1998: десятилетие вынужденных поворотов // *Он же*. От мнений к пониманию. М., МШПИ, 2000. С. 158–174.

умений, предполагаемых современным обществом и образованием (как утверждал Чацкий, «чтоб иметь детей, кому ума недоставало!»). Индивидуалистические планы и устремления (профессия, карьера, самоусовершенствование, физкультура), равно и общественная деятельность, т. е. более сложные формы мотивации и социальных взаимодействий, пусть даже в декларативном виде, характерны лишь для ограниченного числа респондентов, примерно для 10–12%. При этом уровень удовлетворенности сложившимися гемайншафтными отношениями в общем и целом в 1,5 раза выше, чем действиями в тех областях, где ставились более индивидуалистические цели и задачи: скажем, добиться «профессионального мастерства», успехов в учебе или заняться «самовоспитанием».

Единственная из списка ценностей, обозначенных «желаемыми достижениями», которая безусловно значима для самого большого числа опрошенных (30%), – это благосостояние, финансовое благополучие. Данная позиция выбрана количеством респондентов, которое намного превосходит число тех, кто отмечал инструментальные пути и средства реализации подобной задачи или достижение подобных целей.

Нереализованные ожидания усиливаются с возрастом. Причем, если у тех, кто только начинал входить во взрослую жизнь в годы перестройки, разочарования незначительны, то у более пожилых людей, т. е. у тех, у кого собственно эти надежды и возникали во время перестройки и были связаны с реформами, оно почти в 1,5–2 раза превышает чувство удовлетворения. Время жизни этих людей («исполнение желаний» в последнее двадцатилетие) окрашено преимущественно негативно, в отличие от восприятия происходящего у более молодых групп. Причем именно в десятилетие «стабильности» и роста благополучия эти настроения разочарования и неудовлетворенности лишь усиливаются. Понятно, что удельный вес подобных негативных представлений ниже в тех слоях и группах, у которых социальные ресурсы больше и кто большего добился в нынешней жизни или обоснованно надеется добиться чего-то хорошего в жизни в силу молодости и больших шансов, которые предоставляет им та среда, в которой они живут (молодые, образованные, жители столиц и крупных городов в отличие от пожилых, малообразованных, сельских или малгородских жителей).

Таблица 9

НАЗОВИТЕ ВСЕ ОБЛАСТИ ЖИЗНИ, В КОТОРЫХ ВЫ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ДОСТИГЛИ ОПРЕДЕЛЕННЫХ УСПЕХОВ. НА ДОСТИЖЕНИЕ УСПЕХОВ В КАКИХ ИЗ ЭТИХ ОБЛАСТЕЙ ВЫ СОБИРАЕТЕСЬ СОСРЕДОТОЧИТЬ СВОИ УСИЛИЯ В БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ? (ответы ранжированы по левой колонке)

Вариант ответа	Достигли	Собираются достичь
Рождение детей	36	8
Воспитание, образование своих детей или внуков	36	24
Создание или укрепление семьи	35	12
Профессиональное мастерство	21	12
Духовное самосовершенствование (самовоспитание, понимание смысла жизни, других людей и др.)	20	11
Улучшение своего характера, формирование своего стиля поведения	17	8
Физическое развитие, укрепление здоровья	14	19
Учеба	12	7
Досуг, туризм, отдых, развлечения	10	8
Собственное благосостояние и благосостояние семьи, приобретение недвижимости, дорогих вещей, финансовое благополучие	9	30
Профессиональная карьера	8	11
Творческая деятельность (любительская), хобби, садоводство	7	5
Предпринимательская деятельность	3	4
Общественная деятельность	>3	1
Политическая деятельность	>1	>1
Ни в одной области жизни	10	8
Затруднились ответить	6	11

Сентябрь 2002, N=1600.

В Москве доля тех, кто считает, что жизнь оказалось лучше, чем они рассчитывали 10 лет назад, в 8 раз выше, чем удельный вес москвичей в населении страны в целом: 43 и 7% соответственно. Но здесь и поляризация противоположных оценок выражена гораздо сильнее, чем, скажем, у сельчан: 43 и 27% в Москве и 33 и 37% в селе; у людей с высшим и низшим образованием аналогичные показатели составляют 41:28% и 33:35%. Свое нынешнее положение оценивают как «лучшее» (по сравнению с тем, что ждали в годы перестройки или в 1990-е гг.), главным образом, представители директорского корпуса, высокие чиновники и предприниматели (удельный вес положительных ожида-

ний превышает отрицательные в 2,5-3 раза для руководителей и в 1,5 раза для предпринимателей; обратное соотношение отмечается у пенсионеров, низкоквалифицированных рабочих). Интенсивность недовольства растет по мере снижения уровня урбанизированности и образования, а также — по мере старения населения. (см. табл. 10 а–в). Там, где ничего не произошло в смысле реформ (если не считать то, что старая система распадалась, а новая не возникала, следовательно, у людей из этих категорий населения не появилось новых ресурсов на вступление в новые отношения), там остается хроническая депрессия и надежда на экстраординарные обстоятельства изменения ситуации.

Таблица 10

В СРАВНЕНИИ С ТЕМ, ЧТО ВЫ ОЖИДАЛИ В КОНЦЕ 1990 – НАЧАЛЕ 2000-Х, ВАША ЖИЗНЬ СТАЛА... (в % от числа опрошенных соответствующей социально-демографической или социокультурной группы)

а)

Возрастные группы (годы рождения)	Лучше	Такая же, как ожидали	Хуже	Был(а) ребенком, не помню, не знаю	Затруднились ответить	Разница между «+» и «-»
16–24 [1984–1992]	31	11	14	61	14	+17
25–34 [1974–1983]	41	15	16	46	7	+25
35–44 [1964–1973]	38	15	39	–	13	–1
45–54 [1974–1963]	39	16	40	–	5	–1
55–64 [1954–1943]	32	19	43	–	4	–11
65 и старше [1920–1943]	26	15	49	–	10	–23

б)

Профессиональный статус	Лучше	Такая же, как ожидали	Хуже	Был(а) ребенком	Затруднились ответить	Разница между «+» и «-»
Предприниматель	39	23	23	2	13	16
Руководитель	49	25	19	4	3	30
Специалист	39	15	33	4	9	6
Служащий	38	19	30	6	7	8
Квалиф. рабочий	39	14	32	6	10	7
Неквал. рабочий	26	16	38	6	14	–12
Безработный	39	11	40	5	5	–1
Учащийся, студент	26	7	10	39	17	+16
Пенсионер	27	15	47	0	11	–20
Домохозяйка	44	13	22	10	11	22

в)

Потребительский статус семьи	Лучше	Такая же, как ожидали	Хуже	Был(а) ребенком	Затруднились ответить	Разница между «+» и «-»
Можем позволить себе многое	63	18	5	0	14	58
Можем позволить ТДП	42	17	20	9	13	22
Денег хватает на продукты и одежду	37	16	31	9	8	6
Денег хватает только на продукты	27	13	44	5	11	–17
Денег не хватает даже на продукты	21	9	67	2	11	–61

Интенсивность недовольства настоящим растет по мере снижения уровня урбанизации и образования, а также по мере старения населения. Т. е. там, где ничего не произошло, реформы не изменили прежней системы отношений или она распалась, а новой не возникало, либо у этих групп оказалось недостаточно ресурсов для установления новых отношений (а скорее всего, по совокупности этих обстоятельств), там доминируют разочарование и пессимизм в отношении будущего, или, еще точнее, там нет представлений о будущем, нет времени, а есть лишь монотонное повторение настоящего, рутинное «и т. д.».

Недовольство настоящим оборачивается ностальгией по прошлому, жалобами на то, что нельзя повернуть назад, заклинаниями о том, что лучше бы все оставалось таким, каким оно было в годы застоя, сожалениями, что события пошли тем путем, каким они развивались начиная с 1985 г. Главные причины желаний, чтобы все оставалось «как было», сводятся к следующему (их пять, на них приходится почти 9/10 всех ответов, т. е. каждый респондент называл в среднем по 3 ответа): «исчезла уверенность в завтрашнем дне» (об этом заявили 20% опрошенных, причем среди пенсионеров такой вариант ответа дали 29%, среди квалифицированных рабочих — 22%, в то время как среди учащихся — лишь 4%, а среди предпринимателей — 11%), сегодня нет того, что было при социализме — «низких и стабильных цен на основные товары и продукты» (19%; действует проективный механизм оценивания: «если бы с нынешними доходами да к тогдашним ценам!»), нет той «сильной и единой страны» (16%), «нет прежнего порядка в стране» (15%, среди пенсионеров — 24%, среди безработных — 25%, среди руководителей — 9%) и «отношения между людьми стали хуже, чем были» (15%, среди пенсионеров — 26%). Бедные и нуждающиеся в 2-4 раза чаще ностальгируют по прежним временам, чем обеспеченные группы населения.

Главное, что в итоге ушло, по мнению значительной части опрошенных, — это «предсказуемость» жизни, «порядок», но именно этого, как и «финансового благополучия, денег, богатства», больше всего жаждет преобладающая часть российского населения. Уровень коллективных событий никак не контролируется отдельным человеком, а потому оказывается сферой различного рода мифов, проекций, предрассудков, иллюзий и упований. Здесь никакие рационализация и коллективная солидарность взаимодействия, общих акций и

планируемых целей невозможны. Но они и не предполагаются теми, кто хотел бы возвращение советских времен (их в целом чуть больше трети — 34%, однако среди людей старше 65 лет больше половины — 55%, малообразованных — 40%, деревенских жителей — 39%, безработных — 41%, тех, кому денег не хватает на покупку одежды или продукты питания — 45 и 54%).

Напротив, те, кто не хотел бы возвращения в недавнее, доперестроечное прошлое (а их почти половина — 46%), подчеркивают вечный дефицит советского времени (28%), невозможность заработать и занять достойное место в обществе в соответствии со своим трудом и усилиями (19%), постсоветскую свободу от культурного и информационного диктата, прекращение изоляции страны (16%) и постоянного давления государства на интеллектуальную и частную жизнь граждан. Но чаще претензии к советской власти выдвигают именно те группы, которые сегодня располагают большими социальными и культурными ресурсами (образованием, профессиональной квалификацией, высоким социальным статусом, доступом к информационному многообразию, молодостью, преимуществами жизни в центрах социальной жизни, мобильностью, иностранными языками), позволяющими им существовать относительно более независимо от власти и ее бюрократического порядка оценки достижений. Эти люди устали от дефицита как иерархического принципа распределения социальных возможностей действия, их угнетает само существование в условиях репрессивного и дефицитарного общества.

Декларативная ностальгия оказывается условием критики настоящего положения вещей и обращена к политике нынешних властей, но она не предполагает изменение настоящего и не направлена на него. В этом плане ностальгия (как и необоснованные «надежды») оказывается одним из модальных компонентов определения настоящего времени, его ретроориентированной конструкции, а не самостоятельным вектором времени, не традиционализмом.

Российское общество в целом согласно в том, что «произошли большие изменения со времен перестройки» (так считают 71%). Однако даже это абсолютное большинство не настаивают, что речь идет о радикальной смене системы. Особо впечатлившие людей в России изменения примерно за десять лет (1994—2003 гг.) были: обнищание, угроза безработицы и появление богатых людей, рост коррупции и проявления безвластия, ослабление единства

страны, свобода высказываться и пользоваться информацией. Самыми важными из изменений оказываются негативные явления: падение уровня жизни на фоне исчезновения дефицита (на протяжении 1994–2009 гг. эту позицию отмечали 81–86% опрошенных, т. е. фактически «все»), «ослабление России» (73–77%), «безработица и страх потерять работу» (76%), «рост анархии, коррупции, произвола» (67–76%). В этом ряду единственным позитивным исключением оказывается «исчезновение дефицита» и появление товарного изобилия (75–79%). То, что это оказывается не переменным условием свободы – политические и экономические права, неприкосновенность частной жизни, усиление мобильности, разнообразие потребления и т. п., – признается существенным, но не столь уж важным и поражающим воображение обстоятельством. Перспектива стать собственником или завести собственный бизнес привлекала далеко не всех (после первого периода воодушевления), и ими часто становились вынужденным образом, в силу обстоятельств, а не потому, что людей притягивали возможности риска, самостоятельности, обогащения и т. п.

Политические и религиозные свободы, а также «возможность жить, не обращая внимания на власти», «выезд за границу», перспектива «открыть свой бизнес» и т. п. ценятся самыми обеспеченными респондентами, занимающими высокие статусные позиции, принадлежащими к высокодоходным группам (в двух верхних доходных группах высокую оценку этому дают уже 65–70%, хотя и в нижних группах, где «денег не хватает на питание», доля таких ответов достигает 59%). Выше, чем в среднем, эти свободы ценятся среди студентов, специалистов, предпринимателей и тому подобных социальных категорий населения, которые могли бы стать при благоприятных условиях «средним классом» или «протоэлитой», но вряд ли станут.

Собственно идеологические обстоятельства – «крах и исчезновение коммунистической идеологии» – волнуют людей куда меньше: их отмечают среди важных изменений лишь 36%. А это значит, что роль культурных и идеологических ресурсов в конституции времени невелика, по крайней мере, подобные факторы характеризуются низкой интенсивностью значения. В результате в обществе нет специфических различий в представлениях о «национальном будущем» страны, о том, какая система будет доминировать через некоторое обозримое время: мнения разделились практически по

третьим, что при высокой доле затруднившихся с ответом (25%) свидетельствует о слабой значимости всего поля возможных взглядов. Люди легко включают свое воображение, если речь идет о привычных силовых акциях российских властей и использовании военной силы против соседей или мятежных провинций внутри России, как это происходит на Кавказе или было в конце советской власти в Прибалтике, Азербайджане или в Грузии. Им несколько труднее представить себе ситуации массовых, т. е. масштабных, кровопролитных, столкновений и погромов на национальной почве или подавление массовых волнений, бунтов, социальных взрывов протеста, но это все же возможно, поскольку укладывается в привычную логику поведения государства и есть сравнительно недавние примеры подобной политики¹.

То, что не хочет видеть массовое сознание, что противоречит иллюзиям и логике политических установок в отношении власти значительной части населения, особенно бедной провинции, заключается в отказе от признания вероятности усиления авторитарного режима, усиления политических преследований или возврата к советской дефицитнораспределительной (в пределе – карточной) системе (см. табл. 11). Еще менее вероятным представляется общественному мнению военный переворот или гражданская война (и то и другое, впрочем, представлялось столь же маловероятным и в 1990–1993 гг., когда имели место и путч, и первые признаки гражданской войны, правда, быстро подавленной). Такое соотношение мнений свидетельствует не столько о прочности режима, сколько о нерационализированности проблематики будущего, отсутствии средств рефлексии подобной тематики или просто о нежелании ее обсуждать.

Следовательно, массовые представления о ближайшем (в диапазоне нескольких лет) будущем времени являются проекциями возможностей рутинного существования индивида и не выходят за рамки повседневных интересов. Такой вывод не отменяет, а, напротив, предполагает анализ и понимание символического значения власти как важнейшего элемента конструкции реальности, в том числе и исторического ее измерения. Но об этом ниже.

¹ Данный опрос проходил до российско-грузинской войны; примерами погромов могут служить события в Кондопоге или в Ставропольском крае, сравнительно многочисленные столкновения населения с ОМОном были в Междуреченске, а перед этим – во Владивостоке.

Таблица 11

МОГУТ ЛИ ПРОИЗОЙТИ В БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ В РОССИИ СЛЕДУЮЩИЕ СОБЫТИЯ: (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Могут	Не могут	Затруднились ответить
Военные конфликты с другими республиками бывшего СССР	43	39	18
Погромы, массовые кровопролитные столкновения на национальной почве	39	49	12
Социальный взрыв, массовые волнения	37	50	13
Установление культа личности главы государства	27	56	17
Усиление политических преследований (оппозиции, инакомыслящих)	23	54	23
Появление дефицита, возврат к карточной системе	18	72	10
Военный переворот представителей силовых структур	16	64	20
Гражданская война	15	68	17

2008, N=1500.

Институциональные рамки и механизмы деформации прошлого: вытеснение истории. Как уже говорилось, диапазон массовой памяти (событийная история) в России сильнейшим образом деформирован с точки зрения общепринятых интеллигентских представлений о значимых и незначимых моментах происходящего, важном и неважном, норм хроникального, линейного (равномерного) времени. Общественное мнение уделяет равное внимание тому, что, с точки зрения «культурного человека», носителя «высокой культуры», не может быть рядоположенным и равнозначным, даже если эти события называют в качестве важных и значительных примерно равное число опрошенных. Совмещение массовых и элитных рамок «значительности» невозможно или явно абсурдно, но эта «абсурдность» означает лишь одно: неадекватность критериев оценки наблюдателя (исследователя, критика и т. п.) и обывателя, спокойно называющего победу в футбольном чемпионате или смерть эстрадной дивы и, например, принятие новой конституции. Данные многолетних опросов, в том числе по проблемам «памяти», показывают, что, во-первых, недавние события обычно представляются более важными и значительными, чем большая часть отдаленных хотя бы на несколько лет. Во-вторых, массовое сознание не удерживает в своей «операциональной памяти» события, относящиеся к длительности более пяти лет, если только они не закреплены специальным образом в системе институциональной репродукции — институтах образования, пропаганды, общественных ритуалах и т. п. (см. табл. 12 и 13).

Таблица 12

НАЗОВИТЕ 5-6 СОБЫТИЙ, КОТОРЫЕ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ОПРЕДЕЛИЛИ ИСТОРИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1992	1994
Октябрьская революция	36	24
Отечественная война	25	25
Перестройка, реформы Горбачева	15	9
Вторая мировая война	13	—
Августовский путч 1991 г.	9	2
Освоение космоса	8	6
Первая мировая война	6	4
Распад СССР	5	3
Открытие Америки	5	3
Создание и испытание атомной бомбы, Хиросима	4	3
Возникновение христианства	3	1
Великая французская революция	3	2
Открытие атома, ядерной энергии, деления ядра	3	2
Война 1812 г.	3	2
Татаро-монгольское иго	2	1
Правление Петра I	2	2
Крещение Руси	1	1
Расцвет античной цивилизации, Греция, Рим	1	0
Гражданская война в России	2	1
Сталинские времена, культ личности Сталина	2	1
Конец холодной войны, разоружение	1	0
Чернобыль	1	1
Создание/появление человека	1	1
Октябрьский путч 1993 г.	—	1
Затрудняюсь ответить/нет ответа	42	57

Из более чем 80 названных в 1992–1994 гг. событий (открытый вопрос), лишь 8–10 набрали 3% и более упоминаний. Это означает, что рамки слоя держателей культуры и пассивного истори-

ческого знания не превышают 2–3% населения. Но, сравнивая эти данные с данными последующих опросов (закрытые вопросы), мы видим, что, несмотря на различие формулировок и методики опроса, в целом событийная структура, получаемая в ходе опросов, не меняется. Доминирует школьная иерархия событий (в открытом вопросе даже сильнее, чем в позднейших).

Таблица 13

XX ВЕК БОГАТ СОБЫТИЯМИ ДЛЯ НАШЕЙ СТРАНЫ. ОТНОСИТЬСЯ К НИМ МОЖНО ПО-РАЗНОМУ. КАКИЕ ИЗ НИХ ВЫ НАЗВАЛИ БЫ САМЫМИ ЗНАЧИТЕЛЬНЫМИ?
(закрытый вопрос; дайте не более пяти ответов; в % от числа опрошенных; ранжировано по левому столбцу)

Вариант ответа	1999	2003	2008
Победа в Великой Отечественной войне	85	78	83
Полет Гагарина	54	51	55
Октябрь 1917-го	49	40	40
Распад СССР	47	42	42
Чернобыльская катастрофа	32	35	31
Война в Чечне	24	31	8
Война в Афганистане	21	23	14
Первая мировая война	18	14	17
Августовский кризис 1998 г.	18	8	6
Перестройка	16	21	21
Смерть Сталина	14	13	12
Репрессии 30-х гг. / массовые репрессии 30-х гг., голод 30-х, 40-х гг.	11	17	11
Путч 1991 г.	6	7	5
Коллективизация	6	6	5
Создание социалистического лагеря в Европе	5	3	3
Падение Берлинской стены, крах социалистического лагеря	5	3	5
XX съезд партии / доклад Хрущева на XX съезде партии	4	4	3
Снятие Хрущева, конец «оттепели», подавление Пражской весны	-	-	2
События октября 1993-го г.	3	4	-
Реформы Гайдара	2	4	2
Первые многопартийные выборы в декабре 1993-го	1	2	1
Избрание президентом В. Путина	-	11	23
Гражданская война	-	-	14
Индустриализация 30-х гг.	-	-	8
Превращение страны при Хрущеве и Брежнев в супердержаву	-	-	6
Становление суверенной России	-	-	6
Вторая чеченская война	-	-	4
Затрудняюсь ответить	3	3	3
Число опрошенных:	2000	2004	1508

Большинство людей не помнят уже того, что происходило не только 3–5 лет назад или о чем тогда писала пресса (событие теряет точность временной системы координат, «плывет», воспринимается в колеблющемся диапазоне 2–3 лет), но иногда и год-два назад. Разметка времени поэтому производится «сильными средствами»: фактом смерти, катастрофы, коллективных угроз или потрясений (в диапазоне социального порядка) или каких-то особо важных перспектив, открывающихся с появлением «героя» (политика, публичного демагога или фигуры, репрезентирующей ценностные или символические достояния всего целого). Можно выделить следующую разметку социального времени, соизмеримого с периодами человеческой жизни и ее членения, ее фаз и символических определений:

– сфера актуальной длительности (длящегося настоящего); условно: это 8–10 лет в зависимости от качества и смысла событий, от смены социальных ролей или позиций;

– совсем недавно прошедшее (то, что еще в какой-то степени сохраняется в памяти современников как общее пережитое, т. е. общий символический фонд событий, интегрирующий возрастные группы: 10–15 лет); это то, к чему апеллируют «современники»;

– недавно прошедшее (предыстория): 20–25 лет – длительность поколенческих шагов и изменений, структурированное как то, о чем рассказывают старшие как о своем непосредственном опыте;

– прошедшее, ставшее «недавней (еще свежей) историей»: 25–40 лет, уже в большинстве случаев исключающее возможности прямого свидетельства пережитого, т. е. непосредственной передачи пережитого; такая «цепь» ретрансляции свидетельств предполагает подключение иных каналов и механизмов репродукции (публикации документов, их критики и анализа, публичных оценок и обсуждений и т. п.), только таким образом включаются возрастные циклы, закрепляющие некоторые подвиги, ценностные сдвиги в оптике истории;

– новейшая история (40–60 лет), которая должна иметь свои особые основания для передачи всего целого – формальные институты, а соответственно, дифференциацию ролей внутри этих институтов (разделение на исследователей, преподавателей, комментаторов, идеологов и проч.);

– история века (вне поколенческих циклов).

Проблема времени, таким образом, заключается в том, что на каждой фазе передачи «опыта» (свидетельств, оценок, интерпретаций) происходит смена символических доминант и средств или характера социального взаимодействия по поводу событий прошлого, идет структурно-функциональная дифференциация (умножаются и разделяются социальные роли акторов, имеющих дело с «историческим материалом»), переинтерпретация материала, его переложение и «переупаковывание», фильтрация деталей, селекция, поиски аналогий и генерализаций, вписывание в ту или иную систему понятий и оценок. Другими словами, работа по сохранению событийного материала предполагает включение его в более общие системы значений, которыми оперируют репродуктивные или идеологические социальные институты.

Прежде чем обратиться к конкретному разбору состава и структуры исторических представлений, еще раз напомним, что «большое время» (линейное время и его разновидности, обусловленные вектором времени и институциональной принадлежностью времени) как особенность массового сознания начали складываться в СССР очень поздно, примерно в середине или во второй половине 1960-х гг. К этому моменту имело место совпадение («историческая» констелляция обстоятельств) нескольких силовых линий:

а) поколение «фронтовиков» (рождения 1902–1926 гг.) начало постепенно сходить с общественной сцены, терять свои социальные позиции и влияние, однако его социальный опыт — опыт формирования нового тоталитарного, мобилизационного и абсолютно несвободного, общества, затем — тотальной войны, необходимость оправдания неизмеримых жертв, был символически передан следующему поколению, при этом передача носила не прямой характер, а опосредованный, отраженный в проблематике хрущевской «оттепели», возможности изменений тоталитарного социума;

б) массовое образование, в том числе начало обязательного преподавания в средней школе таких предметов, как история и т. п.;

в) урбанизация, продолжение формирования индустриального общества, появление как государственных, так и независимых каналов информации, передачи знаний и сведений (ТВ, радио, включая «голоса», самиздат и проч.).

Постепенное оформление исторической легенды шло в русле синтеза «Краткого курса», в котором еще не было идеи и материала национальной истории, с имперской историей,

советско-партийной историей и государственнической идеологией великой державы, триумфа периферийной страны в ходе и результате догоняющей модернизации. Поэтому поколение, начавшее свою сознательную жизнь в 1950–1960-х гг., было первым поколением в России с некоторой «исторической» (употребляя это определение со всеми оговорками и уточнениями) перспективой или ее подобием. Именно поэтому война стала центральным моментом этой истории и осевым событием последовавшей массовой культуры. По сути дела, война стала ключевым моментом перелома проспективной тоталитарной идеологии построения нового общества и нового человека, превращения ее в ретроспективную, национально-консервативную идеологию дряхлеющей империи и переживания травмы ее последовавшего развала, освоения всех обстоятельств этого распада. Тяжесть травмы усугублялась тем, что никакого другого опыта или материала для исторической реабилитации не было: предшествующие катастрофические или травматические события, которые могли бы быть положены в основание национальной истории, — события, вызвавшие и сопровождавшие Первую мировую войну или ее последствия, незавершенные процессы трансформации 1905–1907 гг., поражение в Крымской войне и т. п., были вытеснены из проблемного поля элиты или общественного мнения и фактически забыты. Первая мировая война, которую не выдержала архаическая институциональная система российского государства, закрепились в учебниках истории лишь как прелюдия к большевистскому перевороту и гражданской войне.

Фактически в СССР (советской России) было всего одно поколение, обладавшее ресурсами и условиями для формирования предпосылок или условий возникновения исторического сознания. Крах СССР потянул за собой не только распад советской политической или экономической системы, но и слом начавшейся практики (оболочки) понимания исторических процессов. Поколение, родившееся в последние «застойные» годы и в начале перестройки или вошедшее в жизнь уже после краха СССР, оказалось лишенным механизмов репродукции коллективной памяти и опыта прошлого. Школьное преподавание недавней истории было прервано, поскольку и сами учителя в массе своей оказались дезориентированными или неспособными к связному пониманию событий и соответствующему изложению их ученикам.

Смена властвующих элит не способствовала закреплению какой-то идеологической версии прошлого, что могло компенсироваться только эклектической стилизацией под русско-православный державный фундаментализм.

Сегодняшнее массовое историческое сознание представляет собой множество отдельных сведений и символов, стереотипов, шаблонов истолкования. Фактически это россыпь отдельных событий и интерпретаций, мифов и стереотипов прошлого без какой-либо связной их интерпретации и изложения, поскольку прежняя единая система пропаганды или тоталитарных институтов, навязывающих грамотному населению единство понимания и оценки событий прошлого, распалась или ослабла, а другой, способной ставить такие амбициозные задачи, не возникло. Нет и эффективной системы школьного образования, способной поддерживать и воспроизводить общие ценностные принципы понимания национальной или мировой истории, не требуя от молодежи верности в толковании фактов и процессов. Тем не менее известная структурность в массовых представлениях о прошлом, безусловно, прослеживается в социологических опросах населения. Она заключается, главным образом, в том, что набор исторических событий (структура исторического) представляет собой чередование катастроф и триумфов, воспроизводящее попеременное сочетание установок власти и населения, «низов» общества, повседневных интересов государства и его институтов и повседневной памяти малых групп. А это значит, что реально сосуществуют (слабо учитываемые друг другом) разные каналы или системы воспроизводства памяти, разные механизмы и выделения значимого. История в том виде, в каком мы обнаруживаем ее следы в стереотипах общественном мнении, направлена на сакрализацию государства, точнее — единственно возможной в нашей стране легитимации власти, исходящей от мифологии «государства». Но об этом ниже. Пока же остановимся на способах выделения событий и их оценке.

Особенности сюжетики и конструкций истории отражают характер общества, его институциональную природу и морфологическую структуру. В нашем случае ценностное поле задано резким расхождением значений великой державы и убожества жизни ее подданных. Иначе говоря, поляризацией значений, составляющих семантику и легитимацию власти, империи, патерналистской поддержки власти со стороны населения и соединяющих мифо-

логический (=героический, вневременной, символический) план мировых процессов, распределения авторитета, престижа, веса различных стран мира и план частной жизни граждан. Как видим из таблицы 14, иерархия ценностей, определяющих чувство гордости у россиян, задана значениями достигнутого в 1950–1960-х гг. статуса супердержавы, рассматривавшегося как венец процессов модернизации (построение мощной империи, одержавшей целый ряд триумфальных побед, обладающей развитой в прошлом государственной культурой, наукой, которые обеспечивают ее ореолом самой передовой и развитой страны). Параметры согласия относительно этих символов весьма значительны. Значимость победы в ВОВ (центрального ядра значений) подтверждается для абсолютного большинства в 86–89%, но «Победу» дополняют и расшифровывают другие знаковые шаблоны мнений, образующих устойчивый и значимый консенсус в 33–37% (космос, литература, быстрая индустриализация страны после революции, особые человеческие качества подданных). Религиозные, коммунистические и интеллигентские ценности не так значимы, поскольку они явно окрашены групповыми пристрастиями и предпочтениями.

Первое, что поражает в этих данных, это устойчивость распределения значений: между первым и последним замером прошло 20 лет, т. е. время целого поколения, опрашивались каждый раз разные люди, и, тем не менее, ранг всех позиций остался без изменения¹. Другими словами, репродуктивные механизмы действуют независимо от пертурбаций двух последних десятилетий.

Важно подчеркнуть, что «гордость» и «стыд» — это не две отдельные плоскости оценки реальности, а две стороны одной и той же конструкции символической системы, набора ценностей, стандартов восприятия себя и общества. То, что определяет «гордость», заставляет и «стыдиться», только гордость относится к символам коллективного существования, а стыд — к значениям частного существования членов тех

¹ Все колебания незначительны, непринципиальны, не меняют смысла распределения ответов, поскольку лежат в пределах точности измерения. Единственное исключение на вопрос о «гордости» — снижение позиции «моральные качества русского человека»: — 9 пп.; на вопрос о «стыде» ранги остались теми же, но значения некоторых ответов также несущественно снизились: «великий народ живет в бедности» — на 9 пп., «хроническое отставание от Запада» — 10 пп., «косность, лень, инертность» — на 7 пп.; напротив, выросла доля ответов «гонения на церковь»: +9 пп.). Все это говорит о том, что институциональные и культурные факторы, определяющие ответы массы людей, сохраняют всю силу своего влияния.

Таблица 14

ЧТО ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО В ИСТОРИИ НАШЕЙ СТРАНЫ ВЫЗЫВАЕТ У ВАС ЧУВСТВО ГОРДОСТИ? (в % от числа опрошенных; ранжировано по 1989 г.)

Вариант ответа	1999	2003	2008
Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.	86	87	89
Ведущая роль страны в освоении космоса	60	59	61
Достижения российской науки	52	51	46
Великая русская литература	46	48	49
Моральные качества русского человека – простота, терпение, стойкость	45	44	35
Слава русского оружия	35	35	36
Великие русские путешественники, первопроходцы	33	33	27
Преобразование страны после революции в одну из ведущих промышленных держав в мире	42	32	37
Борьба с татаро-монгольским игом, защита Европы от нашествия с Востока	22	25	21
Подвижничество русских святых	10	14	14
Дух русской вольницы, свободолюбие	12	14	14
Передовой строй, советское бесклассовое общество	14	13	9
Нравственный авторитет русской интеллигенции	12	11	11
Перестройка, начало рыночных реформ	2	8	7
Стабилизация положения страны при Путине	-	-	33
Ничто не вызывает у меня особой гордости	2	2	1
Затрудняюсь ответить	3	2	2

Таблица 15

А ЧЕГО ВЫ СТЫДИТЕСЬ, ЧТО ВЫЗЫВАЕТ У ВАС ЧУВСТВО СТЫДА И ОГОРЧЕНИЯ, КОГДА ВЫ ОБРАЩАЕТЕСЬ К РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ ДВАДЦАТОГО СТОЛЕТИЯ? (в % от числа опрошенных; ранжировано по 1989 г.)

Вариант ответа	1999	2003	2008
Великий народ, богатая страна, а живем в вечной бедности и неустроенности	79	78	69
Грубость нравов, хамство, неуважение людей друг к другу	45	52	49
Разрушение СССР	48	41	37
Репрессии, террор, выселение народов в 20-50-е годы	34	39	35
Наша косность, инертность, лень	24	34	27
Хроническое отставание от Запада	31	32	22
Наследие крепостничества, дух рабства, привычка людей к подневольному труду	17	23	19
Ограниченная, некомпетентная, своекорыстная власть	28	20	20
Гонения на церковь	21	18	27
Военные поражения России	16	16	11
Стремление силой навязать свой строй другим странам и народам	15	9	8
Национальное высокомерие	7	5	7
Ничто не вызывает у меня особого стыда	1	2	3
Затрудняюсь ответить	5	3	5

же коллективов, людей, служащих сырьевым ресурсом для специфической структуры власти в этих сообществах. Другими словами, гордость и стыд – это единый комплекс представлений и самоидентичности посттоталитарного социума, одно не может быть выражено без другого. Нюансы акцентировки у тех или иных категорий опрошенных лишь подкрепляют эту мысль.

Анализ социально-демографических характеристик «гордящихся» позволяет сделать

вывод, что в большей степени гордятся своей страной и ее историей периферийные группы, нуждающиеся в «декомпрессии» или «в компенсации» сознания своей неполноценности, а потому воспроизводящие прежние представления о державном величии, группы с ограниченными ресурсами – либо пожилые и образованные люди, преувеличивающие значимость своей роли «старожилов и хранителей «памяти», испытывающие сильнейший дискомфорт

и напряжения коллективной идентичности после развала СССР. Напротив, молодежь, сохраняя по сути ту же структуру демонстративного почитания предметов национальной гордости, гораздо сильнее идентифицирует себя с правлением Путина, с его примитивной и агрессивной манерой поведения районного «кума», ставшего, однако, более лошеным и мстительным, что, собственно, и позволило ему быть персо-

нификацией подавленных комплексов провинциальных подростков-троечников и образцом мужского («мачо») для большей части российских женщин.

Интенсивность (частота) высказываний о прошлом пожилыми людьми в 1,6 раза выше, чем у молодежи. Но в возрасте после 65 лет объем «памяти» россиян о событиях прошлого резко сокращается. Дело не только в социально-

Таблица 16

РАЗЛИЧИЯ В СТЕПЕНИ ГОРДОСТИ У РЕСПОНДЕНТОВ ИЗ ПОЛЯРНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Возраст		
	16–24	55–64	Разница (молодые/старые)
Победа в ВОВ	82	91	-9
Ведущая роль страны в освоении космоса	55	70	-15
Великая русская литература	49	54	-5
Достижения российской науки	44	54	-10
Стабилизация положения страны при Путине	37	31	+6
Превращение страны в советское время в одну из ведущих промышленных держав мира	29	47	-18
Слава русского оружия	35	43	-8
Моральные качества русского народа	27	47	-20
Русские путешественники	24	25	-1
Борьба с татаро-монгольским игом, защита Европы с Востока	21	26	-5
Подвижничество русских святых	11	12	-1
Дух русской вольницы, свободолюбие	12	13	1
Нравственный авторитет русской интеллигенции	8	16	-8
Передовой строй, советское бесклассовое общество	8	12	-4
Перестройка, начало реформ	9	3	+6
Затруднились ответить	11	1	+11

Таблица 17

РАЗЛИЧИЯ В СТЕПЕНИ СТЫДА У РЕСПОНДЕНТОВ ИЗ ПОЛЯРНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Возраст		
	16–24	55–64	Разница (молодые/старые)
Великий народ, а живет в бедности, неустроенности	57	82	-25
Грубость нравов, хамство	41	58	-17
Массовые репрессии	29	39	-10
Наша косность, лень, инертность	24	30	-6
Разрушение СССР	21	56	-35
Гонение на церковь	18	30	-12
Хроническое отставание от Запада	18	29	-11
Ограниченная и некомпетентная власть	13	31	-18
Наследие крепостничества	17	25	-8
Военные поражения России	11	16	-5
Стремление силой навязать свой строй другим странам и народам	7	15	-8
Национальное высокомерие	9	10	-1
Ничего не вызывает у меня чувство стыда в нашей истории	8	0	+8
Затруднились ответить	11	1	+10

физиологических особенностях сознания старых людей, утрате интереса ко всему, что не касается непосредственно обстоятельств повседневного существования человека, выпадающего из активной социальной жизни, но и в характере полученных им знаний: эта возрастная группа не проходила в школе такого предмета, как история. Поэтому возьмем для сравнения две крайних возрастных категории, но не самых старших.

Для молодежи «стабилизация» положения страны при Путине, т. е. восстановление репрессивного государства, оказывается более важным обстоятельством, чем «индустриализация и превращение страны в одну из ведущих промышленных держав», статус которой в настоящее время более чем сомнителен, или чем «моральные качества русского народа», которые молодежь вообще не воспринимает как самодостаточные сущности, а лишь в противопоставлении символическим «не-мы» (мифологизированным США, Западу и т. п.). Еще более сильно выражены эти характеристики в предметах национального стыда — здесь заметно выше удельный вес пожилых женщин, пенсионеров, провинциальной интеллигенции или, напротив, низкообразованных и низкостатусных групп.

Структура государственного «исторического сознания»: события. Анализ временных характеристик массового исторического сознания россиян позволяет сделать несколько предварительных выводов, указывающих на специфику институциональных механизмов его воспроизводства. Во-первых, сдвиг всех оценок в сторону недавнего времени, смещение масштабов и значимости событий. Во-вторых, зависимость общественного сознания от СМИ и каналов массовой культуры, размечающих поток актуальных событий в соответствии с приоритетами трэшевой или гламурной культуры, а не с предполагаемой системой коллективных ценностей, образующих основу национальной идентичности. А это означает, что происходящее по-разному препарируется, сортируется и оценивается в сравнении с шаблонами текущей пропаганды и стереотипами школьной истории. Иными словами, механизмов систематической проработки истории в России нет. Последнюю работу может осуществить (если учитывать опыт других стран, где это делается) только сфера публичности, общественности, в которой перманентно соединяются СМИ и ресурсы университетской профессуры, обеспе-

чивающей непрерывную интерпретацию актуальных событий ресурсами интеллектуальной, научной, этической, культурной и социально-политической рефлексии. Несвобода российских СМИ, зависимость их от власти превращает процесс рефлексии над происходящим в процесс забалтывания и забывания, вытеснения важнейших аспектов актуальности и, напротив, удержания самых примитивных и консервативных мифов и стереотипов понимания событий.

Именно поэтому массовое сознание по своему размечает и удерживает то, что было важным и запоминающегося на протяжении сравнительно недолгого времени, в объеме годовой памяти. Как показывают данные регулярных опросов нашего Центра, ведущихся с самого начала его возникновения (конец 1988 г.), структура «запечатления», ценностного отбора, отделения важного от неважного отражает сочетание крайне примитивных и архаических представлений (ужаса и преодоления хаоса) и гламурности. Если проанализировать списки «важнейших событий», которые называли респонденты в ходе ежегодного новогоднего опроса «Итоги года» («*Какие из событий уходящего года Вы бы назвали важнейшими?*»)¹, то мы получим следующую схему выделения важнейших или памятных событий (*годовой цикл; отобраны по пять важнейших событий каждого года, занимающих первые позиции списка*):

1 отклонение от нормы, от привычного порядка жизни: **несчастья, катастрофы, стихийные бедствия, война (войны), теракты, массовые беспорядки, мятежи, громкие убийства** — в 19 из 20 списков «важнейших событий года» явления этого рода занимали 1-2 строчки, из 105 упомянутых событий — 50;

2 политические события, означающие **смену или поворот прежнего политического курса** (позитивные — или негативные, что заметно реже, — **ожидания перемен**): назначения, отставки, выборы, съезды, встречи высших лиц, переговоры на высшем уровне и заключение принципиальных соглашений — 30 событий;

3 экономические явления и **решения руководства, затрагивающие повседневную жизнь и интересы большинства населения** — указы о повышении пенсий, введение свободных цен, частной собственности на землю, приватизация, монетизация льгот и т. п., — 18 (при этом соотношение позитивных и негативных событий 1:2, т. е. доминирующая установка населения — ожидание плохого);

¹ Сами списки событий см. в кн.: Общественное мнение 2009: Ежегодник Аналитического центра Юрия Левады. М., 2009. С. 11–17.

4 события, затрагивающие публичный символический мир: **смерть звезд** (актеров, журналистов, писателей, политических и религиозных деятелей) и все чаще (по мере «стабилизации») — **спортивные события** (победы на важнейших состязаниях), а также **юбилеи** — 7 событий. Празднование побед (разного рода) фиксируется, и во все большем объеме, только после прихода к власти Путина и постепенного снижения числа собственно политических событий. Другими словами, вытеснение актуальной политики замещается суррогатными ритуалами государственного величия.

Таким образом, вырисовывается двухтактный механизм соединения и оценки текущих событий, их предварительной «историзации», вписывания в «исторический горизонт» в качестве претендентов на национальную историю или национальный пантеон:

а) ожидание худшего, компенсированное

б) ритуализацией государственной истории, триумфальной власти, персонифицирующей основные достижения и ценности всего целого, символического коллективного единства. Такая структура свидетельствует об отсутствии идеи и символов будущего, отсутствии институтов, которые могли бы гарантировать частному человеку нормы и правила поведения его самого и его партнеров, обеспечивать устойчивость социального порядка.

Кажущаяся иной структура событий «большой истории» (соотносимая не с годовым циклом происходящего, а со временем нескольких поколений, т. е. связанная с формальными институтами репродукции) в действительности имеет точно такую же двухслойную текстуру: первый ряд наиболее частых ответов (см. табл. 13–17) образуют символические события, определяющие характер коллективной идентичности всего целого; вторые и третьи включают время отдельного поколения, приоритеты социального института или отдельных социальных слоев и групп.

Первый ряд символов: *Победа в ВОВ* (85–83%), *полет Гагарина* 54–55%; *распад СССР* (42% — 2008), *Октябрьская революция 1917 года* (40%) практически не меняется по частоте упоминаний — за 10 лет (с 1999 по 2008 гг.) уменьшается на 9 пп. лишь «Великий Октябрь» и слабеет травма краха советской империи, распад СССР воспринимается более спокойно и привычно (–5 пп.). Все четыре даты фиксируют опорные точки советской истории: моменты национального триумфа, начало и конец тоталитарной системы. Это класс символиче-

ских событий имеет максимально возможный радиус действия, т. е. охватывает практически все население; колебания показателя в разных социально-демографических группах несущественны¹. Все последующие события, хотя и обнаруживают довольно большую устойчивость на протяжении 20 лет, имеют несколько различающийся вес для разных групп, прежде всего возрастных, и охватывают от трети до одной пятой населения:

Второй ряд символов образуется из событий, которые люди «помнят» как то, что происходило в их жизни: Чернобыль (31%), избрание Путина (23%), перестройка (21%), война в Афганистане (14%). Чернобыль, перестройка и Афганистан более значимы для старших возрастов, избрание Путина — для молодых. Но внутри «поколения» колебания значений (в зависимости от образования, социального положения, места жительства и т. п.) невелики. А это указывает на то, что символические события такого рода играют роль поколенческих границ, моментов внутр поколенческой идентичности, фиксации конвенциональных временных рамок, которые далее не передаются. Эти события — фиксация «в памяти» поколения моментов возбуждения общественного сознания, опосредованных СМИ, пропагандой или молвой.

Последующие же ряды устойчивых событий, не меняющихся в значении на протяжении 10 лет наших замеров, обнаруживают нарастающую тенденцию к сдвигу преимущественно в старшие возраста. Это следы работы ушедших советских институтов, остатки идеологических стереотипов пропаганды или школьного образования. Их репродукция невозможна без посредничества формальных каналов передачи исторического содержания, поскольку здесь не может быть непосредственного опыта и живой памяти. Работают долговременные системы ретрансляции — школа, кино, ТВ, литература и т. п.

Третий ряд: Первая мировая война (17%), гражданская война (14%), смерть Сталина (для всех возрастных групп — 9–10%, кроме людей

¹ В наших опросах 1989–1992 гг. порядок событий был несколько иным (правда, и формулировка вопросов была другой), хотя сама иерархия значимости проявилась уже тогда: на первом месте стояла «Октябрьская революция», закрепленная наиболее важным в советской номенклатуре символических дат праздником 7 ноября. Но уже через пару лет мифология зари нового мира и победы революционных масс уступила свое место более консервативному празднику Победы. Одновременно начали падать в цене и все имена, символы и события, относящиеся к коммунистическому пантеону, — авторитетность классиков марксизма, «смерть Ленина», популярность коммунистических вождей и государственных деятелей первых лет советской власти.

пенсионного возраста, среди которых это событие отметили 20%), массовые репрессии, голод 1930–1940-х гг. (11%). Например, «гражданскую войну» отметили опрошенные из всех возрастных групп, хотя чуть чаще — самые молодые, только что из школы, и пятидесятилетние, чаще — малообразованные, жители периферии, зависимые от содержания рутинных каналов идеологической накачки, обработки и пропаганды.

Четвертый (особый): эти события называются либо самыми молодыми респондентами, сохраняющими знание о них из школьных уроков, затем, в следующих возрастных группах, начинается забывание, утрата их значимости, а далее намечается медленный рост, так что максимальные оценки приходится на людей 60 лет и старше: таковы индустриализация (8%), Первая чеченская война (8%), превращение страны при Хрущеве и Брежневе в супердержаву (6%), августовский кризис 1998 г. (6%), становление суверенитета России (6%), падение Берлинской стены, крах соцлагеря (5%), путч 1991 г. (5%), коллективизация (5%), Вторая чеченская война (4%); доклад Хрущева на XX съезде (3%), создание соцлагеря (3%), снятие Хрущева, конец «оттепели», подавление Пражской весны (2%), реформы Гайдара (2%), первые многопартийные выборы в декабре 1993 (1%).

Например, «индустриализация» (в среднем ее называют 8% опрошенных): первый возраст (18–24 года) — 8%, второй (25–34 года) — 4%, третий — 5%, четвертый — 9%, пятый — 10%, шестой (65 лет и старше) — 14%. Смерть Сталина (в среднем 12%) — для людей от 16 до 65 — 10%, последний возраст — 20%. Образование особой роли не играет, но память о Сталине сильнее в пожилой и малообразованной среде культурной и социальной периферии, у людей с университетским дипломом — 11%, у респондентов с неполным средним образованием — 13%. Коллективизация (в среднем 5%) — для первых трех возрастов — 3–3.6%, в пятом возрасте (55–64 года, возраст современников и участников перестройки!) — 10%. У людей с высшим образованием — 4%, у тех, кто учился 7 лет или менее, — 6%. Тип поселения не имеет дифференцирующего значения. То же самое можно сказать относительно памяти о докладе Хрущева на XX съезде, снятии самого Хрущева и других памятных событиях советского времени, будь то создание соцлагеря или подавление Пражской весны, падение Берлинской стены и последовавший за этим крах всей системы социализма.

Другими словами, чем дальше по времени отступают ключевые события истории XX в. (например, Первая мировая война или гражданская война) от актуальности, тем большую роль играет импринтинг школьного обучения и зубрежки, подкрепленный советским кино и ТВ. По отношению к большей части фонда этих символических событий не образуется параллельного слоя альтернативных интерпретаций и каналов оценки, толкования, дополнения.

Имена — символы, но не ориентиры. На протяжении 20 лет работы нашего Центра (1988–2010 гг.) было проведено более 15 разных опросов, фиксирующих характеристики символических ресурсов — объем и глубину «исторической памяти» в виде набора значимых имен деятелей прошлого и ключевых событий отечественной и, реже, мировой истории. Менялись формулировки вопросов, могла меняться методика получения информации (самозаполнение респондентом анкеты или интервью), но принципиальный характер полученных данных не менялся. Персонификация символов более важна, чем представления о природе действующих институтов и их функциях, что требует гораздо более развитого социального воображения и компетенции, распространения в обществе навыков социально-научного мышления, немислимого без соответствующей работы репродуктивных институтов — школы, университета, публичности. Сравнивая разные замеры общественного мнения, мы можем судить о специфике символов советского, а затем постсоветского или российского человека, устойчивости массового сознания или, напротив, изменениях в его структуре. Приведу полный список звезд первой величины (см. табл. 18), полученный в самый канун краха советской системы, чтобы иметь представление о символической вселенной относительно образованного «советского человека». Подчеркну, что более половины опрошенных не дали ни одного содержательного ответа или отказались отвечать на вопрос.

Последовавшие за этим опросы свидетельствуют о сохранении принципиальной структуры символического поля россиян, что говорит о неизменности самих репродуктивных институтов и, соответственно, об отсутствии ресурсов для желаемых изменений общества. В 2008 г. в число значимых персонажей попали лишь 15–20 имен, которые отсутствовали в самых ранних замерах. В целом речь идет о консервативной тенденции заимствования из а) фонда дореволюционных, официально-православных значе-

ний, б) из советской сферы полуофициальной культуры или полуразрешенных, или неодобряемых в школьной программе писателей, поэтов, артистов, звезд «второй» или неформальной культуры, но не о появлении имен, указывающих на принципиально новые сферы значений.

Второе – специфическая структура символов. В списках полученных знаменитостей абсолютно преобладают отечественные имена XIX–XX вв.; иностранные имена в целом составляют лишь примерно одну пятую от общего количества названных. Из полсотни наиболее часто

Таблица 18

САМЫЕ ВЫДАЮЩИЕСЯ ЛЮДИ ВСЕХ ВРЕМЕН И НАРОДОВ, ПОЛНЫЙ СПИСОК 1991 г. (в % от числа ответивших, N = 1003)

Имена	%	Имена	%	Имена	%	Имена	%
Ленин	68	Брежнев	10	Столыпин	5	Архимед	3
Петр I	67	Вашингтон	8	Ньютон	5	Де Голль	3
Сталин	39	Эйнштейн	8	Черчилль	5	Бетховен	2
Пушкин	32	Христос	8	Шекспир	5	Галилей	2
Сахаров	27	Екатерина II	8	Колумб	5	Авиценна	2
Суворов	24	Кеннеди	8	Хрущев	4	Горький	2
Тэтчер	23	Чайковский	7	Неру	4	Ворошилов	2
Ганди И.	21	Рейган	7	Леонардо да Винчи	4	Бах	2
Наполеон	19	Рузвельт	7	Солженицын	4	Курчатов	2
Жуков	18	Андропов	7	Шекспир	5	Чапаев	2
Ельцин	17	Менделеев	7	Моцарт	4	Шеварднадзе	2
Ломоносов	16	Александр Македонский	7	Николай II	4	Чингисхан	2
Буш	16	Чайковский	7	Кастро	4	Шолохов	2
Кутузов	15	Александр Невский	6	Линкольн	3	Сократ	>2
Маркс	11	Энгельс	6	Лермонтов	3	Коперник	>2
Жуков	18	Высоцкий	5	Дзержинский	3	Аристотель	>2
Гитлер	11	Цезарь	5	Есенин	3	Дарвин	>2
Л. Толстой	11	Иван Грозный	5	Достоевский	3	Пугачев	>2
Королев	10	Циолковский	5	Пугачева	3	Булгаков	>2

1991-17 («Новый год»), N=2110.

Рассмотрим эти именные наборы более детально.

Первое, о чем необходимо сказать, – это крайняя бедность и одномерность символического мира. Как это было отмечено уже А. Левинсоном, автором первого детального разбора данных по этой теме в первом же опросе по программе «Советский человек», «большинству оказалось трудным отыскать десять имен, удовлетворяющих поставленным требованиям. Около половины ограничились 4–6 именами. Примерно 10% назвали все десять имен и столько же – всего одно-два имени»¹.

¹ Вопрос, содержащийся в основном варианте анкеты «Советского человека», воспроизводимый во всех 5 замерах (1989, 1994, 1997, 2003 и 2008 гг.), был сформулирован таким образом: «Назовите, пожалуйста, 10 самых выдающихся людей всех времен и народов». Подробнее об этом см. разбор данных в главе: *Nomen est omen. Предварительные замечания // Советский простой человек / Под ред. Ю.А. Левады. М.: Мировой океан, 1993. С. 167.* В опросе 1989 г. античные политики составляли 3%, «правители от древности и средних веков до 1917 года» – 4%, «политические деятели XX века» – 6%, «военные» – 4%, «ученые и изобретатели» – 7%, «писатели, поэты» – 10%, «акте-

упоминаемых во всех замерах имен лишь два имени принадлежат дамам, дублерам главных мужских символов: Екатерине Второй и Валентине Терешковой в качестве ослабленных символических двойников царя Петра Первого (основателя российской империи) и Юрия Гагарина, персонификации русского космического успеха и торжества советского ВПК над Америкой.

Состав исторического пантеона образуют, главным образом, четыре категории имен:

а) «творцы истории» – цари и полководцы (героическая милитаристская легенда империи, великой державы, расползавшейся по континенту за счет колонизации и военных захватов) либо – на самых ранних стадиях исследования – основоположники советской системы, классики марксизма плюс канонизированные руководители партии большевиков и советского государства (Маркс, Ленин, Эн-

ры, режиссеры) – 5%, «художники, архитекторы» – 3%, «церковные деятели», «певцы» – по 3%, «музыканты» – 4, «святые» – 1%. Примерно такой же расклад повторялся и позднее.

Таблица 19

ДИНАМИКА ЗНАЧИМЫХ ИМЕН НА ПРОТЯЖЕНИИ 20 ЛЕТ (вопрос: «Назовите, пожалуйста, 5-10 самых выдающихся людей всех времен и народов») (в % от числа ответивших)

Вариант ответа	1989	1991	1994	1999	2008
Ленин	72	59	46	42	34
Маркс	35	8	6	5	3
Петр I	38	51	56	45	37
Путин	–	–	–	–	32
Горбачев	17	24	10	4	6
Пушкин	25	32	31	42	47
Энгельс	18	6	5	2	1
Ломоносов	20	14	18	18	17
Сталин	12	28	28	35	36
Суворов	17	24	24	18	16
Гагарин	15	8	11	26	25
Жуков	19	16	19	20	23
Менделеев	13	5	8	12	13
Л. Толстой	13	11	11	12	14
Циолковский	14	5	4	5	5
Эйнштейн	10	8	5	6	7
Екатерина II	6	7	14	10	8
Кутузов	10	14	16	11	11
Наполеон	8	16	19	19	9
Дзержинский	7	3	1	1	1
Дарвин	7	>2	>1	2	>1
Королев	9	8	6	9	10
Ньютон	6	5	5	4	6
Брежнев	–	6	8	8	8
Чайковский	5	7	7	7	6
Гитлер	2	9	9	7	6
Александр Македонский	5	7	10	>1	5
Лермонтов	4	3	–	9	9
Горький	4	2	2	1	1
Иван Грозный	3	4	4	4	5
Столыпин	–	–	8	1	4
Сахаров	–	27	17	8	6
Солженицын	–	–	3	3	4
Хрущев	–	–	7	3	5
Медведев	–	–	–	–	4
Ельцин	–	15	5	3	6
Андропов	–	5	4	3	1
Христос	0	>1	4	>3	4
Число опрошенных	1300	2100	3000	1600	1500

гельс, Сталин), а также живущие первые лица государства (Горбачев, Ельцин, Путин);

б) школьные классики – поэты, писатели, ученые, легитимирующие культурный статус империи и «великой державы»;

в) иностранные политики и полководцы, служащие моделями (или антиобразцами) для определения статуса центральных фигур отече-

ственной «истории»;

г) фонд имен, составляющих ядро мировой классики искусства и литературы XIX в., воспроизводящих стандарты эпохи европейского Просвещения, которые вошли в минимальную программу школы.

Третье. Бросается в глаза отсутствие религиозных и моральных авторитетов в списках

приводимых имен. В целом доминирует секулярные символы инструментального успеха — жестокой, силовой государственной политики, цели которой заключаются в расширении территорий и победы в войнах, вне зависимости от причин и мотивов войны. Персонафикация триумфа насилия, использующего человеческие массы как ресурс для достижения своих, чаще всего геополитических, целей, закреплена и воспроизводится в качестве высших символов коллективного, национального единства. Это и есть собственно российское представление об образцах успешной модернизации и геополитики, украшенное как виньетками необходимым антуражем культурных имен, составляющих славу великой державы. Нет ничего, что могло бы свидетельствовать о внутренней работе коллективного «духа» по рецепции и укоренению гуманистических ценностей, идей просвещения, терпимости и свободы. Существенно, что основная структура символов названа главным образом респондентами-мужчинами (мужчины чаще — статистически достоверно — называют имена полководцев и правителей: Александра Македонского, Гитлера, Сталина, Наполеона, Жукова, Кутузова), женщины — деятелей культуры, искусства (Чайковский, Лермонтов, Пушкин, Горький и т. п.). Такое гендерно-ролевое разделение воспроизводимых значений указывает на то, что минимальный набор представлен именно мужской версией, сочетающейся с дополнительными значениями маскулинности, мачизма, силы, насилия, героизма, нерелексивности, иерархии, а женская версия дополняет базовую конструкцию коллективной легенды символами репродуктивных и интегративных значений — школьного знания и канон мертвой, классической, деактуализированной культуры. Возрастные различия сводятся к постепенной замене советского набора имен (идеологических икон классиков революционного преобразования мира и позитивного, просветительского по духу научного знания) авторитарными, националистическими и милитаристскими фигурами: с течением времени у более молодых отмечается рост значимости имен-символов, оппозиционных по отношению к доминирующим у старшего поколения, — скажем, идет замена Ленина, Маркса и Энгельса, Циолковского, Эйнштейна, Дарвина на Петра I, Наполеона, Суворова, Гагарина, Сталина, Жукова и Гитлера, Кутузова, Горбачева на Путина, снижение значимости Сахарова и т. п.¹

¹ В опросе, проведенном в августе 1995 г. (N=3000), ответы на вопрос: «Кого бы Вы назвали самым выдающимся государственным деятелем

Таблица 20

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КТО ИЗ РОССИЙСКИХ ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО ПРИНЕС НАИБОЛЬШУЮ СЛАВУ НАШЕМУ ОТЕЧЕСТВУ? (НАЧИНАЯ С ОСНОВАНИЯ РУСИ ДО НАШИХ ДНЕЙ)
(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Февраль 1998 (открытый вопрос)	Июнь 2000 (закрытый вопрос)
Жуков	29	57
Петр I	24	23
Суворов	14	56
Кутузов	8	39
Сталин	6	12
Александр Невский	5	19
Дмитрий Донской	2	4
Иван Грозный	2	2
Ушаков	1	4
Потемкин	1	2
Буденный	1	7
Чапаев	—	10
Рокоссовский	0	6
Ворошилов	—	4
Кн. Олег	—	2
Затруднились ответить	8	2

Февраль 1998, N=1600, Экспресс-1

Аналогичные тематические опросы молодежи (например, август 1998 г., вопрос «*Назовите, пожалуйста, историческую личность — мужчину или женщину, — которая вызывает у вас самое большое уважение*», N=2000) повторяют в ослабленном виде структуру мнений всего населения, хотя интенсивность ответов резко падает, растет число отказов от ответа или затрудняю-

России прошлого или настоящего?» — распределились так: Петр I (43%), Ленин (11), Сталин (9), Андропов и Екатерина II (по 6%), Брежнев (4), Николай II (2). Реформаторы — Хрущев, Горбачев, Ельцин — оказались в самом низу списка (по 1%); 14% затруднились ответить.

В мае 1998 (N=1600) на открытый вопрос «Кто, по Вашему мнению, был самый выдающийся политик XX века?» ответы распределились следующим образом: Сталин (11); Ленин (9); Тэтчер и Горбачев (по 5%), Черчилль, Рузвельт, Брежнев (3-2%); Зюганов, Клинтон, Сахаров, Ельцин, Хрущев (менее 2%); Кеннеди, Андропов, Де Голль, И. Ганди, Рейган (по 1%). Всего было названо более 50 имен. Отмечу, что абсолютное большинство из них — современники, т. е. имена брались из текущей информации СМИ.

В опросе февраля 1998 г. («Кого из следующих людей вы считаете самым выдающимся общественным/политическим деятелем за всю историю России после 1917 года?»), кроме уже названных, представлены Троцкий (2%), Маленков, Н. Рыжков, Жириновский, Зюганов, Лужков (все по 1%). Кроме того, 14% заявили, что «в России в эти времена не было выдающихся деятелей». Аналогичные распределения получены и в августе 2000 г.

шихся дать содержательный и конкретный ответ, а также появляются немногочисленные «случайные» имена (Жанна д'Арк, Иисус Христос, Эйнштейн).

Все эти деятели не являются для респондентов примерами личного подражания или образцами, которым должно соответствовать в своей жизни. Более 60% опрошенных в 2001 г. заявили о том, что у них нет людей, которые могли бы быть для них «моральным авторитетом» (см. табл. 21). Символические имена образуют искусственный звездный свод, под которым люди живут, но по которым не сверяют свою жизнь. Это не набор ценностных ориентиров, а флажки или знаки различия, обозначающие род войск, границы национальной территории, отделяющие «своих» от «чужих». Они никак не связаны с повседневными способами упорядочения реальности или выражения интересов. А значит, и никакая рационализация истории в этом плане — моральная, интеллектуальная — не возможна: их функция — легитимация власти как хранилища славного и героического государственного прошлого, неотделимого от носителей власти, единой и неподконтрольной.

Отметим, что уход ключевых имен-символов советского времени ничем не может компенсироваться. Сильные негативные оценки Ленина, переворачивающие его образ культовой или даже мифологической фигуры отца-основателя нового государства, творца «новой эпохи» в истории человечества и т. п., появившиеся в постперестроечный период, требовали от индивида, респондента, некоторой собственной интеллектуальной и моральной работы или выбора необычной групповой антикоммунистической или антисоветской позиции, предполагающей

Таблица 21

МОЖЕТЕ ЛИ ВЫ НАЗВАТЬ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ ЯВЛЯЕТСЯ ДЛЯ ВАС «МОРАЛЬНЫМ АВТОРИТЕТОМ», ПО КОТОРОМУ ВЫ БЫ СВЕРЯЛИ СВОИ ПОСТУПКИ ИЛИ НА КОГО ВЫ БЫ ХОТЕЛИ ПОХОДИТЬ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	%
Затруднились ответить	46
Таких нет	15
Артисты, певцы, телевизионные ведущие	4
Литературные персонажи, герои фильмов	3
Политические и общественные деятели XX в.	3
Петр I	3
Мои родители	2
Путин	2
Знакомые и родственники респондента	>2
Ленин	>2
Другие исторические личности	>2
Я сам	1
Сахаров	1

Приводятся ответы, данные не менее 1% респондентов, июнь 2001, N=1600.

установку на решительные изменения советской системы, на реформы, сближение с Западом, возвращение к «нормальным» странам. Однако с течением времени эти установки под влиянием изменившегося общественного контекста трансформируются в слабые косвенные оценки («все забудут») и подлежат вытеснению из сознания. Важно отметить, что речь не идет в данном случае о перераспределении затруднившихся с ответом, а именно об уходе от выбора и определенности ценностных позиций.

Примитивность символической системы — не только в наборе имен, но и в персоналист-

Таблица 22

СКОРО ПРИБЛИЖАЕТСЯ ОЧЕРЕДНАЯ ГОДОВЩИНА РОЖДЕНИЯ В.И. ЛЕНИНА. КАК, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, БУДУТ ВСПОМИНАТЬ ОБ ЭТОМ ЧЕЛОВЕКЕ ЛЕТ ЧЕРЕЗ 40-50? (в % от числа опрошенных; ранжировано по 1995 г.)

Вариант ответа	1995, май	2005, май	2006, май	2007, апрель
Как об основателе Советского государства	30	26	29	30
Как о расчетливом политике, сумевшем навязать свою волю огромной стране	19	14	12	9
Как о вожде, для которого на первом месте стояли интересы трудящихся	17	20	18	16
Как о жестоком диктаторе, готовом жертвовать жизнями миллионов	12	9	8	6
Как об удачливом политическом авантюристе	12	6	8	8
Как о великом мыслителе, верно предвидевшем будущее	10	12	13	9
Как о человеке, который не понимал и не любил Россию	5	5	4	3
Никто, кроме историков, не будет о нем вспоминать	25	41	32	45
Затрудняюсь ответить	14	5	7	6
% негативных оценок	37	26	24	21

N=1600.

ской картине происходящего, ее понимании исключительно из упрощенных (кухонного, пикейных жилетов) мотивов и обстоятельств лиц, действующих в истории. С одной стороны, модуль понимания — такой, как «я», с другой — отсутствие сколько-нибудь сложных, опосредованных, концептуальных систем объяснения реальности, актуальной или исторической. Это и есть бедность культурной почвы, интеллектуальных ресурсов российского общества, отсутствие не только средств объяснения, но и ценностей, в перспективе которых можно было бы давать оценку происходящему, отсутствие известного запаса идеализма, позволяющего видеть, запрашивать чуть больше, чем это обычно имеет место под влиянием философии выживания, ценностного минимализма.

Каналы распространения и воспроизводства «исторических» представлений. Для понимания специфики взаимодействия коллективной «памяти» необходимо разделить официальные, формальные, институционализированные каналы репродукции знаний или сведений о прошлом (школа, СМИ, пропаганда, набор государственных ритуалов, политработа в армии, органы власти, ответственные за коммеморацию, т. е. за определенную политику создания и рассаживания памятников знаменитым людям — реальным или символическим героям, ученым, политикам, деятелям — на определенной территории и т. п.) от неформальных, межличностных, сетевых каналов получения альтернативных или дополнительных представлений и знаний о прошлом. При всей грубости таких инструментов, как социологические опросы общественного мнения, они все же позволяют получить некоторое представление о масштабах потенциального разнообразия источников информации и, соответственно, пределах разномыслия.

Но чтобы оценить их воздействие, следует учитывать **интенциональный** характер представлений о прошлом. Это значит, что во внимание следует принимать не только намерения и интересы тех, кто профессионально, в силу специального обучения и ролевого поведения, обеспечивает ретрансляцию исторических знаний, но и другие обстоятельства, значимые для понимания условий возможности коллективной памяти, — подавление памяти, дискредитация источников «альтернативной» информации, страх, табу, привычный конформизм людей, «до смерти напуганных», и прочие обстоятельства. Память о коллективизации и раскулачивании прервана не только из-за массовой гибели

людей вследствие прямых репрессий (ссылки, переселений, голодомора, заключения в лагеря и расстрелов), но и из-за разрыва обычных связей и отношений членов семей — рассеивания семей, принудительной миграции населения на работы, связанные с государственным строительством, индустриализацией и войной. Но можно также говорить и о косвенных факторах разрушения групповой памяти, т. е. причинах, препятствующих аккумуляции семейной истории, о нежелании помнить или знать о прошлом, подавлении «интереса» к тому, что было раньше, — в семье, в месте, где в данный момент живут или работают люди. Такова, например, природа массовой «амнезии», наступившей после Большого террора, отказа говорить в семье с детьми о репрессированных родственниках, о попавших в плен, о «пятом пункте» и других опасных во многих отношениях темах. Именно этими обстоятельствами (нежеланием портить карьеру, страхом перед возможными доносами, угрозами со стороны партийных органов, милиции, ГБ, страхом поставить под удар детей и близких, чувством неловкости перед «нормальными людьми», социальной стигмой и проч.) объясняются лакуны или провалы в памяти людей старшего возраста, не говоривших с детьми и внуками о более ранних временах и членах семьи, пропавших бесследно (см. табл. 23).

В число условий, включающих механизмы забвения, стирания прошлого, могут входить:

а) воспроизводство только разрешенной или единственно допущенной официальной версии истории (предположим, что она едина, хотя это явно не так, поскольку в разные периоды трактовки и легенды истории власти существенно менялись, менялся и сам состав власти, институциональные задачи ее легитимации и поддержания), закрепление ложного или неполного, неадекватного изложения событий (смещение значимости, пропуски, акценты) или соотношения разных периодов истории;

б) табуирование, умолчание, замалчивание, закрытие доступа к источникам информации — архивам, библиотекам, запрет на публичные выступления и публикацию воспоминаний, запрет на ввоз иностранной литературы, цензура в СМИ и т. п.;

в) «смывание» истории (как смывают изображение на киноплёнке, затирают магнитофонные записи), т. е. сознательное уничтожение исторических свидетелей и самих свидетельств, документов, массивов информации о том, что власти считают нежелательным или вредным для доминирующей конструкции прошлого

(необязательно факты репрессий, но и другие факты о неблагоприятных действиях начальников или массы — например, данные расследований военной прокуратуры о мародерстве высшего военного командования во время войны, присвоении ценностей и имущества богатых немцев тем же Г. Жуковым или факты насилия солдат Красной армии в отношении женщин на оккупированных территориях, причем не только немцы, и т. п.);

г) прямые фальсификации истории, создание фальшивых документов и подложных фактов, создание фальсифицированных изложений исторических событий, предназначенных для массового употребления (например, на телевидении, а затем и в школах и т. п.).

Каналы воспроизводства «памяти» — это не просто передача тем или иным образом собственного пережитого, свидетельств личного или опосредованного опыта, сведений, знаний, рассказов о прошлых событиях или пересказов чужих свидетельств, а всегда их оценка, отбор, интерпретация и переинтерпретация, образующая, в конечном счете, устойчивую конструкцию происходившего, соотношенную с другими версиями тех же событий или вписывающую их в более общий контекст. Для того чтобы заработали (сложились в ходе многократного воспроизводства технологии передачи) каналы памяти, необходимым условием является устойчивая **генерализация изложения**¹. Для того, чтобы возник эффект воспроизводства, передачи свидетельств от группы к группе или ее институционализация, необходимо включение механизмов стереотипизации опыта и изложения, подсоединение генерализирующей интерпретации к частным свидетельствам и процедурам «понимания» обстоятельств прошлого. Генерализация в данном случае означает синтез трех процедур, имеющих разную функцию и природу: а) обозначение события (выделение его исходя из тех или иных «ценностей»); б) его генезис (какая-то причинная или логическая, мотивационная, функциональная связь с другими факторами или действиями людей, групп, институтов, «генеалогия события», причем, здесь возможны две схемы «происхождения события»: предметная и исследовательская, методологическая, реконструирующая контекст события); в) его

¹ Ср.: «Идеология существует и действует лишь вместе с данной "системой" ее истолкования, распространения, не иначе, как через нее <...> Идеология реально существует именно в системе ее реализации». — Левада Ю.А. Социальная природа религии. М.: Наука, 1965. С. 160.

практическая оценка, устанавливающая отношение к событиям со стороны говорящего и, соответственно, слушающего, часто смешиваемую с «генезисом», объяснением происхождения события. Только при одновременном действии всех трех процедур образуется смысловая связь, доступная для «понимания», т. е. доступная для внутреннего воспроизведения этих обстоятельств Другим или другими, возникает последовательность воспроизведения смысла. Иначе говоря, в принцип генерализации заложена схема понимания смысла события, его происхождения или оценки. А если это так, то следует признать, что «память» — это не спонтанный субъективный акт, а сложно организованное социальное действие (взаимодействие), смысл которого действующие лица соотносят со смысловыми порядками других групп и институтов. История, или массовая историческая «память» (в отличие от фольклора, традиции, ритуала), не говоря уже о специальных формах закрепления прошлого в публицистике, архивном деле, науке и проч., возникает только в сложно устроенном, т. е. структурно и функционально дифференцированном социуме, способном закрепить и удержать это прошлое. Любое определение некоей ситуации в качестве «события» происходит как индивидуальная или «коллективно» санкционированная проекция предполагаемых или неявно подразумеваемых квалификаций ее «из воображаемого будущего», с «точки зрения» будущих рассказов о ней другим людям или поколениям².

Без обобщения и включения в определенные коллективные сюжетные схемы личный прожитый опыт не удерживается и не передается. Такой вывод вытекает из анализа материалов исследований, в частности, опыта людей с низким уровнем образования, переживших сталинские репрессии, голод, коллективизацию или слышавших рассказы об этом от ближайших членов семьи. В этой среде индивидуальная «память» о пережитом или о прошлом сохраняется даже ярче, чем в какой-либо другой среде, но — что существенно — далее она не передается: следующие возрастные группы не знают о событиях прошлого, которые отмечали старшие (см. ниже табл. 23–24).

² Эти структуры социального действия можно назвать «игровыми» в духе Левады или «метафорическими», в моей интерпретации смыслового синтеза, но в любом случае здесь важно именно сочленение разных пластов реальности, культурных значений и социальных норм их актуализации и интерпретации.

Таблица 23

ГОВОРИЛИ ЛИ С ВАМИ ВАШИ РОДИТЕЛИ, СТАРШИЕ В СЕМЬЕ О ЧЕМ-ЛИБО ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО НИЖЕ?

(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1989	2008
О репрессиях, тюрьмах, ссылках в сталинскую и советскую эпоху	22	26
О реальном положении в экономике страны в прошлом, в наше время	17	22
О руководстве страной, ее вождях в прошлом, сегодня	29	28
Об эмиграции, о выезде из страны	6	7
Об освоении целины	8	–
О первых полетах в космос	13	–
О сообщениях зарубежного радио	5	–
Об интимных отношениях, сексе	4	11
О смерти	12	13
О самоубийстве	3	5
О Боге, вере, церкви	18	28
Об инакомыслии, диссидентах, самиздате	–	7
О жизни за границей	–	14
О войне в Афганистане, Чечне	–	23
Об антисоветских движениях в странах соцлагеря (Венгрия, Пражская весна, выступления польских рабочих и т. п.)	–	6
О чем-то из этого говорили, но я не придавал (ла) этому значения	20	–
Я вырос (ла) без родителей	3	1
Ни о чем из этого родители, старшие со мной не говорили	23	17
Затрудняюсь ответить	–	11
Число опрошенных:	1500	1500

«←» – в анкете или в вопроснике данной подсказки не было

«Память» о прошлом сохраняется лишь относительно тех событий, которые

а) получают *общественно значимое* содержание («значение для других, смысл событий»);

б) *общепринятую* повествовательную (нарративную) форму (жанр, формула, канон, языковые или сюжетные стереотипы изложения), в которой в снятом виде уже содержатся некоторые элементы генерализации события;

в) имеют значение для будущего или настоящего (идеологическое, политическое, экономическое), т. е. выделяются, оцениваются в какой-то ценностной перспективе;

г) связаны с социальными интересами, групповыми или институционально закрепленными представлениями, определяющими поведение в других областях, других институциональных зонах (господства, идеологии, морали,

политики, образования, культуры и т. п.).

Для анализа их значимости необходимо выделить плоскость *интересов памяти* действующих (вспоминающих или рассказывающих, слушающих и запоминающих), под влиянием которых происходит смысловой синтез отдельных сообщаемых сведений и изложений пережитого. Сами по себе эти интересы могут иметь разную природу и направленность – отрицание или подтверждение одних конструкций прошлого, самоудовлетворение от рассказа, повышение статуса рассказчика или героя рассказа (героизация поведения, превращение его в образцовое или подобающее), закрепление идеологических версий, мифологизация, анализ и самопонимание, обоснование правоты и вины – своей или других, признание в глазах других, акцентирование «ужасного», нарушающего норму, или «величественного» и проч. Во всяком случае, элементы рационализации прошлого, как и его мифологизации, – вещь, сопутствующая практически любой конструкции памяти.

Рассмотрим вопросы объема и структуры «памяти» более конкретно, на материале наших опросов¹. Начнем с выявления параметров устной коммуникации в самых доверительных сферах общения, в семье.

Главная или явно выделяющаяся тема в семейных разговорах старших и младших – обсуждение действий руководства (вождей) страны и выражение неудовлетворенности ими, неэффективности управления, с воображаемой точки зрения коллективных интересов, с позиций государственного патернализма. На втором месте – тема репрессий. История в этом русско-советском смысле означает не участие в политике, а ее зрелище и кухонное обсуждение. Модель здесь: «пикейные жилеты».

Сравнивая замеры, отделенные двумя десятилетиями, отметим, прежде всего разную интенсивность ответов: общее число ответов в 2008 г. (если исключить позиции, которых не было в другом замере) больше, чем в 1989 г. (на 13%), что может служить свидетельством некоторой разрядки, уменьшения количества

¹ Прямое сравнение распределения ответов не совсем корректно, поскольку за эти годы изменилась техника опросов: в 1989 г. исследование предполагало самозаполнение анкетного листа респондентом, позже мы отказались от этой методики и использовали в основном форму интервью, что повлекло за собой некоторые изменения в наполненности отдельных «подсказок». Изменился также их набор: в 2008 г. многие из тематических подсказок потеряли актуальность и плохо принимались новым поколением, по этим соображениям они были исключены из вопросника.

табуированных тем и связанных с ними страхов в обществе. Далее – параметры среды, в которой могли обсуждаться или обсуждались запретные или непубличные, нежелательные темы, весьма ограничены: о репрессиях, терроре говорили примерно в каждой пятой-четвертой семье (22–26%), о диссидентстве, самиздате, равно как и об антисоветских восстаниях или движениях протеста в странах социализма – в 6–7% семей (примерно столько же, чуть меньше, слушали «голоса» – 5%¹), о «жизни за границей» и «эмиграции» – соответственно, в 14% семей и в 6–7%. О «вождях», «реальном положении дел» в народном хозяйстве, обществе – от 29 до 17–22% (легко предположить, что эти разговоры были весьма критическими по отношению к руководству). Религиозные проблемы, вопросы смысла жизни, смерти, самоубийства, любви и секса затрагивались в межличностном общении тоже в очень немногих семьях – в диапазоне от 3–4 до 12–18%.

Кросс-табулярный анализ показывает, что респонденты, дававшие ответы на эти вопросы, составляют определенное множество (т. е. отвечающие на один вопрос чаще отвечали и на другие, близкие по характеру вопросы). В этом множестве можно выделить «ядро» с более высокой интенсивностью подобных обсуждений, откровенных разговоров и размытую «периферию», в которой подобные темы затрагивались эпизодически. Именно «ядерные» группы образуют среду, рефлексирующую по поводу социальных событий в прошлом и настоящем, являющуюся носителем альтернативных, по отношению к официальной пропаганде, представлений и мнений о том, что происходит в стране и в мире. В любом случае, и это следует подчеркнуть, хотя само соображение такого рода звучит достаточно тривиально, подобные респонденты не размазаны равномерно по всему населению. В основном это более образованные люди зрелого или пожилого возраста, читающие горожане, следящие за событиями, короче, ангажированная и культурная публика, интеллигенция, если следовать ее прежней советской самоидентификации. Это «ядро» можно оценить в 5–7% опрошенных, что примерно и соответствовало удельному весу образованных в структуре населения; «периферия» простирается до 25, максимум – 30% взрослого

¹ Заметим, это намного меньше, нежели давали наверх «спецсоциологи» в советское время – от 30 до 50% населения, среди молодежи – даже до 70%. Это объясняется тем, что им надо было пугать свое начальство, чтобы оно выделяло соответствующие средства на такого рода «исследования».

населения. Остальные – вне истории и современности.

Для начала приведу данные опроса 2008 г. и московского опроса осенью 2009 г. (см. табл. 24) с тем, чтобы получить общее ретроспективное представление о том, как в памяти людей отражены те занятия, которые были чертой определенного образа жизни некоторых групп в советское время, как привилегированных, так и нет. Конечно, ретроспективные ответы могут дать только приблизительное представление (точнее даже, мнения) о реальном поведении 30–35-летней давности, но для нас здесь важна не абсолютная точность, которая недостижима в исследованиях такого рода, а примерные соотношения между различными формами поведения, удельный вес некоторых каналов и устойчивых взаимодействий. Чтение самиздата или тамиздата предполагает взаимообратимые отношения доверительности, регулярности, сетевого взаимодействия социальными, культурными и информационными ресурсами, совершающегося под угрозой репрессий. Точно так же и пользование спецхраном или спецраспределителями, как и включение в другие эксклюзивные отношения, предполагает урегулированный порядок доступа и поддержания этих взаимодействий, их институциональный характер.

Таблица 24
СЛУЧАЛОСЬ ЛИ ВАМ, ВАШИМ РОДИТЕЛЯМ, СТАРШИМ В СЕМЬЕ В СОВЕТСКИЕ ВРЕМЕНА ДЕЛАТЬ СЛЕДУЮЩЕЕ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2008	2009*
Читать самиздат	9	18
Пользоваться в библиотеке спецхраном	3	3
Читать литературу для служебного пользования	10	10
Читать толстые литературные журналы	25	30
Пользоваться спецраспределителями (покупать там одежду, продукты и пр.)	6	6
Пользоваться сертификатами, боннами	4	7
Пользоваться персональным транспортом	7	4
Быть за границей (с родителями, по службе, в турпоездке)	9	9
Ничего из перечисленного	42	31
Затрудняюсь ответить	18	28
Сумма ответов	133	146
Число опрошенных	1500	1000

* Московский опрос.

Как видим, в Москве не только чтение толстых журналов было более распространенным занятием, но и сеть самиздата была гораздо более развитой и широкой, чем в стране в целом (реально она существовала лишь в крупнейших городах, становясь все более редкой в региональных центрах и исчезая практически полностью в других типах населенных пунктов). Примерно 90% населения были вне этих структур взаимодействия и, соответственно, вне дополнительных, по отношению к официальным каналам пропаганды, источников информации и интерпретаций. Сама структура этих альтернативных или параллельных каналов взаимодействия представляет собой «пирамиду» возможностей, состоящую из разного рода привилегий и допусков, вершину которой образуют допущенные к спецхрану, иностранным и «закрытым» источникам информации и спецраспределителям, а «подошву» — лимиты на подписку дефицитных журналов и прочие каналы не всеобщего потребления¹.

Анализ этих данных показывает, что и чтение самиздата, тамиздата, слушание зарубежных радиостанций, пользование спецхраном и литературой ДСП сочетались с некоторым доступом к закрытым распределителям, поездкам за границу и тому подобным благам и льготам, характерным для «высшего среднего» и «среднего» слоя советской бюрократии (может быть, включая даже и нижний слой номенклатуры). А это значит, что именно эта среда полупривилегированных или статусно более высоких, хотя и не высших, групп оказалась проводником других, в том числе и «чуждых» советскому духу идей и образцов. Более того, именно в этой среде шел процесс критического разбора действующей системы власти, т. е. ее разложение. Никаких других источников образцов, идей и ценностных представлений в закрытом советском обществе не было и быть не могло. В состоянии ли эта среда критически мыслящих бюрократов, «слегка» купленных разными привилегиями и льготами, лучше других видящих дефекты и тупики системы, но исправно служащих ей, поскольку ситуация представляется им безальтернативной (диссидентство и открытая политическая борьба в глазах этого слоя не воспринимается как реальная стратегия действия), выработать ценностные и моральные принципы, которые стали бы основой новой системы

¹ В данном случае я говорю не о реальной социальной элите или верхней части социальной структуры, а о верхних слоях так, как они представлены в нашем опросе на весьма специфические темы. Это различие следует учитывать, чтобы не возникали ложные отождествления.

представлений об истории, обществе, праве, модернизации страны? Вопрос носит скорее риторический характер, поскольку ответ очевиден: нет. Нельзя (вопреки всем славословиям русской интеллигенции) ждать от людей, вынужденных приспособляться к нормам и требованиям репрессивной системы власти и управления, последовательной систематизации знаний и окончательных выводов, которые уничтожают их самих или подрывают их социальное положение и шансы на существование. Напротив, единственно возможной их тактикой будет беспринципное соединение лояльности и критики, адаптация идей и собственных представлений ценой снижения запросов и приспособления (индивидуального, группового, коллективного) к императивам «положения вещей», что заставляет отсекал «крайности» и выбирать «реалистические» варианты определения ситуации и конструкции истории.

Неизбежный оппортунизм (при сохранении критической установки) характеризует интеллектуальную и моральную атмосферу предперестроечных лет и задает программу поведения этих групп на последующие 20 лет, до следующего цикла социальной репродукции. Проводниками альтернативного знания об истории являлись те же слои, которые несли и даже создавали официальную версию советской истории. Такой вывод только на первый взгляд кажется парадоксальным. Если вдуматься в это обстоятельство, становится понятным, что никакой иной среды, способной выдвинуть альтернативные версии происходящего, и быть не могло, так как историческое знание, даже в такой уродливой и дырявой форме, как советская история, могло создаваться, фиксироваться и транслироваться только специально обученными людьми, только в среде носителей письменной культуры (совсем необязательно для этого быть «профессиональным историком», скорее наоборот). Именно эти опрошенные и чаще обсуждают настоящее и прошлое страны, гордятся им и стыдятся его. Другими словами, особенно сюжетики и конструкции истории отражают характер общества, его институциональную природу и морфологическую структуру, а также моральные представления образованного общества, «элиты».

Женщины, в особенности образованные женщины в годах, живущие в больших городах и занятые в структурах управления, культуры, науки, образования, лучше хранят историю семьи, помнят не только о поколении своих родителей, но имена и предания о прапрадедах.

Они заметно чаще мужчин вспоминают о том, что было в их семье, в том числе и о табуированных темах репрессий и повседневных проблемах. Это может объясняться двумя различными причинами, технической и функциональной: (а) уровень образования у женщин выше, чем у мужчин, и (б) социализация нового поколения остается преимущественно женской задачей; консервация групповой памяти и передача опыта прошлого, «рассказов о том, что было», принадлежит скорее матерям и бабушкам, чем мужской половине.

Для нашего разбора структуры представлений и характера источников представлений о событиях прошлого и настоящего важно определить именно удельный вес альтернативных каналов информации и представлений. Самые разные вопросы в исследованиях общественного мнения дают примерно одни и те же цифры обращения к «альтернативным» или неофициальным каналам информации и культурных значений (3–6%), причем их объем не меняется на протяжении многих лет, что говорит об устойчивости или жесткости структуры общества.

Таблица 25

КАКИЕ ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ В 1988, В 1989 ГОДАХ ОКАЗАЛИСЬ НАИБОЛЕЕ ДОСТОВЕРНЫМИ В СЛОЖНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1988	1989
Центральное телевидение	63	67
Всесоюзное радио	28	30
Центральные газеты	38	50
Местная печать, радио, телевидение	12	13
Зарубежные источники	3	3
Служебная информация закрытого характера	8	3
Лекции	3	3
«Самиздат»	2	0,5
Рассказы очевидцев, друзей, знакомых	7	7
Слухи	3	2
Затрудняюсь ответить	13	12
Число опрошенных	1100	1600

Таблица 26

ОТКУДА ВЫ ЗНАЕТЕ О СОБЫТИЯХ 1968-ГО ГОДА В ЧЕХОСЛОВАКИИ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	%
Сам участвовал в этих событиях, участвовали близкие мне люди, очевидцы	2
Из советских газет, телепередач тех лет	15
Из передач «западного» радио и из других неофициальных источников тех лет (самиздат, западная литература)	3

Мне рассказывали об этом старшие – современники этих событий	9
Из газет, телепередач, других источников «перестроечных» и более поздних лет	15
Знаю об этом из учебников, книг по истории	8
Затрудняюсь ответить	3
Ничего не знаю о них	55

2008, N=1600.

Таблица 27

СЛЫШАЛИ ЛИ ВЫ О «СОБЫТИЯХ 1968 ГОДА», КОТОРЫЕ НАЧАЛИСЬ СО СТУДЕНЧЕСКИХ ВОЛНЕНИЙ В МАЕ 1968 ГОДА ВО ФРАНЦИИ И ПРОКАТИЛИСЬ ПО ВСЕМ СТРАНАМ ЗАПАДА, И ЕСЛИ ДА, ТО ИЗ КАКИХ ИСТОЧНИКОВ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	%
От очевидцев событий тех лет	2
От современников этих событий	3
Из советских газет, телепередач тех лет	8
Из передач «западного» радио и из других неофициальных источников тех лет (самиздат, западная литература)	3
Из газет, телепередач, других источников «перестроечных» и более поздних лет	8
Из учебников, книг по истории	4
Из художественной литературы, кино	2
Слышал(а), но не помню откуда	10
Ничего не слышал(а) об этих событиях	53
Трудно сказать, слышал(а) или нет	12

2008, N=1600.

Рассмотрим особенности основных видов воспроизводства и передачи «знаний» о прошлом.

Мы, естественно, ограничены условиями и технологическими характеристиками массового опроса. По методическим соображениям в опросном листе введены лишь самые принципиальные различия каналов воспроизводства: а) механизмы *личного общения* (собственный опыт и его пересказ членам семьи или приравненным к ним по степени доверия, эксклюзивный характер свидетельств, «почти» свободных от страха перед возможными репрессиями за крамольное поведение); б) *формально-институциональные* механизмы образования и социализации – преподавание в средней школе и вузах; в) каналы *письменной культуры*, чтение соответствующей литературы, книг и журналов, связанных с интересующей нас тематикой (диапазон свидетельств здесь предельно широкий – от воспоминаний и очерков до романов и научных исследований); г) *масмедийные формы* – кино, ТВ, крупнотиражная, в том числе

или даже преимущественно желтая пресса, вроде нынешних «МК», «КП», «АиФ» и прочих таблоидов.

Содержимое канала обусловлено средствами и целями передачи. Социальные средства передачи и трансляции — это личный рассказ, технические формы воспроизводства, показ, изложение документов, их анализ, техника эмоционального возбуждения идентификации и сопереживания или пропагандистская суггестия и т. п. Ключевую роль здесь играет зона (дистанция) коммуникации: если она не выходит за пределы личного свидетельства, то коммуникация прерывается. В качестве фильтров содержания могут выступать идеологические клише, цензурные запреты, ограничения социально-языкового рода, интеллектуальные, риторические, лексические и тому подобные формы передачи, воспоминания, нарратива, а также угрозы санкций за передачу или нарушение стандартов, канонов, правил, норм передачи. Причем эти санкции касаются всех видов каналов. Это могут быть остракизм и отчуждение в личном общении как за нарушение табу разного рода, так и прямо противоположное — внесение в лично-доверительные отношения ноток официоза и идеологического лицемерия, это может быть фальшь в литературных формах или нарушение риторики преподнесения идеологических схем.

Объемы транслируемого содержания — принципиально разные у разных каналов. Понятно, что личный рассказ о голоде в конкретной деревне или аресте родственника, атмосфере 1950-х гг. не может быть очень большого объема, он может повторяться, уточняться, но сфера жизненных впечатлений не может быть очень значительной, даже если рассказываемый эпизод идет в модусе «так было тогда везде».

Цели передачи или канала всегда адаптированы применительно к функциям канала (средства и объемы передаваемого, соответственно, могут быть разведены только аналитически). Здесь можно выделить такие типы поведения, как поддержание семейной и личной идентичности, научение, групповая и институциональная социализация к нормам и образу существования в малых группах, в больших коллективах и организациях, в формальных институтах, воспитание, пропаганда, расширение пределов воображения, развлечение, переживание экзистенциальных глубин опыта и обозначение его пределов вплоть до полного воспроизводства культурных значений и пластов.

Столь же существенную роль играет апелляция к разным инстанциям достоверности и авторитетности сообщаемого: личные опыт, свидетельства очевидцев, авторитет политиков, общественных деятелей, церковных иерархов, документы, тексты профессиональных историков и проч. Возможности критики опыта (публичные дискуссии) в наших условиях и обстоятельствах предельно ограничены. Поэтому и уровень критической рефлексии относительно предъявляемых критериев действительности прошлого — примером здесь может служить общественная реакция на Катюнь или на события Пражской весны, данные о числе и причинах огромного числа жертв войны, намного превышающего немецкие потери, детали лагерной жизни, цифры об уровне и характере преступности и т. п. — крайне низок.

Общественная рефлексия имеет место только там, где по разным причинам и стимулам, мотивам действия, происходит подхват или спуск рефлексии сверху, инициируемый элитными группами и доходящий до низа, по крайней мере, до школы или низовых организаций «гражданского общества». Либо где, напротив, процесс идет снизу, как это было с волной ксенофобии и защитного национализма в 1990-е гг., пойманной и подхваченной властями и аппаратом пропаганды уже при Путине. Можно представить себе и боковые тренды. Чаше, видимо, бывает, что инициатива исходит из некоторых квазиэлитных или бюрократических групп, претендующих на идеологическую роль.

Сопоставляя степень информированности (разговоры) и источники информации, мы можем отметить следующие изменения за 20 лет (см. табл. 28). Во-первых, идет сокращение сферы прямых свидетельств о массовых репрессиях, увеличивается сфера косвенных, опосредованных знаний или сведений через третьих лиц и институциональные каналы — школу, вуз, причем с уменьшением доли литературы растет значимость ТВ (кино едва ли стоит принимать во внимание из-за практически полного исчезновения массовой киноаудитории в последние 15 лет). То, что падает роль литературы как посредника, как источника знаний о прошлом, причем падает резко (с 58 до 36%), следует считать принципиально важным обстоятельством: книжная форма — наиболее адекватный и — при прочих равных — более независимый от властей источник, потенциально предполагающий документы или обоснованные аргументы соответствующих утверждений; телевизионная, или виртуальная, реальность в гораздо большей сте-

Таблица 28

ОТКУДА ВЫ ЗНАЕТЕ О СЛЕДУЮЩИХ ВЕЩАХ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1989	2008	1989	2008	1989	2008	1989	2008	1989	2008	1989	2008
	Сам или семья испытали на себе, были свидетелями	Рассказывали старшие родственники, знакомые/слышал об этом от очевидцев	Из учебы в школе, институте	Читал (а) об этом в книгах, журналах	Знаю из кино, ТВ	Почти ничего, мало знаю об этом						
О репрессиях 1930–1950-х гг.	9	8	22	25	–	33	58	36	–	42	13	11
О преследованиях диссидентов	1	1	5	10	–	18	29	28	–	34	68	33
О событиях 1956 г. в Венгрии*	1		11		–		29		–		59	
О событиях 1968 г. в Чехословакии*	1	2	14	9	–	16	32	22	–	33	53	38
О войне в Афганистане	2	–	45	–	–	–	55	–	–	–	7	–
О войне в Чечне	–	6	–	28	–	12	–	34	–	70	–	4
О коллективизации, голоде, депортациях	–	9	–	28	–	39	–	31	–	38	–	10
О голоде 1923–1933 гг.	18	–	25	–	–	–	–	36	–	–	–	24
О лишениях тыловой жизни во время ВОВ	28	–	34	–	–	–	–	33	–	–	–	9
О пленных во время ВОВ	4	–	26	–	–	–	–	58	–	–	–	14

* В 2008 г. формулировка вопроса была такова: «Откуда Вы в основном знаете: о событиях 1956 г. в Венгрии, 1968 г. в Чехословакии?»

пени контролируется властями, администрацией президента и фактически играет роль инструмента политической пропаганды. Но и по природе своей СМИ гораздо более ангажированы и менее достоверны, они не предполагают доказательств и систематической проверки своего содержания.)

За 20 лет выделенная нами структура «социализационных разговоров» изменилась незначительно, что само по себе заслуживает отдельных размышлений. Несколько снизилась значимость темы репрессий, но выросли все «экзистенциальные» проблемы субъективного существования (смерти, самоубийства, любви, интимности), в особенности — религии (с 11 до 31%), что, как мы знаем, не есть знак повышения значимости этической стороны жизни, духовного интеллектуализма и т. п. Скорее, напротив, это свидетельство усиления обрядово-магической стороны общежития, признак конформизма, архаической и антиинтеллектуалисткой примитивизации коллективной жизни. Ушла, практически забыта оказалась война в Афганистане, не получившая подкрепления в медийных средствах репродукции.

Картина исторической «действительности» редко меняется целиком, в своей принципи-

альной конструкции, сюжете, фабуле. Обычно бывает, что в случае изменения выкидываются отдельные звенья и элементы схемы интерпретации, принципиально важные для оценки прошлого (допустим, глорификация Сталина или руководящая роль КПСС), но общая схема понимания прошлого не меняется. Видимость принципиальных изменений в трактовке истории в некоторых случаях возникает из-за перемены знака (идеологической оценки) событий — реабилитация Белого движения, негативное описание «красных». При этом конструкция прошлого — допустим, персоналистская схема исторического процесса — остается той же самой. Однако в нашей ситуации чаще проявляются другие особенности массового отношения к большому времени: неспособность к вынесению моральных (и правовых!) оценок прошлого ведет к стерилизации фактов прошлого и их вытеснению («лучше забыть»), сами возможные ценностные коллизии нейтрализуются. Примером подобной разгрузки может служить выражение «сталинские преступления», превратившееся к настоящему времени в пустую форму, риторическое клише, используемое официозом в качестве знака «темного места», не подлежащего рационализации и актуализации. Обще-

ственным мнением сомнительность этих мест воспринимается вполне «адекватно», в соответствии с негласными конвенциями «"да" и "нет", не говорите, черного и белого не называйте».

Рассмотрим подробнее распределение ответов на выше приведенный вопрос («о чем говорили в семье») в зависимости от социально-демографических характеристик респондентов.

Из таблицы 29а следует, что максимум зна-

чимости проблематики сталинских репрессий (36–35%, т. е. примерно треть соответствующей возрастной когорты), а также оценок положения дел в стране, качеств политического и экономического руководства приходится на поколение, социализация которого прошла в годы хрущевской оттепели и первую половину брежневского застоя (до окончательного формирования собственно великодержавной идеологии

Таблица 29

О ЧЕМ ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО ВЫ САМИ ГОВОРите (ИЛИ СОБИРАЕТЕСЬ ГОВОРИТЬ) С ДЕТЬМИ, ВНУКАМИ, МЛАДШИМИ В СЕМЬЕ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1989	2008
О репрессиях, тюрьмах, ссылках в сталинскую и советскую эпоху	17	14
О реальном положении в экономике страны в прошлом, в наше время	32	33
О руководстве страной, ее вождях в прошлом, сегодня	28	29
Об эмиграции, выезде за границу	6	7
Об освоении целины	6	–
О первых полетах в космос	15	–
О сообщениях зарубежного радио	4	–
Об интимных отношениях, сексе	15	21
О смерти	6	13
О самоубийстве	3	8
О Боге, вере, церкви	11	31
Об инакомыслии, диссидентах, самиздате	–	5
О жизни за границей	–	18
О Великой Отечественной войне	54	48
О войне в Афганистане, Чечне	–	23
Об антисоветских движениях в странах соцлагеря (Венгрия, Пражская весна, выступления польских рабочих и т. п.)	–	4
Ни о чем из этого с детьми/младшими в семье не говорю/не собираюсь	29	8
Не имею детей/младших в семье	17	10
Число опрошенных:	1500	1500

Таблица 29а

В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ НА МНОГИЕ ТЕМЫ БЫЛО НЕ ПРИНЯТО ИЛИ ДАЖЕ ОПАСНО ГОВОРИТЬ. ГОВОРИЛИ ЛИ С ВАМИ ВАШИ РОДИТЕЛИ, СТАРШИЕ В СЕМЬЕ О ЧЕМ ЛИБО ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО НИЖЕ (в % от числа опрошенных)

Возрастные группы	65 лет и старше	55–64	45–54	35–44	25–34	15–24
Годы рождения	1943–1920	1954–1943	1974–1963	1964–1973	1974–1983	1984–1992
О массовых репрессиях	26	36	35	22	17	20
О реальной ситуации в экономике	15	30	27	18	18	23
О руководстве страной, вождях	22	34	32	32	24	24
О диссидентах, самиздате	3	13	11	6	4	6
Об эмиграции	6	9	8	7	3	12
О жизни за границей	9	16	15	13	10	18
Об афганской войне, чеченской войне и т.п.	17	28	23	22	24	25
Об антисоветских движениях в странах соцлагеря	3	10	8	4	5	5
Общая сумма ответов	101	176	159	124	105	133

Таблица 29б

Образование/тип поселения	Высшее	Среднее	Неполное среднее	Москва	БГ	СГ	МГ	Село
О массовых репрессиях	31	26	23	22	30	28	25	23
О реальной ситуации в экономике	26	25	16	27	25	22	23	17
О руководстве страны, вождах	32	29	24	32	27	30	32	22
О диссидентах, самиздате	10	8	4	9	9	8	6	5
Об эмиграции	10	8	4	11	12	7	4	6
О жизни за границей	17	15	10	19	16	17	12	9
Об афганской войне, чеченской войне и т.п.	24	24	21	21	28	23	19	24
Об антисоветских движениях в странах соцлагеря	9	6	2	11	7	7	4	3
Общая сумма ответов	168	141	104	152	154	142	125	109

Таблица 29в

Социальный статус	Предприниматель	Руководитель	Специалист	служащий	Квал.рабочий	Неквалиф. раб	Безработный	Студент, учащийся	Пенсионер	Домохозяйки
	О массовых репрессиях	28	46	36	29	25	15	17	19	28
О реальной ситуации в экономике	15	56	25	24	20	20	20	26	19	24
О руководстве страны, вождах	27	51	28	37	26	23	22	30	26	20
О диссидентах, самиздате	10	28	7	8	8	3	10	5	6	3
Об эмиграции	10	18	7	7	7	8	12	9	6	4
О жизни за границей	16	23	19	14	10	11	13	21	11	20
Об афганской, чеченской войне	27	30	25	25	23	27	20	25	20	17
Об антисоветских движениях в странах соцлагеря	7	13	10	7	5	4	7	3	4	2
О Боге	30	34	29	28	24	29	34	23	32	23
О смерти	12	22	11	13	15	17	12	8	11	11
О сексе	16	23	16	13	10	16	12	10	7	3
О самоубийстве	5	13	6	4	5	8	6	4	6	3
Сумма ответов	175	357	219	209	178	181	185	183	176	130

Таблица 30

ГОВОРИЛИ ЛИ У ВАС В СЕМЬЕ О ... (в % от числа опрошенных)

Возрастные группы	65 лет и старше	55–64 года	45–54 года	35–44 года	25–34 года	15–24 года
Годы рождения	1943–1920	1954–1943	1974–1963	1964–1973	1974–1983	1984–1992
Боге, вере, церкви	29	37	29	26	23	25
смерти	10	14	15	13	13	10
самоубийстве	4	7	3	4	6	7
сексе	6	13	9	13	10	14
ВОВ	53	66	62	51	50	46
Ни от чем таком не говорили	15	12	16	19	20	18
З/о, вырос без родителей	14	6	5	11	14	19
Сумма ответов (без з/о и «не говорили»)	102	137	118	107	102	102

и вытеснения коммунистического миссионерства, замены его доктриной супердержавы). Более того, следует подчеркнуть, что две эти смежные возрастные группы — послесталинских лет рождения и до установления собственно брежневского правления — оказываются самыми ангажированными и политически озабоченными, взволнованными событиями в стране и перспективами возможных изменений режима. Собственно именно эти возрастные группы и стали переломными, на них система начала ломаться. Их отношение или интерпретация событий, в силу интереса к прошлому, в силу других установок, заметно отличались от официоза, что и стало причинами множественных дефектов в репродукции советской идеологии.

В поколенческом плане наиболее заинтересованными в понимании этих проблем и вовлеченными в их обсуждение (см. общее число ответов в разных группах) оказываются возрастные группы послевоенных лет рождения — те, кому сейчас 55–65 лет, и примыкающие к ним 40–50-летние люди. Война для этих поколенческих когорт была опосредованной сферой символических значений. Сами они не воевали, но именно им была передан обобщенный и переработанный (хотя бы в первом приближении) опыт экзистенциальных испытаний, заставивший задуматься о цене войны и ответственности советского руководства за войну, за положение дел в стране и, в конечном счете, о самом режиме власти и характере политического строя. В этом плане некоторое изменение самих критериев оценки настоящего и прошлого или перспектив рассмотрения, о чем косвенно говорит повышенная значимость вопросов субъективации личности, озабоченность вопросами смерти, религии, секса, интимности, оказывается крайне важной в процессе расколдовывания норм советского принудительного коллективного существования.

Наиболее интенсивное обсуждение всех выделенных нами тем, от масштабов и характера репрессий, правозащитного движения, стиля политического руководства, управления, экономики, афганской войны, возможностей эмиграции и сравнения образа жизни внутри Союза с западными стандартами до экзистенциальных проблем существования — смысла и ценностей жизни, любви, смерти, религии — происходит в определенных группах, занимающих более высокие социальные позиции, обладающих более значительными культурными, образовательными, интеллектуальными ресурсами. Это руководители, специалисты с высшим образова-

ем и их дети — учащиеся и живущие в столице, в крупнейших городах. Именно эти опрошенные и чаще обсуждают, и в большей степени ангажированы социально-политическими проблемами, перспективами страны. Они в большей степени и гордятся, и стыдятся настоящего прошлого страны. Однако, как мы уже выяснили, эти категории, которые Ю. Левада называл «социальной элитой», оказались не в силах — в силу двойственности, или точнее, двусмысленности своего положения и выполняемых функций в советской тоталитарной системе, присущего им двоемыслия, противоречия между самоидентичностью и вынужденной или искренней лояльностью режиму, от которого они, как и все прочие в СССР, зависели в материальном и социальном плане, — рационализировать природу режима, прошлое советской системы со всеми ее черными дырами, а также определить перспективу на будущее, выработать программу трансформации системы, как это сделали элиты в странах ЦВЕ. Последствием этой неспособности или несостоятельности было то, что процессы социализации и образования шли и идут в настоящее время по разным каналам воспроизводства и не дублируют друг друга. Модернизация (технические знания и формы организации, инструментальное отношение к человеку) не подкрепляется соответствующей структурой представлений и ценностей человека — культурой, антропологией, мотивами его поведения, формами социальной гратификации и признания. Одно не вытекает из другого.

В результате получение «современного» знания естественно-научного и инженерно-технологического характера, его функционирование в обществе не связывается с проблемами природы человека, в том числе — нашего, советского человека, с субъективными запросами и проблемами самопознания, как это было в Европе Нового времени и закрепилось в традициях европейской или «современной», гуманистической культуры, в традициях Просвещения, институционализированных в формах общественного устройства. Оно воспринимается как нечто внешнее, а потому насаживается на архаическую основу примитивного понимания человека и отношений в тоталитарном обществе, причем навязывается, преподается столь же принудительными и репрессивными средствами. Нельзя это связывать только с обстоятельствами и культурным контекстом «догоняющей модернизации», речь идет именно о советском контексте получения знания и его использования. Знание о человеке, аккумуля-

руемое в символических формах — праве, литературе, этике, науке, культуре, философии и т. п. — рассматривается как нечто внешнее, как профессиональный ресурс, которым владеет определенная часть тоталитарной бюрократии, но не как жизненная стратегия поведения индивида. Именно поэтому такое знание не сопряжено с этическими вопросами существования или планирования жизни, перспективным выстраиванием собственной биографии.

Для нас в данном случае важно отметить асинхронность разных систем значений межпоколенческой репродукции (систем образования и социализации, воспитания) или — в более узком плане — разную действенность различных каналов передачи опыта, информации, сведений о прошлом. Для того чтобы на нашем материале рассмотреть эти особенности, мне пришлось сгруппировать разные источники по типу их действия, особенностям репродукции и соотнести их с характером воздействия: особенностями «памяти» респондентов, пользующихся этими каналами. Все источники были разбиты на четыре типа: *устные* (или традиционные

формы передачи опыта, сведений от человека к человеку — рассказы современников, непосредственных участников событий, «свидетелей»); формально институциональные, т. е. дающие опосредованное и генерализованное или препарированное знание, которые разделяются на *образовательные* (средняя школа, высшее образование), *литературные* (предполагающие обращение к любым формам письменной культуры и коммуникации — чтение книг и журналов) и *массмедийные* (главным образом телевидение с его сериалами и публицистическими передачами, а также кино, радио, тонкие гламурные журналы и проч.). Полученные распределения сведены в таблице 31.

Минимальный объем коллективной памяти о советских временах приходится на самые старшие возраста — людей первого советского поколения 1920–1943 гг., т. е. на самих участников исторического процесса построения СССР. Напротив, следующие за ними когорты, чье детство и юность пришлось на хрущевскую оттепель и брежневский застой, стали переломным поколением перестройки. Это поколение

Таблица 31

ОТКУДА ВЫ В ОСНОВНОМ ЗНАЕТЕ О ТАКИХ СОБЫТИЯХ, КАК... (в % от числа опрошенных)

Каналы / Возрастные группы	15–24 года	25–34 года	35–44 года	45–54 года	55–64 года	65 лет и старше
Массовые репрессии, террор						
Устные	14	13	21	24	30	38
Образовательные	39	34	19	17	15	14
Литературные	19	24	27	30	24	22
Медийные	28	29	32	28	31	26
Ничего не знают	21	16	6	7	8	5
Коллективизация, голод, насильственная депортация						
Устные	17	16	24	24	33	44
Образовательные	42	35	25	25	19	14
Литературные	17	22	22	25	23	20
Медийные	24	28	29	26	25	22
Ничего не знают	19	11	6	10	7	5
Преследованиях диссидентов						
Устные	10	6	11	12	13	17
Образовательные	35	31	15	13	11	12
Литературные	24	23	32	37	35	28
Медийные	30	40	42	37	41	33
Ничего не знают	41	31	33	25	29	40
О событиях в 1956 г. в Венгрии, в 1968 г. в Чехословакии						
Устные	7	11	14	13	18	17
Образовательные	40	28	19	13	10	10
Литературные	18	24	26	31	32	29
Медийные	35	38	42	42	40	43
Ничего не знают	50	43	38	31	28	35

О войне в Чечне						
Устные	24	25	22	21	23	19
Образовательные	16	9	6	6	5	4
Литературные	17	21	25	25	24	25
Медийные	43	45	47	48	48	51
Ничего не знают	4	3	3	5	3	3
Удельный вес влияния каналов в общей структуре информированности (в %)						
Устных	14	14	18	19	23	28
Медийных	32	36	38	36	37	36
Образовательных	34	27	17	15	12	11
Литературных	19	23	26	30	28	25

успело захватить период прорыва и слома исторических клише и официальных версий, соединить в своем опыте и переданный им от родителей ужас сталинской повседневности, и первые альтернативные версии недавней истории страны. Но с каждым следующим поколенческим шагом актуальность истории (снятие запретов и желание пробиться к тому, что «было на самом деле») заметно снижается: для самых пожилых и тех, кто появился на свет перед самой перестройкой, т. е. социализировался уже в момент развала системы, значимость исторической тематики минимальна.

Критическими для воспроизводства «исторической памяти» являются послевоенные поколения — когорты 1943–1954 г. рождения. Именно они были самыми активными в перестройку (им было тогда по 35–45 лет). Это поколение запомнило неудачу хрущевской оттепели и реформ, в меньшей степени осознало суть венгерских событий, но уже было достаточно зрелым, чтобы понимать характер Пражской весны и последствий ее подавления. Это поколение сложилось на стыке уходящего советского поколения (военного) и перестроечного, вошедшего в жизнь во время Горбачева. В их семьях в большей степени, чем в каких-либо других возрастных группах, велись откровенные разговоры младших со старшими, обсуждались публично табуированные и запретные темы и проблемы — репрессии, бесконтрольность и неэффективность коммунистической власти, уровень и характер жизни за границей, циркулировал и читался самиздат, поднимались вопросы морали, метафизики, будущего страны и проч. На этом поколении, т. е. на когорте тех, кому сегодня от 50 до 65 лет (рождения не позднее середины 40 — первой половины 50-х гг.) советская система ломается — механизмы репродукции, передачи правил поведения в тоталитарном обществе начинают давать сбой.

Принадлежащие к этой возрастной когорте являются еще носителями советских символов и представлений, но одновременно для них значимы другие идеи и ценности, другие конвенции и формы солидарности, из-за чего собственно советские образцы оказываются в другом смысловом контексте.

Но как ни важны сами по себе возрастные характеристики, они еще недостаточны. Не менее значимыми были социальные характеристики (статус руководителя, специалиста или служащего, высшее образование, открывающее путь к карьере, пользование спецхраном, спецраспределителями, возможность бывать за границей, допуск к материалам для служебного пользования, т. е. принципиальное расширение источников информации), более интенсивное чтение подцензурной и неподцензурной литературы (толстых журналов и публицистики, сам- и тамиздата) и проч. Достаточно обратить внимание на суммарное число ответов, чтобы убедиться в более интенсивном осмыслении у респондентов, соединяющих указанные характеристики — статус, образование, возраст, проживание в крупных городах.

Принципиально важна для этого поколения двойственность опыта: слабая, но все-таки устрашающая память о сталинизме, бессознательно усваиваемые страхи старших, понимание особенностей советского образа жизни и отталкивание от него, особенно энергично ощущаемое в годы перестройки. Именно этот бессознательный, т. е. нерационализируемый, опыт существования в условиях репрессивного режима является фактором изменений. Но поскольку он не передается, то его действие может проследиваться только для старших возрастных групп (старше 55 лет), затем следы этого опыта слабеют и быстро исчезают. Иначе говоря, это исчезающий «хвост» советского существования и, соответственно, его неприятия. Максималь-

ный объем социального множества, сохраняющего воспоминания об этой жизни, может быть оценен следующим образом: от 13 до 21% знают о сталинских репрессиях, голоде, практике и эксцессах коллективизации непосредственно из семейного опыта и памяти (своей или рассказов родителей, обладающих безусловной достоверностью и конкретностью, которые не могут быть ничем опровергнуты, но могут быть стерилизованы, взяты «в скобки», т. е. задвинуты в такие уголки сознания и памяти, из которых они вытаскиваются лишь в исключительных обстоятельствах). К этому следует добавить еще 38–42%, которые знают о том времени из рассказов родственников и близких знакомых, характеризующихся такой же или аналогичной степенью достоверности передаваемого содержания. Но это знание (назовем его условно «памятью») передается в дальнейшем все хуже и хуже – в группах молодых (16–24 и 25–35 лет) удельный вес подобного «знания» не превышает в сумме 20–21%, причем понятно, что качество и яркость подобных впечатлений, рассказов, фактов, деталей пережитого резко снижается, эти свидетельства становятся менее значимыми, аморфными, отрывочными и почти случайными.

Собственно память, «живая память» накапливается главным образом в селе и в средних городах. В последних, видимо, потому, что для основной части «ступенчатой» миграции из села, интенсивно происходившей в 1960–1970-е гг., когда крестьяне стали получать паспорта и колхозная молодежь не возвращалась в деревню после армии или учебы, именно средние, а не малые или большие города были целью достижения. В малых не было приемлемых условий для получения работы и жилья, а в больших были слишком жесткие ограничения на прописку, предоставляемую только по разнарядке на работу – «лимит» – и слишком велика дистанция от места отъезда, слишком силен отрыв от дома. Живая «память» лучше сохраняется в среде малообразованных людей (среди респондентов с неполным средним образованием – у 41%, среди респондентов с высшим образованием – у 34%). Она не может воспроизводиться потому, что этот опыт слишком частный, конкретный, своеобразный, индивидуальный, а потому не имеет оснований для генерализации и превращения в *общие представления*, служащие основой коллективных конструкций реальности. Чтобы воспроизводиться, он должен быть переработан в соответствии с принятыми и достоверными конструкциями изложения

прошлого, т. е. подвергнуться стереотипизации и риторической обработке, вписаться в общие схемы и конструкции прошлого.

Таким образом, сведения, факты или отдельные свидетельства о недавнем прошлом России (советском, в особенности сталинском) носят характер россыпи информационных сообщений, не образующих связную и систематическую картину происходившего. Бессвязность возникает именно из-за отсутствия связи с настоящим, которая могла бы играть такую роль, какую играет магнитное поле, поляризующее и ориентирующее по силовым линиям металлические опилки.

Из анализа приведенных в этих таблицах распределений следует несколько важных выводов.

Первое. Личные свидетельства о прошлом, концентрирующиеся главным образом в традиционалистской среде (села, малые города или мигранты первого поколения в города), не воспроизводятся, забываются в следующих поколениях. Несмотря на свою яркость и убедительность, они не могут быть генерализованы и включены в общую конструкцию понимания исторических явлений, логики происходящего, смысла процессов, что требует другой интеллектуальной культуры и техники работы. Они содержат сильную оценку прошлого, однако она не может быть артикулирована. В принципе более продуктивными являются литературные каналы, дающие некоторое первичное осмысление и оценку прошлому, однако их зона действия ограничена условиями потребления: к ним обращаются главным образом люди с высшим образованием, горожане, зрелого возраста или пожилые люди. А это значит, что они точно так же работают на определенные поколенческие группы, не будучи подхваченными молодежью.

Второе. Образовательные и медийные каналы, будучи наиболее массовыми по своему охвату, дают стерильную картину прошлого, основанную на державной конструкции истории. Они нейтрализуют, снимают ценностные аспекты истории, давая холодную и скорее официальную версию прошедшего, не затрагивающую личностной идентичности реципиента, не включающую его в прошлое, не вызывающую эмпатии и сопереживания, вопросов ответственности властей (режима, системы) за человеческие жертвы и страдания. Советская (но еще в большей степени – постсоветская) школа, культивируя великодержавную легенду власти, убивает личностный смысл истории и интерес молодежи к прошлому. Может быть, именно поэтому российское общество так довольно своим

школьным образованием, в том числе преподаванием истории¹. Массмедиа, даже если они касаются горячих или болезненных вопросов отечественной истории, не затрагивают ценностных моментов истории и в этом плане абсолютно незначимы для понимания истории и ее значения для настоящего. *Эти каналы не влияют на распределения ответов о «знании» тех или иных обстоятельств прошлого, на способность к ценностным определениям прошлого, прежде всего к моральной или гуманистической оценке отечественной истории* (см. табл. 31). Именно поэтому, видимо, 75% опрошенных на вопрос «Имеет ли смысл сейчас искать виновных в сталинских репрессиях?» твердо ответили «Нет», 15% затруднились ответить и лишь менее 10% заявили «Да» (2008, N=1500).

Таблица 32

ОТКУДА ВЫ В ОСНОВНОМ ЗНАЕТЕ О СТАЛИНСКОЙ ЭПОХЕ (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	%
Из фильмов и телепередач	63
Из книг по истории, художественной литературы	54
Из школьных учебников	49
Из рассказов родителей, старших, близких друзей	47
Из собственного опыта, я жил в то время	11
Из передач зарубежного радио, самиздата, книг, изданных за рубежом	2–3
Затруднились ответить	1

Октябрь 2008 г., N = 1600.

Согласно одному из последних опросов, 82% слышали о репрессиях 1930-х гг., т. е. можно считать, что подавляющее большинство россиян являются в той или иной мере информированными об этих событиях. Более того, 72% полагают, что власти должны больше делать для того, чтобы люди лучше знали реальные масштабы Большого террора и репрессий того времени. 55% полагают, что с помощью репрессий власть установила систему «рабского труда в нашей стране». Иначе говоря, большинству людей, казалось бы, понятен и смысл этой политики, и ее цена, однако это понимание или знание не вызывает реакции действия, которая, если судить по логике «нормального рассудка», должна была бы последовать за этим знанием.

¹ 80% россиян довольны качеством тех знаний по истории, которые они получили в школе. А это значит, что существует равновесие между запросами к истории страны и предложением, обеспечивающим разгрузку от ненужных вопросов и напряжений.

Положительного эффекта сталинская или советская практика репрессивного принуждения к строительству светлого будущего не дала (т. е. не дисциплинировала людей и не заставила их лучше работать — так полагают 54%, противного мнения придерживаются лишь 17%, у остальных 30% на этот счет нет собственного мнения). Двойное сознание россиян ни в чем так не проявляется, как в отношении к прошлому: более половины (опять-таки в массе своей те же люди) считают: бессмысленно говорить о репрессиях, поскольку мы никогда не узнаем, что в действительности произошло в 1930-е гг. И одновременно большинство (55–62%) выступают за освещение всех темных страниц нашей истории, чуть меньше половины (46%) полагают, что нужно продолжать дискуссии о репрессиях, хотя более трети россиян считают, что их следует прекратить (в том, что они вредят России, убеждены 22%).

Привитый российскому обществу советской школой, пропагандой, политикой цинизм заставляет людей утверждать, что «объективной исторической правды не существует» (так полагают 67% опрошенных, к которым можно добавить 10% затруднившихся ответить на этот ценностный вопрос, итого мы получаем 77% релятивистов или нигилистов в истории!). Не согласны с этим лишь 23%. И это понятно, если учесть, что, по мнению 43% россиян, учителя в средней школе должны ориентироваться на двойные критерии: на изложение точных фактов и их исторических оценок, с одной стороны, и «на задачу воспитания патриотических чувств»; за то, чтобы ориентироваться только на «укрепление чувства национальной гордости», еще 17%. И лишь явное меньшинство (28%) полагают, что преподавание в школе должно быть подчинено задачам донесения до молодежи исключительно «исторической правды». Как говорится, «обмануть меня нетрудно, я сам обманываться рад».

Большинство опрошенных просто не может дать определенный ответ на вопрос, было ли обсуждение этих тем в семье или нет, либо они не помнят такого (около 60%). Лишь примерно треть подтверждают, что такие разговоры у них в семье велись (чаще с поколением бабушек и дедушек — 15%, но иногда и с родителями — 10%). Запрещать не запрещали, о прямых запретах свидетельствуют лишь 5%, но разговоры не возникали или респонденты не помнят об этом. И это при том, что примерно в каждой седьмой семье был кто-то репрессирован во время Сталина (14%; вдвое больше не помнят или не зна-

ют, отказываются от ответа – 29%).

По поводу реабилитации жертв репрессий или депортаций у более чем половины опрошенных (54%) нет мнения. 40% россиян против люстрации в России как несправедливой меры (22% поддержали бы эту практику), и почти столько же не имеют собственной позиции в этом вопросе. 25% против того, чтобы заниматься прошлым и вновь ворошить ушедшее, 46% полагают, что «нужно знать больше о сталинском периоде, чтобы не повторять ошибок», 29% – что «вреда в этом нет, но и особой нужды или потребности в переоценке прошлого тоже нет» (январь 2010, N=2000).

Более того, в общественном мнении ясно прослеживается связь между манипулированием историческим знанием и интересами удержания власти нынешним режимом. Так, во время острой полемики вокруг комиссии по борьбе с фальсификацией истории абсолютное большинство россиян (60%) ответили, что сотрудники КГБ не должны входить в подобную комиссию.

Сопrotивление признанию исторических фактов. Точку зрения или интеллигентское мнение, заключающееся в том, что достаточно лишь правильного и объективного изложения фактов для того, чтобы люди изменили свое отношение к прошлому (а тем самым – и к настоящему), следует считать несостоятельной. Массовое сознание будет держаться за свои стереотипы и привычные конструкции прошлого, отношение к ключевым символам и авторитетам, поскольку они *не случайны*, а представляют собой устойчивую, т. е. воспроизводимую систему представлений и отношений в обществе, и, стало быть, функционально встроены в другие взаимосвязи (поддержания групповой или индивидуальной идентичности, лояльности, отношений коллективного заложничества, определений реальности, системы ориентаций в мире и т. п.). Большинство людей упорно защищают свои представления, отказываясь признавать неприятные факты без явной санкции на изменение¹.

¹ Примером такой санкции было практически мгновенное изменение мнений о характере Катынского дела после того, как первые лица государства заявили о своем отношении к нему (после катастрофы польского правительственного самолета под Смоленском). За короткое время – менее месяца – соотношение настаивающих на том, что поляков расстреляли гитлеровцы и что это была операция, проведенная НКВД по приказу Сталина, полностью изменилось на противоположное: от отрицания фактов преступления общественное мнение перешло к его признанию. Легкость такой перемены указывает на отсутствие внутренней этической работы и растождествления с прошлой властью как момент отказа от принятия ответственности за нее и за прошлое.

Разберем это на примере отношения россиян к факту советской оккупации стран Балтии перед Второй мировой войной. Сами по себе эти события 1939–1940 гг. получили вполне определенную интерпретацию у историков, собравших убедительные свидетельства принуждения правительств этих стран к проведению зависимой от СССР политики, подчинению их руководству СССР, отказу от суверенитета перед лицом военной интервенции, а также описание последовавших за этим репрессий, жесткой политики советизации и классовых чисток². Какая-то информация о тех временах начала поступать к населению России по меньшей мере с 1988 г., с начала движения народных фронтов в Прибалтике, публичных дискуссий в СМИ и во время Съездов народных депутатов СССР, безнадежных споров вокруг документов, связанных с пактом Молотова–Риббентропа и постыдного отрицания их партийным и государственным руководством СССР. Но, начиная со времен консервативного реванша во второй половине 1990-х гг., эти темы постепенно стали вытесняться из публичного пространства. Более того, балтийские страны, поднимавшие их, стали подвергаться дискредитации как страны, ревизующие итоги Второй мировой войны, победы над фашизмом и защищающие ветеранов, воевавших на стороне Германии против СССР.

Непосредственным поводом к такой интерпретации позиций этих стран со стороны России стало стремление их руководства к вступлению в НАТО и интеграции в ЕС, что вызывало острую реакцию в российских политических кругах. В этом плане дискредитация этих стран (в свете символического значения Победы над Германией) была очень важна для нового правительства России, испуганного успехом цветных революций и озабоченного созданием санитарного кордона против влияния европеизма и демократии. Если в 1990-е гг. отношения России и Балтии, как и отношения с Польшей, отодвинулись на второй и третий план, то начиная с 2003 г., после зачисток информационного и политического пространства, путинский режим взял курс на умеренную и регулируемую конфронтацию с будущими членами ЕС и НАТО. Такая политика вошла в качестве составной легенды легитимации власти режима. Поэтому не случайно, что с середины 2000-х гг. мы начали фиксировать возвращение к советской схеме интерпретации истории отношений СССР и Балтии, Катынского дела и других исторических

² См.: Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль. 1949–1953. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.

событий. Прежде всего «заработала» школа, активизировавшая идеологически «правильные» версии происходивших процессов. Доля ответов, соответствующих официозу, поднялась за два года на 7 пп. (см. табл. 33). Напротив, число ответов, отражающих фактическую версию событий, уменьшилось с 46 до 38%.

Таблица 33

КАК ВЫ ПОЛАГАЕТЕ, ВКЛЮЧЕНИЕ СТРАН БАЛТИИ (ЛИТВЫ, ЛАТВИИ, ЭСТОНИИ) В СОСТАВ СССР В 1940 БЫЛО ДОБРОВОЛЬНЫМ ИЗЪЯВЛЕНИЕМ НАРОДОВ ИЛИ ОНО ПРОИСХОДИЛО ПОД ДАВЛЕНИЕМ СССР И ТАЙНОГО СГОВОРА СТАЛИНА И ГИТЛЕРА? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2005	2007
Добровольным изъявлением воли этих народов	30	37
Под давления СССР	29	26
Результат тайного сговора Сталина и Гитлера	17	12
Затруднились ответить	23	25

N=1600.

Эти изменения явно происходили под сильнейшим влиянием пропаганды, затрагивавшим в первую очередь молодежь. Кремлевские лидеры открыто настаивали на официальной версии вопреки массовым сомнениям и чувству неловкости из-за явной неправды (об этом косвенно говорит рост затруднившихся с ответом). При более прямой формулировке подсказки в 2006 г. (согласны ли опрошенные с тем, что «страны Балтии подверглись оккупации советскими войсками»), массовая реакция была преимущественно негативной: только 15% опрошенных согласились с таким суждением, не согласны были 68%. В данном случае очевидно воздействие «лобовой» и оценочной формулировки вопроса. Ключевым здесь оказывается слово «оккупационный», на которое реагирует массовое сознание, не допускающее отрицательных коннотаций по отношению к комплексу значений «советские войска» или «советская политика». Характерно, что данный опрос проходил, как уже показано, между двумя другими, в которых скрытое признание этой оккупации высказала большая часть опрошенных, нежели количество отрицающих этот факт – 46 и 38% соответственно (см. табл. 33).

Отрицание исторических фактов облегчается созданием общей конфронтационной обстановки – искусственно раздутым в СМИ скандалом с «Бронзовым солдатом», подкрепленным манифестациями «Наших», получивших большую телевизионную аудиторию,

и общей атмосферой «Наших бьют!» В том, что русскоязычное население стран Балтии «живет плохо», уверены 78% опрошенных. 77% россиян считают, что права русскоязычного меньшинства нарушаются, и этот вопрос должен быть предметом беспокойства международного сообщества и России (что это внутреннее дело Латвии или Эстонии, полагали всего 13%). При этом бывали когда-нибудь в Прибалтике лишь 17% россиян, т. е. основания для такой уверенности получены исключительно из СМИ. Дружественно настроенными к России Латвию, Эстонию и Литву считают лишь 0,5–1,5%. Не доверяют руководству этих стран 62%. От 28 до 30% опрошенных в 2005–2008 гг. полагали, что для России «вступление Латвии в НАТО» представляет собой «большую угрозу» («небольшой» эту угрозу считают примерно столько же – от 29% до 34%). При этом значительная часть россиян, гораздо большая, чем только что указанная, сознавали, что вступление Латвии, Литвы и Эстонии в НАТО будет способствовать безопасности этих стран: 44 против 34%, которые придерживались противоположного мнения (2003 г.). Иначе говоря, относительное большинство россиян косвенно признавали опасность для этих стран, исходящую от нынешней России.

Таблица 34

В КАКОЙ СТЕПЕНИ ВЫ СОГЛАСИЛИСЬ БЫ С ВЫСКАЗЫВАНИЕМ: РОССИЯ ДОЛЖНА ИЗВИНИТЬСЯ ЗА СОВЕТСКУЮ ОККУПАЦИЮ СТРАН БАЛТИИ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Молодежь			Население в целом
	2005	2007	2009	2010
Полностью согласен + скорее согласен	12	10	12	15
Скорее не согласен + совершенно не согласен	70	71	63	67
Затруднились ответить	18	19	25	18
Число опрошенных	2000	1800	1000	2000

Те же самые реакции мы наблюдаем в отношении ко всему комплексу вопросов, связанных с признанием ответственности советских властей за расстрел польских офицеров в Катыни и других лагерях, по отношению к украинской теме голодомора, насилию против гражданского населения и мародерству солдат Красной Армии в 1945 г. на занятых при наступлении территориях других стран, прежде

всего Восточной Пруссии. Раздвоенность массового сознания людей при репрессивном режиме (противоречие между идентификацией со страной, неотделимой от режима, подавляемым смутным пониманием его преступности и, в какой-то степени, необходимости разделять ответственность и коллективную вину перед собственным народом и народами других стран) парализует атомизированного и дезориентированного частного человека. То, что «маленький человек» не остается в неведении относительно прошлого, проступает в прожективных вопросах (например, о том, что думают *другие* относительно российских героев и вождей). Как видим из распределения ответов, приводимых в таблице 35, лишь 10–16% настаивают на сталинистской оценке «отца и учителя» всех народов, 40–50% совершенно недвусмысленно заявляют, что другие страны и народы знают об отрицательном образе Сталина, остальные (от 43 до 39%) уходят от ответа или прячутся в варианты «другим нет дела до Сталина и наших проблем».

Таким образом, формирование негативной установки в отношении этих стран у большинства российского населения оказывается причиной отрицания определенных исторических фактов, нейтрализации их значимости и оправдания враждебного отношения к ним.

Таблица 35

КАК, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ОТНОСЯТСЯ К СТАЛИНУ БОЛЬШИНСТВО ЛЮДЕЙ В СТРАНАХ ЗАПАДА? В БЫВШИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ? (в % от числа опрошенных; ранжировано по колонке «На Западе»)

Вариант ответа Они ...	На Западе	В бывших соцстранах
считают, что Сталин такой же деспот и государственный преступник, каким был Гитлер и Муссолини, создатель советской империи	22	25
относятся к Сталину со смешанными чувствами уважения, страха и негодования	19	26
считают, что Сталин – великий человек, под руководством которого СССР стал одной из могущественных держав в мировой истории	16	10
Ничего не знают о Сталине	5	4
Сталин их не интересует	17	12
Затруднились ответить	21	23

N = 800.

Хотя абсолютное большинство взрослых россиян признают сам факт массовых репрессий как безусловное преступление сталинского руководства, но оно не воспринимается как *государственное преступление*, поскольку путинский официоз до сих пор поддерживает двусмысленную и противоречивую интерпретацию такой политики («с одной стороны, с другой стороны...»). К положительным моментам репрессивной политики относятся «успехи» форсированной военно-промышленной модернизации, (достижения и цена которой до сих пор по существу не осознаны обществом, не были предметом национальной дискуссии), подготовка к войне, дисциплинирование народа, подавление скрытых «врагов» советской власти (одно это уже должно было бы стать поводом для пересмотра официальных версий истории), создание советской экономики – насильственной коллективизации, принудительного рабского труда. К отрицательным – гибель невинных людей, часто оцениваемых как лучшие, наиболее яркие, умные, образованные и талантливые. А в целом фиксируется полная неспособность оценивать эти события ввиду их «сложности» и переплетенности последствий. Доминирует именно недееспособность суждений.

Отсутствие в обществе (и тем более у властей) сколько-нибудь авторитетной позиции в отношении советского времени или, в более концентрированном виде – оценки сталинского режима, террора, массовых репрессий, бесправия и нищеты основной массы людей отражается и в практике преподавания и обучения в школе, и, соответственно, на характере социализации молодых поколений. В принципе, все равно, каким авторитетом она могла бы быть выражена: культурным, моральным, религиозным, важна лишь определенность в суждениях и квалификации событий советского (в особенности ленинского и сталинского) периода, образующая силовое поле публичного пространства. Но его нет, и это результат вполне направленных усилий пропагандистского аппарата нынешнего режима. Нельзя сказать, что здесь царит полное неведение. Как раз наоборот. Как мы видели, абсолютное большинство россиян что-то знают об этом времени, хотя фон и контекст интерпретации событий противоречив, сохраняется двусмысленность или двойственность оценок, поскольку действуют одновременно разные источники знания, обусловленные интересами власти, поддержания статус-кво политической системы, силовых институтов, церкви.

Дело, собственно, не в неясности содержания или смысла событий (постоянный рефрен: мы пока еще не знаем всей правды о сталинском времени, о репрессиях и т. п.), а в том, что в строгом смысле люди и не хотят знать, поскольку они оказываются в ситуации квазиморальной сшибки. Подспудно люди чувствуют, что здесь должна быть моральная оценка, но ее нет, поэтому их индивидуальные позиции сталкиваются с как бы однозначно коллективно выраженным пониманием событий того времени («Надо понимать: такое было время!», «Нельзя судить о том, что тогда было, исходя из нынешних представлений!»). Модальность псевдообъективной точки зрения, идентифицируемой опрошенными с коллективной позицией, а по существу — с идеологической версией властей и официоза, стерилизует значимость собственного отношения к преступлениям власти, блокирует понимание истории, ее моральную оценку, как и оценку настоящего, недавних преступлений нынешней и ушедшей власти.

Кроме того, крайне важно, что даже за негромким признанием политики Сталина, советского руководства «преступной» не следует никаких практических шагов по реабилитации пострадавших, с одной стороны, и изменению положения дел, привлечению виновных к ответственности, компенсации за причиненный ущерб, возвращению реквизированного имущества и т. д., с другой. Общественное мнение, во всяком случае, практически не знает реальных шагов по признанию ответственности за преступления власти в советское и постсоветское время. Льготы жертвам репрессий настолько мизерны, что о них практически почти никто не слышал и не учитывает в оценке действий властей.

Сакрализация власти и государства. Значимость конструкций истории (времени и пространства) заключается не только в резко выраженной идеологии «исключительности» народа, государства и вместе с тем отдельного человека, принадлежащего к этой большой общности, но и в том, что она включает гораздо более мощный ресурс косвенно связанных с этим понятий и представлений — подчинения, власти, страха, превосходства над другими, снятия ограниченности и жалкости частного существования. Последние более важны, поскольку именно они задают порядок и характер отношений индивида, группы с институтами и коллективным поведением. Суть этих отношений — обесценивание всего индивидуального, включая ценность отдельной жизни или значение субъективности,

установление насилия как кода социальности, дискредитация значимости любых автономных институтов, придание всему строю жизни впечатления безнадежной безальтернативности.

Это как бы прибор обратной перспективы, бинокль, если смотреть на него с обратной стороны. Поэтому иррациональность власти не позволяет, блокирует процессы дифференциации и ролевое определение носителей власти или их спецификацию. Невыразимость значений власти (иррационализм) указывает на ритуальный характер отношения к ней. Эти значения могут артикулироваться только в церемониалах, а в повседневной практике оказываются равноценными голому насилию, принуждению, неподчиненности чиновника здравому смыслу или маленькому человеку (подзаконные процедуры всегда приоритетны перед более высокими, но формальными законами). Отсюда нынешняя близость первых лиц, всего госаппарата, депутатского корпуса к церкви, все более выступающей в качестве магического средневекового института, шамана, владеющего волшебными средствами воздействия.

Выводы. Подводя итог рассмотрению параметров массового временного сознания в постсоветской России, можно сделать несколько заключений.

1. Российское общество находится в промежуточном состоянии перехода от самых ранних фаз частичной или односторонней модернизации к более сложному и дифференцированному социуму. Этот процесс перехода нельзя считать предрешенным и детерминированным, поскольку мощным препятствием на этом пути оказываются консервативные политические институты и сам «советский человек», адаптировавшийся к подобному существованию и идентифицирующий с данными институтами, сопротивляющийся любым переменам, боящийся нового, неизвестного и своеобразного.

2. Временные горизонты большинства населения ограничены имеющимися средствами планирования будущего и механизмами удержания прошлого: если подавляющая часть населения не в состоянии рассчитывать свои действия на срок более года (действующие институты не гарантируют правил и норм, позволяющих аккумулировать ресурсы для более долгосрочного действия), то обратная проекция времени в прошлое не позволяет удерживать в массовой памяти события более двух-трех лет (далее они подвергаются эрозии и забываются, т. е. теряют свое ценностное значение и вытесняются).

3. Организованной структурой событий прошлого обладают лишь формальные государственные репродуктивные институты (прежде всего — массового среднего образования, затем — пропаганды), адаптирующие доминантную схему «истории великой державы» к актуальным интересам политики и удержания власти действующей группировкой. Базовая конструкция истории в этом плане представляет собой легенду власти, предназначенную главным образом для легитимации господства и поддержания опорных консервативных институтов, блокирующих потенциал структурно-функциональной дифференциации общества. В этом отношении все усилия тех, от кого зависит массовое сознание прошлого, направлены на подавление памяти о прошлом и, тем самым, на нейтрализацию сложности или сложности социально-культурных представлений об обществе, ресурсах его развития (специализация функций, расширение смыслового потенциала возможных социальных взаимодействий), на устранение идеи другого будущего, помимо нынешнего «и т. д.». Другими словами, постоянная «борьба с фальсификациями истории» нацелена на подавление возможностей модернизации страны, последовательную девальвацию и без того очень слабого или ограниченного ценностного потенциала системы, на деморализацию общества. В массовом сознании «упаковка» прошлого подчинена стратегии пассивной и вынужденной адаптации к репрессивному государству и внешним переменам.

4. Поколенческая память, основанная на непосредственных личностных связях и механизмах репродукции социального опыта, не в

состоянии обеспечить воспроизводство групповых достижений по рационализации прошлого и его этической или ценностной проработке. Межпоколенческие связи обрываются, не будучи поддержанными механизмами публичной интерпретации и генерализации опыта. Поэтому прошлое быстро забывается. Академическая наука, несмотря на свои несомненные достижения, изолирована от публичной сферы, в которой только и возможна значимая и продуктивная интеллектуальная, моральная рефлексия и проработка происходящего, она замкнута в своем особом и довольно стерильном мире. Возможности ее влияния на общество парализованы или даже обрезаны клановыми интересами власти, заботливо поддерживающей дух оппортунизма среди ученых.

5. Разлом в системе воспроизводства советских представлений произошел в околоэлитных группах из поколения, родившегося в довоенные и послевоенные годы. Это был слой людей, отличавшихся некоторыми привилегиями и льготами, ослаблением идеологического самоконтроля, расширенным доступом ко всему спектру дефицитных каналов, в том числе — альтернативным источникам информации и культуры. Эти группы и были носителями запросов на собственно историческое знание. Однако в силу двойственности их статуса и функции в обществе, их запросы и исторический опыт отталкивания, неприятия советского режима не могли быть институционализированы и в последующих межпоколенческих итерациях и циклах репродукции были забыты или стерилизованы.

ГРАЖДАНЕ — ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ — ВЛАСТЬ: ОБЩЕСТВО В РОССИИ И НА УКРАИНЕ

Владимир РИМСКИЙ

Социальные аспекты взаимодействий граждан и предпринимателей с российской судебной властью

Социальные препятствия развитию судебной власти в России. Социальные препятствия развитию судебной власти представлялись и нередко представляются органами власти малосущественными в сравнении с принимаемыми ими законами, другими нормативно-правовыми актами и административными решениями. Одно из адекватных объяснений такого положения дано в концепции правового поля Пьера Бурдьё, в соответствии с которой на юридическом поле постоянно происходит борьба за монополию на толкование закона. Эта борьба ведется между агентами, обладающими профессиональной компетентностью, которая заключается в общественно признанной способности интерпретировать свод текстов, закрепляющих легитимное видение социального мира¹. А объективными ограничениями соперничества между интерпретаторами юридических текстов являются судебные решения, поскольку они «должны представлять как единственно верный результат правильной интерпретации текстов, чья легитимность не подлежит сомнению»².

В соответствии с концепцией П. Бурдьё, одной из важнейших задач деятельности юристов является обеспечение согласия граждан на подчинение символической власти права, в частности, через формирование у них веры в нейтральность и автономию права³. Но в дей-

ствительности практическое значение закона определяется в конфронтации между различными юридическими корпорациями с разнонаправленными интересами: судебной, адвокатской, нотариальной и другими. Сами эти корпорации тоже делятся на группы, «преследующие подчас противоположные интересы в зависимости от своего положения в профессиональной иерархии, находящегося в прямом соответствии с положением их клиентуры в социальной иерархии»⁴. По мнению П. Бурдьё, соотношение сил между профессионалами, участвующими в судебном процессе, в значительной степени соответствует соотношению сил между их клиентами. При этом представители различных групп юридических корпораций дополняют друг друга по функциям, что формирует в юридическом поле организацию «разделения труда символического доминирования, в котором противники, объективно являющиеся сообщниками, необходимы друг другу»⁵.

Разделение труда в юридическом поле формирует и поддерживает монополию профессионалов на производство и коммерциализацию юридических услуг, а также их монополию над непрофессионалами, гражданами. Только обладатели юридической компетенции определяют, какие конфликты заслуживают того, «чтобы приобрести статус собственно юридических прений»⁶. В этом проявляется специфическая власть обладателей юридической компетенции.

¹ См.: Бурдьё П. Власть права: основы социологии юридического поля // *Он же*. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2005. С. 80.

² Там же.

³ См.: там же. С. 111.

⁴ Там же. С. 84.

⁵ Там же. С. 86.

⁶ Там же. С. 99–100.

При этом судебная власть, по мнению П. Бурдые, поддерживает монополию юристов на предоставление юридических услуг с помощью выработки категорий восприятия и оценки юридических прений, которые недоступны для «профанов»¹. Профанами, в частности, являются граждане.

По концепции П. Бурдые, профессионалы-юристы создают потребность в своих услугах, «преобразуя проблемы, выраженные на обычном языке, в юридические проблемы посредством их перевода на язык права и заранее предлагая оценку шансов на успех, как и последствий выбора той или иной стратегии. Нет сомнений, что при конструировании конфликтов ими движут финансовые интересы, но также их этические или политические диспозиции, т. е. принцип социальной близости с клиентами»².

П. Бурдые не соглашался с марксистами, считавшими, что в условиях капиталистического общества вся правовая система действует в интересах правящего класса. Однако он указывал на близость высшего слоя судебной иерархии к экономически и политически господствующим социальным группам, на близость всего судейского корпуса к правящему классу. При этом юристы, основными клиентами которых являются представители низших социальных групп, не имеют значительного влияния в рамках юридического поля³. В частности именно по этой причине юристы, постоянно работающие в правозащитных организациях, очень слабо могут влиять на изменения норм права, закона, текстов нормативно-правовых актов, административных инструкций и т. п.

П. Бурдые пришел к важному выводу о том, что правовая система не является полностью автономной. Юридическое поле, имеющее высокую значимость в воспроизводстве классовых отношений, обладает меньшей автономией, чем, например, поле науки. При этом внешние изменения более непосредственно отражаются в юридическом поле, а внутренние конфликты в этом поле в большей степени определяются влиянием внешних сил⁴. Поэтому понимание некоторыми специалистами и экспертами независимости судебной власти как максимально полной автономии от других властей, от поля

политики и экономики является недостижимым в социальной реальности.

Описанные выше особенности юридического поля не препятствуют, а способствуют тому, что в современной России законодателями и должностными лицами органов власти часто становятся юристы, задачей которых является систематизация и унификация имеющихся в разных регионах страны правовых норм, а также разработка новых. Такое положение самими органами власти и СМИ представляется гражданам как нормальное, но необходимо и понимание того, что оно определяется воздействием политических институтов на правовые. Аналогичные социальные явления описал Макс Вебер, в частности, в своем анализе становления западноевропейских абсолютных монархий, когда политическая централизация способствовала систематизации и унификации правовых норм на территории данного государства. Макс Вебер указывал, что в странах Запада в роли высших государственных чиновников и политических советников монархов, начиная с позднего Средневековья, были главным образом юристы, получившие университетское образование. В европейских монархиях «тенденция к рациональному государству повсюду имела носителем квалифицированного юриста»⁵. По тем же причинам в период централизации власти постсоветской России юристы получили много должностей в органах власти и добились высокого уровня влияния на принятие политических и государственных решений, что определило многие социальные эффекты правовой и судебной реформ.

Уровень успешности реформы судебной власти в нашей стране, которая началась практически сразу же после распада СССР, оценивается специалистами и экспертами по-разному. «Выдвигаются различные критерии успешности реформы и эффективности функционирования судебной системы. При этом официальная оценка руководства высших судов не всегда совпадает с мнениями представителей юридического сообщества, противоположна оценкам населения. Результаты социологических опросов демонстрируют, что отношение граждан РФ к институту суда остается скептическим, порой и вовсе негативным. Общество выражает сомнение в беспристрастности, доступности и эффективности деятельности судов. Подобные результаты эмпирических исследований свидетельствуют, в том числе, и о необходимости теоретико-социологического анализа института

¹ См.: там же. С. 99.

² Там же. С. 98.

³ См.: Масловская Е.В. Трансформации российской судебной системы: социологический анализ. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2007. С. 30.

⁴ См.: Бурдые П. Указ. соч. С. 117–118.

⁵ Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 664.

суда, включая модели организации, функции, задачи деятельности»¹.

Значение социологических исследований судебной власти. В социологических исследованиях судебной власти объектом является судебная система как социальный институт, т. е. как организация и как совокупность реально применяемых норм и правил регулирования деятельности судебной системы. Предметом социологических исследований судебной системы является совокупность взаимоотношений и социальных действий различных индивидов и социальных общностей, которые в той или иной степени связаны со становлением, функционированием и развитием судебной системы, а также с взаимодействиями с ней.

Социологические исследования судебной власти могут включать правовые нормы в свой предмет, но изучаться в них должны не нормативные, а реальные взаимодействия и взаимоотношения индивидов, которые происходят в связи с функционированием судебной системы. Нормативную сторону этих взаимодействий изучают правовые исследования. В этом состоит важнейшее отличие социологических исследований от правовых.

Юристы, в частности судьи, используя свои профессиональные знания и опыт, в большинстве случаев хорошо понимают причины и последствия своих действий, правильно прогнозируют последствия принятия тех или иных решений органами власти и управления, довольно эффективно выстраивают свои взаимоотношения с другими гражданами, представителями органов власти, частного бизнеса и общественных организаций. Но знания и опыт понимания общества, в котором формируется и действует судебная власть, имеют у профессионалов определенные границы. Эти границы очень трудно, а иногда и просто невозможно обнаружить, используя юридические способы познания и описания действительности.

Социологическое исследование должно помочь юристам определить границы социального содержания их суждений и действий, а также откорректировать их знания о социальном содержании юридической деятельности, в частности деятельности судебной власти, о тех социальных условиях, в которых эта деятельность осуществляется, социальных группах, на которые эта деятельность направлена, и о тех социальных группах, которые используют результаты этой деятельности, т. е. являются в определенном смысле клиентами юристов

и праведов. Социологическое исследование, кроме того, должно помочь юристам в понимании особенностей сознания и социальных действий представителей самого юридического сообщества, различных социальных групп, его составляющих.

Результаты социологического исследования должны показать непреднамеренные и непредвиденные последствия юридических действий и принимаемых государственных решений. Современная социология позволяет анализировать тонкую и трудноуловимую связь между преднамеренными и непреднамеренными явлениями социальной реальности. Поэтому, в частности, социологическое исследование судебной власти России позволит описать причины и факторы развития тех социальных процессов и явлений, которые сопровождали судебную реформу и сопровождают современную деятельность судебной власти. Социологическое исследование должно показать, как связаны в этих социальных процессах и явлениях преднамеренные и непреднамеренные последствия реформирования судебной власти России.

Социология как наука имеет свою логику и свой инструментарий, существенно отличающиеся от юридических. В социологических исследованиях для достижения целей, о которых упоминалось выше, необходимо фиксировать реальные социальные действия и проблемы, без оценки того, насколько они соответствуют нормам Конституции РФ и российского законодательства. Социология изучает жизнь такой, какая она есть, а не ту, которой она должна быть. Поэтому социологию всегда намного больше интересуют реальные действия и взаимодействия индивидов, чем то, как они должны были бы действовать в соответствии с нормами законов, этики, морали и нравственности. Социология исследует, как индивиды реально мотивируют свою деятельность, каковы их представления о праве, о судебной власти и основных ее характеристиках, о судебных разбирательствах и судебных решениях. Социологию интересуют также рациональные и эмоциональные оценки индивидами судебной власти и ее деятельности, даже если эти оценки существенно расходятся с профессиональными юридическими. Только так можно описать и понять ту социальную реальность, которая связана с судебной властью в России.

Для успеха своих исследований социологи должны уметь отстраняться от привычных пониманий причин, мотивов и способов действий индивидов, стараться оценить их непредвзято,

¹ Масловская Е.В. Указ. соч. С. 3.

по-новому, по возможности, с объективных позиций. Позиция профессионала никогда не может быть полностью объективной, потому что она ограничена привычными ему принципами и способами восприятия и оценивания действительности. Эти принципы и способы помогают ему в профессиональной деятельности, но создают определенные препятствия для понимания и анализа других логик восприятия и оценивания действительности, причин и последствий тех или иных действий. Социологи как профессионалы не исключение из этой закономерности, но в их науке разработаны методы снижения влияния профессиональных ограничений восприятия и анализа действительности. Большинство этих методов в качестве исходных данных используют сведения, полученные от профессионалов в тех областях, которые социологи изучают. Социологи не являются и не должны являться специалистами в сфере права и деятельности судебной власти. Они могут использовать помощь и поддержку юристов в разработке инструментария социологического исследования, но не сводить социологическое исследование судебной власти к юридическому, имеющему другие цели, задачи и, соответственно, другой инструментарий.

Исследования судебной власти, проведенные Фондом ИНДЕМ. В течение трех лет, с 2007 по 2009 гг., выполняя проект «Судебная реформа в России: институционально-социетальный анализ трансформации, ревизия результатов, определение перспектив», Фонд ИНДЕМ проводил социологическое исследование взаимодействий граждан и предпринимателей с судебной властью. Методами этого социологического исследования были: настольный анализ ранее проведенных социологических исследований, полуформализованные интервью с экспертами, фокус-группы с гражданами и предпринимателями, а также их массовые формализованные анкетные опросы.

Необходимость проведения личных полуформализованных интервью с экспертами по тематике исследования была вызвана тем, что в российской социальной практике высказывать обоснованные, мотивированные суждения о судебной власти способны только профессионалы, имеющие опыт и специальные знания в этой области. Представители профессионального сообщества юристов доминируют в принятии решений в сфере реформирования судебной системы России и в оценке норм российского законодательства в этой сфере. Особенности сознания и профессиональной деятельности

юристов позволили получить такие сведения по тематике проводимого исследования, которые было невозможно получить никакими другими методами.

Личные полуформализованные интервью с экспертами проводились двумя сериями, направленными на получение информации о деятельности судебных систем СССР и РФ соответственно. Такая методика была избрана потому, что, по предварительно полученной информации, судебная власть современной России имеет много свойств и качеств, сходных или развившихся из нее. Серия интервью о судебной системе СССР создала базу анализа современного состояния российской судебной власти. В свою очередь, серия интервью о судебной власти современной России позволила глубже проанализировать некоторые особенности судебной системы СССР, степень ее соответствия советскому политическому режиму и особенностям сознания советских граждан.

Всего с середины июля 2007 г. по конец января 2008 г. было проведено 57 личных полуформализованных интервью с экспертами: 29 по тематике судебной системы СССР и 28 по тематике судебной власти РФ. Экспертами в таких интервью были: судьи и бывшие судьи; адвокаты; прокуроры и бывшие прокуроры; следователи, дознаватели и бывшие следователи, дознаватели; журналисты печатных средств массовой информации, постоянно пишущие на темы судов и судебной власти; правозащитники; юристы, работающие в сфере корпоративного права по найму в организациях частного бизнеса (корпоративные юристы); преподаватели юридических специализаций университетов и вузов. Все личные полуформализованные интервью с экспертами проводились в Москве специалистами Фонда ИНДЕМ.

Необходимость проведения фокус-групп по тематике исследования была вызвана тем, что в российской социальной практике сформированы существенные различия в сознании, отношении к праву и закону, а также в оценках взаимодействий граждан и предпринимателей с судебной властью между юристами и теми, кто не является профессионалами в сфере права. Обращение в этом исследовании к мнениям и оценкам граждан и предпринимателей позволило описать деятельность судебной власти в России с их социальных позиций. Всего с 1 по 15 ноября 2007 г. было проведено 14 фокус-групп: восемь для граждан и шесть для предпринимателей. Фокус-группы, которые организовывались и модерировались специалистами

Института сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ), проводились в трех регионах: Москве (в качестве крупного мегаполиса, столицы России), городе Великий Новгород (в качестве небольшого города, административного центра одного из регионов России) и в городе Великие Луки (в качестве небольшого города, не являющегося административным центром ни одного из регионов России).

Формализованные анкетные опросы граждан и предпринимателей по тематике исследования проводились с целями получения количественных оценок наиболее значимых социальных закономерностей, выявленных полуформализованными методами. Методики проведения опросов граждан и предпринимателей были сходными, позволявшими сравнивать ответы граждан и предпринимателей на вопросы соответствующих анкет. Кроме того, в анкеты включались и вопросы, специфические для анализа взаимодействий с судами как граждан, так и предпринимателей.

Организацией сбора данных формализованного анкетного опроса граждан по репрезентативной всероссийской выборке и вводом этих данных в компьютерный файл по контракту с Фондом ИНДЕМ занимался Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ). Организацией сбора данных формализованного анкетного опроса предпринимателей по направленной квотной их выборке и вводом этих данных в компьютерный файл по контракту с Фондом ИНДЕМ занимался Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Сбор данных обоих формализованных анкетных опросов граждан и предпринимателей осуществлялся с 1 по 30 сентября 2008 г. Ввод данных этого опроса в компьютерный файл — с 1 по 13 октября 2008 г. Объемы выборок формализованных анкетных опросов составили: для граждан — 2845 респондентов и для предпринимателей — 602 респондента.

Ниже представлены некоторые значимые результаты проведенного Фондом ИНДЕМ социологического исследования взаимодействий граждан и предпринимателей с судебной властью.

Опыт взаимодействия российских граждан с судами. В формализованных анкетных опросах граждан и предпринимателей анализировались сюжеты, связанные с последними случаями их участия в судебных процессах, обращениях в суды с целями разрешения тех или иных проблем, а также с проблемами, которые можно было бы решить в судах, без обращений в них. Эти сюжеты были представлены в анкетах по-

следовательностями вопросов: начиная с того, принимал ли когда-либо предприниматель или его представитель участие в таком судебном разбирательстве, и заканчивая тем, насколько он был удовлетворен судебным решением и было ли оно исполнено.

И граждане, и предприниматели сравнительно редко бывали участниками судебных заседаний, даже в качестве просто зрителей. Для граждан, практически вне зависимости от уровня жизни и типа потребления, доля имеющих такой опыт составляет примерно 35%, а примерно 65% — никакого подобного опыта не имеют, т. е. не имеют возможности составить собственное представление о суде и судебных процедурах. Как мы увидим ниже, для этого большинства российских граждан (65%) представления о судебной власти формируются в основном под воздействием средств массовой информации, в первую очередь, телевидения. Такая пропорция числа граждан, имеющих какой-то опыт взаимодействия с судами и не имеющих его, практически не зависит от уровня их жизни и типа потребления.

По данным проведенного исследования, только у 28% респондентов когда-либо в жизни возникала ситуация, которая могла быть разрешена в суде. Из этих респондентов-граждан только 64% обращались в такой ситуации в суд, т. е. проявляли инициативы такого рода, в результате которых судебные разбирательства состоялись. В пересчете на всю выборку получается, что, по данным проведенного исследования, только 18% респондентов обращались когда-либо в суды для разрешения каких-то проблем и затем участвовали в соответствующих судебных разбирательствах. При этом некоторые респонденты тоже могли иметь опыт судебных разбирательств, когда не они обращались в суды, а их вынуждали участвовать в судебных разбирательствах противоположные стороны. Но в силу ограниченности ресурсов проводимого исследования такого рода ситуации в проведенном анкетном опросе не изучались.

Предприниматели существенно чаще других граждан участвовали в судебных разбирательствах с целями решений тех или иных проблем. Доля предпринимателей, участвовавших в судебных разбирательствах по делам своих бизнесов, — 33%, а по личным или семейным делам — 31%, т. е. несколько реже. И, тем не менее, даже доля предпринимателей, имеющих опыт судебных разбирательств личных и семейных проблем, существенно выше доли других граждан, решавших свои проблемы в судах.

По данным проведенного исследования, если граждане принимали участие в судебных процессах, то наиболее часто – в рамках гражданского судопроизводства (56%), немногим более 1/3 таких респондентов принимали участие в судебных разбирательствах в рамках уголовного судопроизводства (37%). В среднем сравнительно немногие граждане принимали участие в судебных разбирательствах в рамках административного судопроизводства (11%), причем самые обеспеченные граждане делали это чаще других (21%). И совсем немногие граждане принимали участие в судебных разбирательствах в рамках конституционного судопроизводства (2%).

Предприниматели чаще всего решают проблемы своего бизнеса в рамках арбитражного судопроизводства (63%). При этом крупный бизнес существенно чаще других использует арбитражное судопроизводство для решений проблем своих бизнесов (74%), а различия между малым и средним бизнесом оказались статистически незначимыми.

Некоторые проблемы своего бизнеса предприниматели решают в гражданском (24%) и административном (8%) судопроизводстве, а в некоторых случаях и в уголовном (3%).

Небольшая, но заметная доля предпринимателей решает проблемы своих бизнесов у мировых судей (10%). Представители малого бизнеса поступают так существенно чаще других (16%), что соответствует специфике судебных дел, разбираемых мировыми судьями.

По данным проведенных фокус-групп, предприниматели обосновывают свои обращения к мировым судьям тем, что они быстрее проводят судебные разбирательства и потому у них можно быстрее получить решения проблем своих бизнесов. Мировые судьи, как известно, имеют существенные ограничения на размеры исков (до 30000 рублей) и подсудности им категорий судебных дел. Поэтому средний и крупный бизнес не всегда могут обращаться в мировой суд для решений проблем своих бизнесов. Для малого бизнеса некоторые из этих ограничений не очень значимы, а быстрота получения судебных решений является принципиально важной. Поэтому представители малого бизнеса существенно чаще, чем представители среднего и крупного, решают проблемы своих бизнесов у мировых судей.

Информация о судах, интересующая граждан и предпринимателей. Взаимодействие с судебной властью граждан и предпринимателей во многом определяется той информацией о ее деятельности, которой они обладают.

Структуры интереса к информации о работе судов у граждан и у предпринимателей довольно близки. И граждане, и предприниматели на второе-третье место ставят «Законы и кодексы, определяющие наказания, санкции, возмещение ущерба (вреда)» и «Рекомендации по защите прав граждан в судах, юридическая консультация». Но у граждан и у предпринимателей существенно различаются самые значимые для них области интереса к информации о работе судов. Предприниматели более всего интересуются «Описаниями различных судебных дел и уже состоявшихся судебных процессов», а граждане – «Общей информацией о работе судов».

В целом общий уровень интереса и граждан, и предпринимателей к судебной информации является низким. Очень интересуются информацией о судах лишь немногие граждане (2%). У предпринимателей этот процент заметно больше (10%), но он тоже не может считаться высоким. А практически не интересуются информацией о судах большинство граждан (58%) и около половины предпринимателей (45%). Наличие высшего образования, опыт работы с юристами и участия в судебных разбирательствах являются факторами, способствующими повышенному интересу и граждан, и предпринимателей к судебной информации.

Структуры мотивов интереса граждан и предпринимателей к судебной информации оказались разными. Граждан чаще всего интересуется судебная информация, потому что она может пригодиться при возможном обращении в суд (49%). Очень немногие граждане реально обращаются в суды, но существенно бóльшая их доля склонна готовить себе информационный ресурс для возможных будущих обращений. Вторым по значимости для граждан является мотив интереса к острым материалам СМИ, связанными с судебной информацией (34%). Для предпринимателей главными являются мотивы их профессиональной деятельности (53%) и возможной пользы такой информации при последующем обращении в суд (49%). Оба эти мотива связаны с тем, что большинство российских предпринимателей либо постоянно участвуют в судебных разбирательствах, либо понимают, что рано или поздно это обязательно произойдет.

Связи мотивов и силы интереса к судебной информации у граждан и у предпринимателей оказались во многом похожими. И для тех и для других мотив профессиональной деятельности обусловлен высоким уровнем интереса к судебной информации. У граждан учеба, связанная с

получением знаний о судах, тоже коррелирует с высоким интересом к такой информации, что для предпринимателей неверно, соответствующий мотив у них довольно слабый. Мотив, связанный с тем, что информация о судах может пригодиться при будущем обращении в суд, и у граждан, и у предпринимателей объясняется средним уровнем интереса к подобной информации. Мотив, связанный с общим интересом к информации о судах, и у граждан, и у предпринимателей предполагает низкий уровень интереса к данной информации. Мотив интереса к острым материалам СМИ и у граждан, и у предпринимателей возможен при низком уровне интереса к судебной информации, т. е. такой интерес является поверхностным, связанным скорее с развлечениями от знакомства с острыми материалами СМИ, чем с той или иной пользой для себя. Но необходимо учитывать, что информация о судах, получаемая из острых материалов СМИ, является довольно значимой более чем для трети российских граждан.

Источники судебной информации во многом определяют оценки судов гражданами и предпринимателями. Граждане чаще всего получают информацию о судах из телевизионных постановочных программ, вроде «Суд идет» или «Час суда...» (60%), а также телевизионных новостей (49%). Для граждан примерно одинаковы (по значимости информации о судах) печатные СМИ (38%) и контакты с друзьями и знакомыми (35%). Контакты с судами самих граждан существенно менее значимы как источники судебной информации (11%), чем СМИ, особенно телевизионные. Мало значат для граждан и учебная литература, а также профессиональные источники информации, к которым можно отнести базы данных, сайты в сети Интернет, профессиональные печатные издания о суде, научную литературу и сайты судов, которые находятся на последнем месте среди всех остальных.

Предприниматели чаще всего получают информацию о судах из контактов с друзьями и знакомыми (42%), а также из печатных СМИ (41%) и баз данных правовой информации (36%). Предприниматели существенно реже граждан используют в качестве источника судебной информации телевизионные новости (32%), но этот источник информации для них стоит на четвертом месте. Они более чем в 2,5 раза чаще используют в качестве источника судебной информации контакты с судами (29%), т. е. существенно чаще, чем граждане, получают информацию о судах из личного опыта. Для

предпринимателей существенно большее значение, чем для граждан, в качестве источника судебной информации имеют профессиональные ее источники: помимо баз данных правовой информации (36%), это сайты судов (28%), другие сайты (19%) и профессиональные печатные издания о суде (15%). Так же, как и для граждан, для предпринимателей сравнительно мало значит научная литература и самую низкую значимость в качестве источника судебной информации имеет учебная литература.

И для граждан, и для предпринимателей установлено, что чем выше их интерес к судебной информации, тем чаще они используют профессиональные источники такой информации. При этом предприниматели более чем в четыре раза чаще, чем граждане, предпочитают профессиональные источники информации. Кроме того, и граждане, и предприниматели, сильно интересующиеся судебной информацией и защищающие свои права, существенно чаще используют профессиональные источники судебной информации. Следовательно, чем более профессиональным является отношение граждан и предпринимателей к судам, тем выше для них значимость профессиональных источников судебной информации. Но такое профессиональное отношение к судам в российском обществе встречается довольно редко: более половины граждан и более пятой части предпринимателей получают информацию о судах из постановочных телевизионных программ, неадекватно представляющих деятельность судов.

Оценки доступности судебной информации показывают различия в отношении граждан и предпринимателей к судам. Среди предпринимателей (42%) существенно выше доля тех, кто легко находит судебную информацию, чем среди граждан (30%). При этом среди предпринимателей (36%) выше, чем среди граждан (27%), и доля тех, кто не всегда может такую информацию найти. По-видимому, это связано с тем, что предприниматели ищут более точную и подробную судебную информацию, чем граждане. А довольно трудно и очень трудно находить судебную информацию бывает существенно чаще гражданам (23%), чем предпринимателям (13%). Кроме того, весомая доля граждан (20%), по сравнению с предпринимателями (9%), затруднилась с ответом на этот вопрос. Это свидетельствует о больших проблемах с доступом к такой информации у граждан, чем у предпринимателей, иначе они смогли бы выбрать какой-то иной вариант ответа.

Чем выше интерес граждан к судебной информации, тем более доступной она им представляется. Те граждане, чей интерес к информации мотивирован профессиональной деятельностью или учебой, чаще оценивают доступ к информации как довольно легкий. А те граждане, кому информация о судах может пригодиться в будущем, чаще дают оценки, что у них бывают трудности в поиске такой информации или ее довольно трудно найти. У предпринимателей подобные зависимости не выявлены: какова ни была бы мера их интереса к судебной информации, доступ к ней они оценивают примерно одинаково. Это еще одно свидетельство большего профессионализма в использовании судебной информации у предпринимателей, по сравнению с гражданами: доступ к судебной информации у предпринимателей определяется не их интересом, а необходимостью использовать такую информацию в профессиональной деятельности и в сфере личной жизни.

И граждане, и предприниматели, готовые обращаться в суды для решений своих проблем, существенно чаще других оценивают информацию об их работе как доступную. По-видимому, высокая мотивация обращения в суды повышает активность и граждан, и предпринимателей в поиске информации об их работе, поэтому и уровень доступности такой информации оценивается выше.

Оценки сложностей получения судебной информации гражданами и предпринимателями также влияют на их отношение к судебной власти. Более четверти граждан (29%) ни с какими сложностями в поиске судебной информации не сталкивались, для предпринимателей такой вариант ответа на этот вопрос анкеты не предусматривался.

Главное препятствие в получении информации о работе судов для граждан — это сложность такой информации для понимания (21%), а для предпринимателей то, что не вся необходимая им информация доступна широкой аудитории (28%), т. е. не является публичной. Предприниматели (22%) несколько чаще граждан (18%) отмечают, что судебной информации слишком много, поэтому в ней трудно найти то, что нужно.

И гражданам (17%), и предпринимателям (18%) примерно одинаково сложно разобраться в источниках судебной информации. По-видимому, граждане существенно реже предпринимателей ищут судебную информацию на сайтах судов, именно поэтому они (4%) суще-

ственно реже предпринимателей (19%) отмечают, что на этих сайтах такой информации мало. А стоимость получения судебной информации ни для граждан (5%), ни для предпринимателей (1%) не является значимым препятствием.

Стратегии граждан и предпринимателей по защите собственных прав. В нормативных концепциях правового государства важнейшей функцией судебной власти является обеспечение защиты прав граждан. В современной российской ситуации при необходимости защитить свои права и свободы большинство и граждан, и предпринимателей не обращаются в суды.

С защитой своих прав и свобод граждане чаще всего справляются самостоятельно (29%). Более четверти граждан уверено, что их права и свободы никто не нарушал и не нарушает (26%); у таких граждан просто не возникает ситуация необходимости защиты своих прав и свобод. Еще 18% граждан для защиты своих прав и свобод обращаются к родственникам или друзьям. Существенно реже в такой ситуации граждане обращаются в юридические консультации (14%), в суд (14%) или в милицию (13%), еще реже — к адвокатам (10%).

Много реже граждане обращаются за защитой своих прав и свобод к авторитетным людям (7%), в органы исполнительной власти (5%), в прокуратуру (4%) и к правозащитникам (3%). Сравнительно немногие граждане в таких ситуациях просто терпят и ничего не делают (6%), и примерно столько же ничего не делают, поскольку не знают, куда обратиться (6%). Крайне редко граждане для защиты своих прав и свобод выходят на митинги, демонстрации, в пикеты (2%).

Предприниматели, как и граждане, чаще всего справляются с проблемой защиты прав и свобод самостоятельно (35%). Но, в отличие от граждан, предприниматели существенно чаще обращаются с такими проблемами в суды (31%). Существенно реже, чем граждане, но тоже довольно часто предприниматели указывали, что их права и свободы никто не нарушал и не нарушает (23%), т. е. у них не возникает ситуация необходимости защиты своих прав и свобод. Предприниматели существенно чаще граждан для защиты своих прав и свобод обращаются к авторитетным людям (19%). Это происходит реже обращений в суды, но показывает, что все же довольно часто предприниматели защищают свои права и свободы неформальными методами, а не с помощью судебных разбирательств.

Предприниматели для защиты своих прав и свобод обращаются и в милицию (17%), и в

прокуратуру (13%). Эти обращения у предпринимателей не всегда мотивируются желанием правовых решений проблем защиты прав и свобод, нередко в таких случаях предприниматели используют милицию и прокуратуру для противодействия своим конкурентам или нарушителям норм коммерческих договоров силами правоохранительных органов. Такие действия предпринимателей следует оценивать как коррупционные.

Предприниматели для защиты своих прав и свобод чаще граждан обращаются в органы исполнительной власти (7%) и к правозащитникам (8%). Следовательно, в нашем обществе защиту прав и свобод в органах исполнительной власти и даже у правозащитников чаще получают более материально обеспеченные, имеющие более высокий социальный статус предприниматели, а граждане малообеспеченные и с низким социальным статусом имеют такую возможность реже. Подобное положение с защитой прав и свобод следует оценивать как дискриминацию по уровню материального благосостояния и социальному статусу.

Примерно так же редко, как и граждане, предприниматели не пытаются защищать свои права и свободы, а просто терпят (6%), так же редко выходят на митинги, демонстрации, в пикеты (2%). Очень редко предприниматели для защиты своих прав и свобод обращаются в ассоциации бизнеса (2%). Следовательно, среда бизнеса оказывается неспособной эффективно защищать права и свободы предпринимателей.

Граждане и помощь адвокатов. По данным проведенного исследования, уровень личного участия граждан в судебных разбирательствах, которые состоялись после их обращений в суды, очень высок при любом уровне доходов их семей. Но личное участие в судебном разбирательстве для граждан не исключало, а в некоторых случаях предполагало участие в них тех или иных представителей. Тем не менее в судебных разбирательствах, которые проводились по обращениям граждан в суды для решений тех или иных проблем, они довольно часто отказывались от услуг адвокатов и других юристов, а представляли свои интересы в судебных разбирательствах самостоятельно (43%). Чаще всего так поступали малообеспеченные граждане с ежемесячными доходами семей до 10000 рублей (45%), а существенно реже — хорошо обеспеченные с ежемесячными доходами семей свыше 25000 рублей (28%).

Адвокатов для представительства своих интересов в судебных разбирательствах респон-

денты-граждане нанимают в среднем менее чем в 1/4 случаев (23%), что почти совпадает с аналогичной долей для респондентов-предпринимателей, когда они участвуют в судебных разбирательствах по своим личным делам или делам своих семей (24%).

Интересы в судебных разбирательствах еще примерно 11% граждан практически независимо от уровня их благосостояния представляют адвокаты, бесплатно предоставленные им судами. В определенном смысле такое положение означает дискриминацию граждан по уровню их благосостояния, поскольку малообеспеченные граждане чаще других должны были бы пользоваться услугами бесплатных адвокатов для представления своих интересов в судебных разбирательствах.

Подавляющее большинство предпринимателей (72%) лично принимали участие в судебных разбирательствах по делам своих бизнесов, причем практически независимо от их размеров, но самостоятельно представляли в них свои интересы только в 38% случаев. Личное участие в судебном разбирательстве для предпринимателей, как и для граждан, не исключало, а в некоторых случаях предполагало участие в них тех или иных представителей.

Чаще всего предприниматели участвуют в судебных процессах по делам своих бизнесов со своими представителями, которыми в большинстве случаев бывают штатные юрисконсульты предприятий или фирм (29%), а также нанятые адвокаты (21%).

При этом представители крупного бизнеса существенно чаще других используют для целей представительства своих интересов в судах штатных юрисконсультов (46%). Нанятых адвокатов существенно чаще других использует малый бизнес (28%). По-видимому, малый бизнес не может в большинстве случаев содержать штатных юрисконсультов, а потому вынужден нанимать адвокатов для представления своих интересов в судебных разбирательствах по делам своих бизнесов. Крупный бизнес, напротив, специально включает в свои штаты юрисконсульты, одной из важных задач которых является представительство интересов бизнесов в судах.

Предприниматели для решения в судах проблем своих бизнесов очень редко прибегают как к услугам постоянных или семейных адвокатов (2%), так и к услугам иных нанятых представителей, не являющихся адвокатами (1,5%). По-видимому, даже имеющие высокий уровень материального обеспечения представи-

тели крупного бизнеса весьма редко в условиях России имеют постоянных или семейных адвокатов. Но почти половина из них (46%) пользуются услугами постоянных, штатных юрисконсультов для представительства интересов своих бизнесов в судебных разбирательствах.

В судебных разбирательствах по своим личным делам или делам своих семей предприниматели практически независимо от размеров их бизнесов в большинстве случаев отказывались от услуг адвокатов и других юристов, представляли самостоятельно свои интересы в судебных разбирательствах (56%).

Использование предпринимателями в таких судебных разбирательствах услуг постоянных адвокатов или штатных юрисконсультов предприятий, фирм встречается довольно редко. По-видимому, предприниматели стремятся отделять дела своих бизнесов от личных и потому редко привлекают штатных юрисконсультов предприятий и фирм для представительства в судах по делам личным или семейным. Весьма редкое использование услуг постоянных адвокатов в таких судебных разбирательствах, по-видимому, показывает, что они есть у меньшинства российских предпринимателей, даже у тех, кто занимается крупным бизнесом.

Ожидания граждан и предпринимателей от участия в судебных процессах. В формализованных социологических опросах граждан и предпринимателей анализировались сюжеты, связанные с последними случаями их участия в судебных процессах, обращениях в суды с целью разрешения тех или иных проблем. Последние случаи реального обращения респондентов в суды использовались для достижения максимально возможного уровня конкретизации их ответов, для определенности описания ими ситуаций судебного разбирательства. Эти сюжеты были представлены в анкетах последовательностями вопросов: начиная с того, когда было последнее обращение респондента в суд или его участие в судебном разбирательстве, и заканчивая тем, насколько он был удовлетворен судебным решением и было ли оно исполнено.

И гражданам, и предпринимателям задавались вопросы о том, что они ожидали от участия в судебных разбирательствах, в которых принимали участие в качестве сторон.

Первыми шестью наиболее значимыми ожиданиями граждан от судебных разбирательств по решениям тех проблем, с которыми они обращались в суды, являются следующие:

- решение своей проблемы (97%);
- объективное рассмотрение своего дела (91%);

- восстановление справедливости (90%);
- восстановление законности (89%);
- защита своих нарушенных прав и свобод (76%);

- выявление всех обстоятельств своего дела (76%).

А первыми шестью полностью оправдавшимися ожиданиями граждан от судебных разбирательств по решениям тех проблем, с которыми они обращались в суды, являются следующие:

- решение своей проблемы (54%);
- восстановление законности (52%);
- объективное рассмотрение своего дела (50%);
- восстановление справедливости (50%);
- выявление всех обстоятельств своего дела (48%);
- защита своих нарушенных прав и свобод (47%).

Следовательно, для граждан в судебных разбирательствах, по их оценкам, оправдывались те ожидания, которые были для них наиболее значимы: списки шести важнейших ожиданий и шести полностью оправдавшихся ожиданий от судебных разбирательств по решениям тех проблем, с которыми они обращались в суды, совпадают.

Главным ожиданием граждан было решение их проблем, и именно это ожидание чаще всего оправдывалось. Правда, для граждан «восстановление справедливости» по значимости ожиданий стояло выше восстановления законности, но восстановление законности по результатам судебных разбирательств оправдывалось несколько чаще, чем восстановление справедливости. Но различия в процентах ответов о том, насколько эти два ожидания оправдались, статистически незначимы, их можно считать мало отличающимися. При этом для каждого ожидания существенно больше граждан высказывали его желательность (от 76 до 97% для важнейших шести ожиданий), чем затем то, что оно оправдалось по результатам судебного разбирательства (от 47 до 54% для тех же важнейших шести ожиданий).

Насколько оправдывались ожидания, существенно зависело от того, выиграл респондент судебный процесс или проиграл: у выигравших граждан ожидания оправдывались чаще. В тех случаях, когда судебные решения были приняты в пользу респондентов, они существенно чаще отвечали, что оправдались их ожидания от этих судебных разбирательств, суд принял во внимание их доказательства, правильно их оценил и хорошо разобрался в их де-

лах. Следовательно, невозможно считать, что респонденты-граждане более или менее объективно оценивали судебные разбирательства, в которых принимали участие. В этом оценки ожиданий респондентов являлись очень субъективными.

Аналогичные вопросы об ожиданиях от судебных разбирательств задавались предпринимателям. Первыми шестью наиболее значимыми ожиданиями предпринимателей от судебных разбирательств по их личным или семейным проблемам являются следующие:

- решение своей проблемы (82%);
- восстановление справедливости (76%);
- объективное рассмотрение своего дела (74%);
- восстановление законности (70%);
- защита своих нарушенных прав и свобод (64%);
- выявление всех обстоятельств своего дела (54%).

Эти шесть наиболее значимых ожиданий от судебных разбирательств предпринимателей полностью совпадают с шестью наиболее значимыми ожиданиями граждан. На первом месте по значимости в обоих списках ожиданий располагается «Решение своей проблемы». Три следующих ожидания у граждан расположены в другом порядке, но проценты их выбора очень близки и статистически несущественно различаются. Поэтому можно считать, что восстановление справедливости, объективное рассмотрение своих судебных дел и восстановление законности являются важнейшими после решений проблем ожиданиями от судебных разбирательств как граждан, так и предпринимателей. Следует отметить, что уровень ожиданий восстановления справедливости у предпринимателей при решениях в судах личных или семейных проблем (76%) существенно выше, чем при решениях проблем их бизнесов (68%). Тем не менее ожидание справедливости от судебных разбирательств у граждан еще выше (90%). Повидимому, предприниматели в судебных разбирательствах по делам бизнеса существенно чаще, чем в судебных разбирательствах по личным и семейным делам, ожидают от судов выполнения функций решений проблем (87 и 82% соответственно), ставших предметами судебных разбирательств. Ожидание восстановления справедливости для предпринимателей существенно менее значимо (68 и 76% соответственно). Отчасти это функциональное отношение к судебным разбирательствам переносится предпринимателями и на решения в судах личных и семейных проблем. Но для большинства граж-

дан при высокой значимости функционального отношения к судебным разбирательствам, т. е. ожидании решения своих проблем в судах (97%), лишь немного менее значимым является восстановление справедливости (90%).

Первыми шестью полностью оправдавшимися ожиданиями предпринимателей от судебных разбирательств по их личным или семейным проблемам являются следующие:

- восстановление справедливости (46%);
- решение своей проблемы (44%);
- объективное рассмотрение своего дела (43%);
- защита своих нарушенных прав и свобод (41%);
- восстановление законности (38%);
- выявление всех обстоятельств своего дела (36%).

Для предпринимателей в судебных разбирательствах, по их оценкам, оправдывались те ожидания, которые были для них наиболее значимы: списки шести важнейших ожиданий и шести полностью оправдавшихся ожиданий от судебных разбирательств по личным или семейным проблемам совпадают. Правда, для предпринимателей главным ожиданием было решение их проблем, а его полное исполнение оказалось не на первом, а на втором месте по значимости. На первом же месте по тому, насколько оправдались ожидания респондентов, оказалось восстановление справедливости. Кроме того, для каждого ожидания существенно больше респондентов-предпринимателей высказывали его желательность, чем указывали, что оно реализовалось в судебном разбирательстве.

Как и у граждан, то, насколько оправдывались ожидания, существенно зависело от того, выиграл судебный процесс предприниматель или проиграл: у выигравших ожидания оправдывались чаще. В тех случаях, когда судебные решения были приняты в пользу респондентов, они существенно чаще отвечали, что оправдались их ожидания от этих судебных разбирательств, суд принял во внимание их доказательства, правильно их оценил и хорошо разобрался в их делах. Следовательно, невозможно считать, что предприниматели более или менее объективно оценивали судебные разбирательства по личным или семейным проблемам, в которых принимали участие. В этом оценки ожиданий предпринимателей являлись очень субъективными.

Доли ожиданий предпринимателей от судебных разбирательств по делам их бизнесов несколько ниже, потому что предприниматели лучше прогнозируют результаты таких судебных

разбирательств. И, тем не менее, упорядоченность ожиданий по убыванию долей от таких судебных разбирательств у предпринимателей практически совпадает с предыдущими:

решение своей проблемы (87%).

объективное рассмотрение своего дела (80%).

восстановление законности (72%).

восстановление справедливости (68%).

выявление всех обстоятельств своего дела (66%).

защита своих нарушенных прав и свобод (51%).

В судебных разбирательствах по делам их бизнесов для предпринимателей почти так же, как и защита их нарушенных прав и свобод оказалось значимым выявление всех обстоятельств своего дела.

Первыми семью полностью оправдавшимися ожиданиями предпринимателей от судебных разбирательств по делам их бизнесов являются следующие:

объективное рассмотрение своего дела (52%).

восстановление законности (50%).

решение своей проблемы (46%).

восстановление справедливости (45%).

выявление всех обстоятельств своего дела (44%).

восстановление деловой репутации своей фирмы, своего предприятия (40%).

защита своих нарушенных прав и свобод (37%).

Для предпринимателей в судебных разбирательствах, по их оценкам, оправдывались те ожидания, которые были для них наиболее значимы: списки пяти важнейших ожиданий и пяти полностью оправдавшихся ожиданий от судебных разбирательств совпадают. Правда, для предпринимателей главным ожиданием было решение их проблем, а его полное исполнение оказалось не на первом, а на третьем месте по значимости. На первом же месте по тому, насколько оправдались ожидания респондентов, оказалось «Объективное рассмотрение своего дела». «Восстановление деловой репутации своей фирмы, своего предприятия» оказалось на шестом месте по значимости; «Защита своих нарушенных прав и свобод», которая была в списке шести наиболее значимых ожиданий, оправдывалась реже. Кроме того, для каждого ожидания существенно больше респондентов-предпринимателей высказывали его желательность, чем указывали, что оно реализовалось в судебном разбирательстве.

Насколько оправдывались ожидания, существенно зависело от того, выиграл судеб-

ный процесс по проблеме своего бизнеса респондент-предприниматель или проиграл: у выигравших ожидания оправдывались чаще. В тех случаях, когда судебные решения были приняты в пользу респондентов, они существенно чаще отвечали, что оправдались их ожидания от этих судебных разбирательств, суд принял во внимание их доказательства, правильно их оценил и хорошо разобрался в их делах. В последующих таблицах приводятся данные проведенного исследования, обосновывающие этот вывод. Следовательно, невозможно считать, что респонденты-предприниматели более или менее объективно оценивали судебные разбирательства по проблемам своих бизнесов, в которых принимали участие. В этом оценки ожиданий респондентов-предпринимателей являлись очень субъективными.

Можно сделать общий вывод: и для граждан, и для предпринимателей одним из важнейших ожиданий от судебных разбирательств, помимо решений своих проблем и объективного рассмотрения своих дел, было восстановление справедливости и законности. По оценкам и граждан, и предпринимателей, в судебных разбирательствах чаще оправдывались те ожидания, которые были для них наиболее значимы: решение их проблем, объективное рассмотрение их дел, восстановление законности и справедливости. При этом для каждого ожидания существенно больше респондентов высказывали его желательность, чем указывали, что оно реализовалось в судебном разбирательстве. Насколько оправдывались ожидания, существенно зависело от того, выиграл судебный процесс респондент или проиграл: у выигравших респондентов ожидания оправдывались чаще. В этом оценки ожиданий от судебных разбирательств и граждан, и предпринимателей оказались очень субъективными.

У граждан рост совокупного объема ожиданий от судебных разбирательств сопровождался снижением доли оправдавшихся ожиданий. У предпринимателей такая зависимость отсутствует, они более профессионально, с меньшей долей неоправданных ожиданий оценивают судебные разбирательства, в которых принимали участие.

Подготовка и проведение судебных разбирательств в оценках граждан и предпринимателей. В проведенном исследовании респондентам задавались вопросы о том, как они оценивают те или иные события и факты периода подготовки и проведения судебных разбирательств, в которых они участвовали в качестве сторон. Эти вопросы были сформулированы как серия

утверждений о подготовке и проведении судебного процесса, а респондент должен был указать: верны они или нет. Одинаковые серии таких утверждений предъявлялись в анкетах как респондентам-гражданам, так и респондентам-предпринимателям. Различие состояло только в том, что граждан спрашивали обо всех возможных типах судебных разбирательств, в которых они были сторонами, а предпринимателей в силу недостатка ресурсов проведенного исследования – только о судебных разбирательствах по проблемам их бизнеса. И, тем не менее, полученные результаты по некоторым характеристикам оказалось возможным сравнить.

Респонденты-граждане довольно часто отмечали, что в ходе проведения судебного разбирательства происходили такие позитивные для них события:

судья внимательно выслушивал аргументы сторон (66%);

судья очень вежливо и корректно обращался к обеим сторонам (63%);

судья убедительно обосновал свое решение (60%);

судья принял во внимание все важные аргументы каждой из сторон (60%);

судья глубоко и обстоятельно разобрался в рассматриваемом деле (49%);

в ведении дела очень хорошо помогал адвокат (26%).

Примерно столь же часто респонденты-граждане отмечали, что были такие позитивные для них результаты судебных разбирательств:

гражданин своевременно получил текст судебного решения (60%);

решение судьи было справедливым (60%);

гражданин доволен судебным решением (54%);

проблема была решена полностью (52%).

В оценках респондентами-гражданами всех этих позитивных для них событий в ходе проведения судебных разбирательств и их результатов обнаруживается одна и та же закономерность: чем более обеспеченными материально являлись респонденты-граждане, тем чаще они указывали на то, что соответствующие события и результаты были в их судебных процессах. По-видимому, эта закономерность является индикатором сложившегося в российских судах неравноправия граждан: чем более они обеспечены материально, тем чаще получают уважительное отношение к себе при подаче заявлений в суды, со стороны судей в самом судебном процессе и справедливые решения своих проблем по их результатам.

Негативные для себя события в судебных разбирательствах респонденты-граждане отмечали существенно реже:

судебный процесс долго не начинался по разным причинам (30%);

судебный процесс шел неоправданно долго (24%);

чтобы принять заявление (иск), пришлось обратиться в конкретную указанную юридическую консультацию (23%);

судье заранее было ясно решение, поэтому он вел процесс формально (20%);

судебный процесс закончился неоправданно быстро (15%);

судья был явно предубежден против одной из сторон (14%);

было ощущение, что судья был не вполне самостоятелен (12%);

судья систематически игнорировал аргументы и ходатайства одной из сторон (12%).

Для большинства этих негативных для респондентов-граждан событий обнаружена такая закономерность: чем менее обеспечены респонденты, тем чаще они указывали на то, что такие события в их судебных разбирательствах были, а чем более обеспечены – тем реже. Эта закономерность так же, как и предыдущие, является индикатором сложившегося в российских судах неравноправия граждан по уровню их материального обеспечения.

Позитивные оценки элементам судебных разбирательств чаще дают граждане, получившие судебные решения в свою пользу. В частности справедливость судебного решения в оценках граждан практически полностью определяется тем, в чью пользу вынесено это решение. Если оно вынесено в пользу гражданина, он почти всегда (91%) считает такое судебное решение справедливым, если нет, практически всегда считает его несправедливым (13%). В выборке оказалось существенно больше первых, чем вторых. Этим во многом определяется доминирование позитивных оценок элементов судебных разбирательств, которые дали респонденты-граждане в проведенном опросе.

Данные предпринимателями малого, среднего и крупного бизнеса оценки событий, которые могли происходить в ходе судебных разбирательств, не столь сильно отличались, как оценки, данные гражданами с различным уровнем семейного дохода. Явного неравноправия в судах представителей бизнеса по их размерам в проведенном исследовании обнаружено не было. Кроме того, предприниматели существенно чаще отмечали осуществление

позитивных для себя событий в судебных заседаниях, чем негативных. Следовательно, предприниматели оценивали отдельные элементы судебных разбирательств скорее позитивно, чем негативно.

Чуть более трети респондентов-предпринимателей (34%), — что существенно ниже аналогичной доли для респондентов-граждан (48%), — согласились с тем, что работники суда проявляли к ним уважительное отношение и помогали, чтобы их заявления в суды были приняты. Предпринимателям практически независимо от размеров их бизнесов существенно реже граждан требовалась помощь в принятии заявлений или исков в суды.

Предприниматели довольно часто соглашались, что в ходе проведения судебного разбирательства по делам их бизнесов были такие позитивные события:

судья внимательно выслушивал аргументы сторон (76%);

судья очень вежливо и корректно обращался к обеим сторонам (74%);

судья принял во внимание все важные аргументы каждой из сторон (65%);

судья убедительно обосновал свое решение (59%);

судья глубоко и обстоятельно разобрался в рассматриваемом деле (52%).

Примерно столь же часто предприниматели отмечали, что были такие позитивные для них результаты судебных разбирательств по делам их бизнесов:

предприниматель своевременно получил текст судебного решения (79%);

решение судьи было справедливым (63%);

предприниматель доволен судебным решением (61%);

проблема предпринимателя была решена полностью (54%).

Немногим более трети респондентов-предпринимателей согласились с тем, что в судебном разбирательстве им хорошо помогал адвокат (36%). Эта доля существенно выше аналогичной доли для граждан (26%), поэтому можно утверждать, что адвокаты лучше помогают предпринимателям в судебных разбирательствах по делам их бизнесов, чем гражданам по решениям в судах разнообразных проблем. При этом меньшинство и граждан, и предпринимателей оценили помощь адвокатов в их судебных разбирательствах как хорошую.

Негативные для себя события в судебных разбирательствах предприниматели по делам своих бизнесов отмечали существенно реже.

Поэтому вполне логичными для предпринимателей являлись их сравнительно редкие указания на то, что «Этот суд стоил мне неоправданно больших затрат» (17%) и что «В следующий раз я вряд ли обращусь в суд» (18%). При этом респонденты, представляющие малый бизнес, существенно чаще других (средний бизнес — 12%, крупный бизнес — 9%) указывали, что они в следующий раз вряд ли обратятся в суды (27%). По-видимому, необходимость участия в судебных разбирательствах по делам их бизнеса для средних и крупных предпринимателей намного выше, чем для представителей малого бизнеса. Поэтому представители среднего и крупного бизнеса существенно реже, чем представители малого бизнеса, заявляли о своем возможном отказе от обращений в суды в будущем.

Позитивные оценки элементам судебных разбирательств по делам их бизнесов чаще давали предприниматели, которые получили судебные решения в свою пользу. Доминирование согласия с такими утверждениями среди респондентов-предпринимателей, выигравших свои судебные процессы, над остальными еще раз подтверждает вывод о том, что в своих оценках элементов судебных разбирательств предприниматели не являлись объективными, их оценки во многом определялись тем, выиграли они судебные процессы по делам своих бизнесов, в которых принимали участие, или нет. В выборке оказалось существенно больше таких предпринимателей, чем тех, которые получили судебные решения не в свою пользу. Этим во многом определяется доминирование позитивных оценок элементов судебных разбирательств, которые дали в проведенном опросе предприниматели.

Следовательно, и граждане, и предприниматели не были объективными в своих оценках судебных разбирательств. Их оценки во многом определялись тем, выиграли они судебные процессы, в которых участвовали в качестве сторон, или нет.

Предприниматели существенно чаще оценивали арбитражные судебные разбирательства выше, чем гражданские. Причина, по данным фокус-групп, в более высоком профессионализме разбора арбитражных судебных дел. А граждане существенно чаще оценивали гражданские судебные разбирательства выше, чем уголовные. Причина, по данным фокус-групп, в репрессивном, по сути, характере уголовных разбирательств в нашей стране: суды практически не признают ошибок следствия и почти никогда не оправдывают обвиняемых.

Готовность граждан и предпринимателей обращаться в суды. По данным проведенного исследования, предприниматели существенно чаще, чем граждане, выражали готовность обращаться в суды для решений тех или иных проблем. Но и для граждан, и для предпринимателей существенным мотивом обращений в суды является понуждение их к этому теми или иными обстоятельствами, если у них нет другого выхода.

На готовность всегда при возникновении соответствующей необходимости обращаться в суды указали в среднем по выборке сравнительно немного граждан (14%). Существенно больше оказалось тех, кто утверждал, что готов обратиться в суд, но только если у него не будет другого выхода (34%), т. е. при том или ином способе вынуждения их обратиться в суд, причем реже это утверждали малообеспеченные граждане (30%), а чаще – хорошо обеспеченные (40%).

Кроме того, готовность граждан обращаться в суды в будущем всегда существенно выше у тех, кто получил судебные решения в свою пользу (30%), чем у получивших решения частично в свою пользу (24%) и не в свою пользу (20%).

По данным проведенного исследования, чем крупнее бизнес, тем чаще его представители готовы обращаться в суды всегда в случае необходимости (малый бизнес – 42%, средний – 58, крупный бизнес – 66%).

Не намерены обращаться в будущем в суды явное меньшинство предпринимателей: вообще никогда – 1,5%, в зависимости от ситуации – 13%, причем для крупного бизнеса такая ситуация представляется практически невозможной. Подавляющее же большинство предпринимателей не отказываются априори от возможности своего обращения в суды для решения проблем бизнеса. При этом чем больше размер бизнеса, тем выше уровень готовности его представителей всегда при необходимости обращаться в суды: для малого бизнеса – 42%, для среднего – 58, а для крупного бизнеса – 66%. Поэтому уровень готовности обращаться в суды в будущем у предпринимателей существенно выше, чем у граждан.

Готовность предпринимателей обращаться в суды в будущем несколько выше у тех, кто получил судебные решения в свою пользу, чем у не получивших (60 против 44%). При этом различие в процентах ответов на этот вопрос предпринимателей в среднем по выборке и выигравших свои судебные разбирательства существенно меньше, чем у граждан. Следова-

тельно, у предпринимателей уже сформировались существенно более объективные оценки того, когда необходимо обращаться в суды, чем у граждан.

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что более чем для 50% предпринимателей суд уже стал институтом, который они используют для решений проблем своего бизнеса. Для подавляющего большинства граждан ситуация существенно иная: только примерно 14% из них готовы всегда, когда это будет необходимо, обращаться в суд, а все остальные будут стараться решать свои проблемы без обращений в суды, которые остаются для них действиями в чрезвычайных обстоятельствах.

Оценка предпринимателями уровня взяточничества в судах. В опросе предпринимателей изучалась проблема взяточничества в судах, а гражданам соответствующие вопросы не задавались. Предпринимателям при этом не задавались и прямые вопросы о том, давали ли они лично такие взятки, ведь такие вопросы являются очень чувствительными. Предприниматели понимают, что признание в даче взятки означает их признание в участии в совершении уголовного преступления, а, кроме того, для большинства из них участие во взяточничестве является социально неодобряемым поведением. Поэтому честные и открытые ответы на такие чувствительные вопросы для многих респондентов невозможны. Поэтому вместо прямых предпринимателям задавались косвенные вопросы на эту тему.

По данным исследования, только примерно 10% предпринимателей уверенно отвечают, что взяточничества в судах нет, за исключением единичных случаев. При этом весьма высокая доля предпринимателей (23%) затруднились с ответом на этот вопрос, что свидетельствует о его чувствительности для них, а косвенно – о нежелании признавать наличие взяточничества в российских судах.

Довольно высокий уровень убежденности предпринимателей в распространенности взяточничества в российских судах (67% ответов суммарно о том, что взяточничество в российских судах распространено или встречается не слишком часто) поддерживается общим высоким уровнем коррупции в органах российской власти и деятельностью СМИ, что подтверждается мнениями, высказанными экспертами в беседах и предпринимателями на фокус-группах.

Тем не менее выявлено, что источники информации скорее не способны существенно повлиять на позиции респондентов-предпринимателей в отношении того, насколько распространено взяточничество в российских судах. Ведь уверенность респондентов-предпринимателей в том, что взяточничество в российских судах есть в том или ином варианте, вполне согласуется с использованием ими в качестве источников информации о судах контакты с судами, сайты в сети Интернет, телевизионные программы и базы данных правовой информации. Уровень уверенности большинства предпринимателей в существовании взяточничества в российских судах вряд ли можно снизить только деятельностью сайтов в сети Интернет, телевидения и других СМИ.

Ответы на вопрос анкеты о том, готовы ли другие предприниматели давать взятки в судах, косвенно отражал уровень готовности самих предпринимателей признать взятки допустимыми в их собственных взаимодействиях с судами. Лишь явное меньшинство из них (13%) по тем или иным причинам категорически отказываются от дачи взяток в судах. Чаще всего предприниматели готовы давать взятки, если понимают, что других способов решений проблем нет (41%). Примерно четверть предпринимателей (27%) готовы давать взятки, будучи уверенными, что таким образом они полностью решат свои проблемы. Несмотря на чувствительность этого вопроса для респондентов, они фактически признаются, что примерно в четверти случаев готовы совершать уголовные преступления, если с помощью дачи взяток могут гарантированно решать свои проблемы в судах. Характерно, что примерно 16% предпринимателей, понимая, что, давая взятки, они совершают уголовные преступления, готовы участвовать в них только косвенно, через своих адвокатов, если они сами «все сделают».

Следовательно, немалые доли предпринимателей (от 15–16% до 40–41%) готовы давать взятки в судах для обеспечения решений своих проблем, и лишь явное меньшинство их не будут давать взятки, поскольку не захотят принимать участие в совершении уголовных преступлений (6%). По-видимому, признание взяток уголовно наказуемыми преступлениями не является значимым фактором отказа от дачи взяток в российских судах для предпринимателей.

Этот вывод подтверждается обобщенными данными ответов на вопрос о готовности предпринимателей давать взятки в российских судах. Действительно, большинство из них (65%)

указывают, что предприниматели готовы давать взятки в российских судах, и только 13% утверждают, что это не так.

Готовность давать взятки в судах не всегда может реализовываться в соответствующее действие. Поэтому респондентам-предпринимателям задавался далее косвенный вопрос о том, дают ли реально взятки в судах другие предприниматели. Оказалось, что этот косвенный вопрос явился очень чувствительным и более половины (51%) предпринимателей не стали на него отвечать. По-видимому, предприниматели в ответ на такой вопрос не хотели говорить неправду, но и высказать правду для них было невозможно даже при гарантиях анонимности анкетного опроса. А из полученных на этот вопрос ответов следует, что в среднем только примерно 10% предпринимателей не дают взятки в российских судах.

В совокупности данные проведенного исследования свидетельствуют о существовании взяточничества как социального явления в российских судах и об очень высоком его уровне. Этот вывод подтверждается результатами проведения фокус-групп с предпринимателями и гражданами, но его не признавали многие эксперты в полуформализованных интервью. По-видимому, в такой позиции у этих экспертов проявлялась корпоративная солидарность российских юристов, направленная на поддержание представлений в обществе о неподкупности судей. Но позиция граждан и предпринимателей иная: уровень взяточничества в российских судах очень высок, высок и уровень убежденности граждан и предпринимателей в существовании взяточничества в российских судах как социального явления.

Обобщения и рекомендации. В проведенном исследовании подтвердились многие теоретические положения социологии права. В частности вывод П. Бурдые о том, что одной из важнейших задач деятельности юристов является обеспечение согласия граждан на подчинение символической власти права, а также то, что соотношение сил между профессионалами, участвующими в судебном процессе, в значительной степени соответствует соотношению сил между их клиентами. Именно поэтому к богатым и известным гражданам в российских судах относятся чаще внимательнее и уважительнее, а судебные решения чаще принимаются в их пользу.

В соответствии с концепцией П. Бурдые судебная власть и представители других юридических сообществ препятствуют росту профессионализма граждан и предпринимателей

в понимании норм, правил и процедур деятельности судов. Очень многие граждане, не имея собственного опыта участия хотя бы в качестве зрителей в судебных разбирательствах, доверяют во многом искаженной информации о судебной власти, предоставляемой им СМИ, в частности постановочными телепрограммами о судебных разбирательствах. Среди предпринимателей существенно выше доля тех, кто пытается сформировать собственные представления о судебной власти и судебных разбирательствах. Но такое профессиональное отношение предпринимателей к судебной информации встречает со стороны судебной власти противодействие: сайты судов малоинформативны, сведения об аналогичных интересующих предпринимателей судебных разбирательствах, в частности о судебных решениях по ним, получить довольно сложно. Такие особенности взаимодействия судебной власти с гражданами и предпринимателями, в соответствии с концепцией П. Бурдые, являются закономерными, а не случайными. Но они прямо препятствуют современным требованиям к обеспечению высокого уровня публичности судебной власти.

И у граждан, и у предпринимателей позитивные оценки отдельных элементов судебных разбирательств преобладают над негативными, но это не приводит к формированию в сознании большинства и граждан, и предпринимателей интегральной позитивной оценки судебной власти. Об этом можно судить, в частности, по низкому уровню доверия судам, ведь, по данным проведенного исследования, полностью доверяют:

судам общей юрисдикции 13% граждан и 10% предпринимателей;

мировым судьям – 18% граждан и 14% предпринимателей;

арбитражным судам – 14% граждан и 13% предпринимателей.

Восстановление справедливости является одним из важнейших ожиданий от судебных разбирательств и граждан, и предпринимателей. По данным фокус-групп, один из критериев справедливости судебных решений с позиций граждан – это одинаковое его применение ко всем гражданам независимо от их социального статуса, а кроме того, смягчение или усиление наказания в соответствии с особенностями личности обвиняемого в уголовных процессах, ответчика – в гражданских процессах. Участники фокус-групп чаще всего связывали судебную власть с исполнением законов, которые должны быть справедливыми. Они признавали,

что сейчас в России суды в целом не способны обеспечить реализацию принципа законности, понимаемого ими как строгое, точное и повсеместное выполнение всех норм законодательства. В ответ на это профессиональное сообщество российских юристов предлагает понимание справедливости в судебных разбирательствах как исключительно равенство сторон судебных процессов, которое также не всегда соблюдается. Следовательно, запрос общества на справедливость судебных разбирательств и судебных решений юридическим сообществом нашей страны не реализуется.

Росту позитивных оценок качества правосудия и уровня готовности обращаться в суды для решений проблем граждан и предпринимателей могли бы способствовать в краткосрочной перспективе:

снижение репрессивности уголовного правосудия;

рост профессионализма и глубины разбора дел судьями;

вынесение судьями справедливых, обоснованных и понятных гражданам судебных решений;

расширение публичности судебной власти;

облегчение доступа к информации о работе судов гражданам и предпринимателям;

предоставление им возможности ознакомления с материалами уже состоявшихся судебных процессов.

Проведение правовой и судебной реформ: необходимость формирования социальных институтов. В более долгосрочной перспективе успех проведения правовой и судебной реформ в нашей стране будет определяться тем, будут ли сформированы новые для нашего общества социальные институты отношения и использования права и закона, а также деятельности судов и взаимодействия с ними граждан и предпринимателей.

Социальный институт (Social institution) здесь понимается как совокупность норм, предписаний и требований, связанных с определенной организационной структурой, посредством которых общество контролирует и регулирует деятельность индивидов в наиболее важных сферах общественной жизни. Социальные институты, как правило, являются исторически сложившимися устойчивыми формами организации совместной деятельности и взаимодействий индивидов. Институты не всегда осознаются индивидами, но регулируют их действия. А для обеспечения соблюдения норм, предписаний и требований социального института

в обществе, как правило, создаются и функционируют соответствующие социальные организации.

Соблюдение норм морали и нравственности не контролируют никакие организации, эти нормы индивидов вынуждают соблюдать их социальное окружение и усвоенные в ходе социализации стереотипы и ограничения поведения. Такие неформальные институты очень сильны, они нередко сильнее определяют поведение граждан и предпринимателей, чем формальные социальные институты, даже использующие разнообразные наказания, в том числе и уголовные, за нарушение формальных норм поведения. Неформальные нормы и правила, например нормы морали и нравственности, всегда сильнее регулируют социальную деятельность, чем формальные нормы, включая правовые и нормы законов.

Правовая и судебная реформы должны были изменить систему ценностей российских граждан. В частности существенно повысить как на уровне индивида, социальной общности, так и государства значимость ценности правового поведения и отношения к нормам законов как к способам решений проблем.

Граждане и предприниматели интерпретируют смыслы, сигналы и нормы, доводимые до них судебной властью и ее реформаторами в соответствии со сложившимися у них стереотипа-

ми социальных действий, адаптируют их, а не принимают в том виде, в каком они предлагаются реформаторами. Поскольку доводимые от реформаторов до граждан, предпринимателей и государственных служащих смыслы, сигналы и нормы не позволяли эффективно решать проблемы, происходило приведение их в соответствие со сложившимися социальными, культурными и хозяйственными практиками. В ходе проведения судебной реформы неформальные социальные институты оказались сильнее формальных, а в обществе и государстве расширилось оппортунистическое и коррупционное поведение по отношению к новым формальным нормам деятельности судебной власти.

Судебная реформа для достижения успеха внедрения в практику новых правовых норм должна вестись так, чтобы изменения формальных социальных институтов (норм законов и инструкций) подкреплялись изменениями неформальных социальных институтов. Для успеха правовой и судебной реформ органам власти необходимо обратиться к тем позитивным ценностям, которые уже рационализированы общественным сознанием, и поддержать их действием новых формальных институтов. Реформаторы должны действовать в соответствии не только со своими замыслами, но и в соответствии с эволюцией неформальных норм морали и нравственности в обществе.

Василий ТКАЧЕНКО

Суверенная бюрократия Украины: в зоне двойной периферии

27 апреля 2010 г. Верховная Рада Украины ратифицировала украинско-российский договор о продлении пребывания Черноморского флота РФ в Севастополе. Этот факт повысил интерес к украинской тематике у собравшихся в Ростове-на-Дону участников российско-украинского симпозиума по проблемам политической бюрократии и господствующих меньшинств. К тому же на работе симпозиума сказался и общий сдвиг в общественном мнении двух народов: если в 2008 г., по данным Левада-Центра и киевского КМИС, к Украине положительно относилось 37% россиян (плохо — 52%), то в 2010 положение претерпело сдвиг в лучшую сторону — хорошо к Украине уже относилось 52% россиян. Отношение украинцев к России более стабильно: в 2008 г. положительно были настроены 88% (плохо — 9%), а в 2010 г. — положительно 93% (плохо — 4%). И это не может не радовать: всегда лучше вести диалог и находить взаимопонимание, чем замыкаться в себе со своими предрассудками и предубеждениями.

В этом контексте привлек внимание факт комментирования российскими экспертами идеи объединения двух стран, которая, по социологическим опросам, более популярна среди украинцев (22%), чем среди россиян (14%). По словам генерального директора Информационно-политического центра по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве GZTRU А. Власова, гражданам Украины идея объединения двух государств оказалась милее, чем россиянам, но не в силу ностальгии по СССР, а «просто люди устали от окружающего бардака»¹.

С точки зрения украинцев, активизировавшийся украинско-русский диалог предполагает известную политкорректность. Проблема суверенитета является слишком болезненной для украинцев и их «суверенной бюрократии» в силу пребывания Украины в зоне «двойной периферии»: как по отношению к «центру миро-

системы» — Европе, так и по отношению к «полупериферии миросистемы» — России. В этой связи вопрос «двойной периферии» Украины и станет предметом нашего рассмотрения.

Становление суверенитета. Государственность Украины выстрадана целыми поколениями. Отсутствие таковой трагично отразилось на исторической судьбе украинского народа, и поэтому, вопреки всем перипетиям общественного развития за годы независимости, ныне постоянно растет количество наших сограждан, которые с гордостью говорят о своей Родине. Согласно социологическому проекту «Автопортрет Украины — 2010», они воспринимают Украину как самодостаточное независимое государство (77%), разделяя при этом понятия «государство» и «власть». Отношение к государству и государственности большей частью положительное, а к органам государственной власти и ее представителям — в большинстве случаев отрицательное. Объяснение тому — «украинцы считают, что политики сосредоточились на личном обогащении и погрязли в борьбе за власть».

С учетом неоднозначных событий последних лет, стоит напомнить российскому читателю некоторые вехи 18-летнего пути независимости Украины. Мы трезво осознаем, что утверждение государственности — это длинный и сложный процесс, который объединяет: 1) установление современных демократических институций; 2) создание элементов сложной рыночной экономики; 3) приобретение должного международного статуса и формирования надлежащей внешнеполитической линии в сложных условиях изменений в Европе и Азии. Отрадно отметить, что в каждой из этих сфер были достигнуты определенные успехи.

Путь к полноценной независимости оказался нелегким. Еще в 1994 г. в докладе американских разведывательных служб под названием «Украина: нация в опасности», высказывалось сомнение относительно возможности существования независимой Украины в ближайшие

¹ См.: <http://www.gzt.ru/print/293233.html>.

десять лет. Скептическое отношение к перспективам Украины объяснялось такими факторами: тесные этнические, языковые и религиозные связи Украины с Россией; слишком краткая история существования Украины как независимого международного субъекта; значительный процент населения российского происхождения; тесные связи украинской политики, экономики, армии с Россией как наследие советского периода¹. Ныне вопрос так не стоит — Украина сформировала независимые (хотя и несовершенные) государственные институты и получила широкое международное признание. Мы не видим ничего удивительного в том, что становление украинской идентичности формировалось путем позиционирования себя по отношению к России так же, как и становление российской идентичности — в значительной мере позиционированием по отношению к Украине. В интересах обеих стран избавиться от комплекса «старшего» и «младшего» брата, навязываемого в советские времена. Процесс этот непрост и весьма деликатен: главное здесь — не опуститься до этнофобии.

Украина достигла значительного прогресса в сфере свободы слова. Согласно оценке международной организации «Freedom House», Украина в 2005 г. получила рейтинг «свободной», как и Прибалтийские страны. Украинские СМИ стали более сбалансированными и профессиональными, хотя некоторые газеты и телевизионные каналы по сей день проводят такую редакционную политику, которая может исказить изложение новостей. Однако эта политика осуществляется именно издателями, а не правительственными чиновниками.

За прошедшие годы Украина внедрила важные элементы рыночной экономики. Теперь рынки, а не плановики в центре, определяют цены на большинство товаров и услуг. Границы Украины открыты для международных торговых потоков. Западноевропейские и российские банки приобрели значительные пакеты акций украинских банков. После невиданной инфляции, которая достигла в 1993 г. 10 000% годовых, Украина создала сравнительно стабильную национальную валюту и снизила индекс инфляции до допустимого уровня. Большинство предприятий было приватизировано, и частный сектор формирует свыше 65% ВВП, тогда как еще в 1991 г. этот сектор, согласно оценкам Европейского банка реконструкции и развития, составлял всего 10%.

¹ См.: Центр стратегічних і міжнародних досліджень. Україна: оцінка шістнадцяти років незалежності. Лютий, 2008. С. 2.

Однако с оценкой приватизации не все так просто и однозначно. Первые десять лет зафиксировали падение производства, вследствие чего ВВП Украины снизился до 40,8%. В последующие девять лет наблюдался рост производства, но ВВП достиг лишь 74,1% от уровня 1991 г. Главной причиной неэффективности общественных изменений стала извращенная система политической власти с доминированием групп влияния и жесткой конкурентной борьбой между ними, превращением государственных органов в средство получения специфической ренты «на власть». Подобный характер организации власти привел к взрыву коррупции, расширению теневых и даже криминальных процессов в экономике и управлении, спровоцировал разрушение фундаментальных ценностей украинского общества².

Проблемой украинской экономики остается большая зависимость от импорта источников энергии: свыше 75% природного газа, 80% нефти и 100% ядерного топлива доставляются только из России или через Россию. По мнению экспертов, в случае успешного освоения ресурсов нефти и природного газа (на суше и шельфе), больших залежей угля и наилучших в Европе перспектив добычи метана из угольных пластов, рационального использования четырех атомных электростанций с 15 реакторами Украина могла бы вдвое уменьшить свою зависимость от импорта энергоносителей.

В 1992 г. Украина отказалась от предложения России относительно подчинения Украинской армии Вооруженным силам СНГ. На территории Украины нет иностранных войск, чье пребывание не допускается и не регулируется международными и украинскими законами. Черноморский флот России базируется на украинской территории в морской базе Севастополь и других пунктах в Крыму на основании договора об аренде. В январе 1994 г. Украина подписала заявление трех сторон и согласилась передать России стратегические ядерные боеголовки, унаследованные от Советского Союза, для дальнейшего уничтожения (этот процесс был завершен в 1996 г.). США, со своей стороны, помогли Украине ликвидировать межконтинентальные баллистические ракеты, пусковые ракетные установки и стратегические бомбардировщики. Присоединившись в 1994 г. к Договору о нераспространении ядерного оружия как неядерное государство, Украина полу-

² См.: Соціально-економічний стан України: наслідки для народу та держави: національна доповідь / За заг. ред. В.М. Гейця. К.: НВЦ НБУВ, 2009. С. 6.

чила официальные гарантии безопасности от США, Великобритании и России относительно своей независимости, суверенности и территориальной целостности. Соответствующий Будапештский меморандум обязал стороны, которые подписались, воздержаться от угроз или использования силы, а также от экономического давления, что могло бы угрожать суверенному статусу Украины. Вскоре Украина получила такие же гарантии от Франции и Китая.

Все это свидетельствует о том, что после получения формального суверенитета фактическое достижение политического суверенитета стало одним из самых важных успехов Украины. Ныне возродились активные двусторонние отношения между Украиной и Россией на уровне президентов, премьер-министров и представителей правительств в рамках Российско-украинской межгосударственной комиссии. Украинская власть засвидетельствовала свое намерение сохранить контроль над системой трубопроводов до того времени, когда можно будет произвести открытый и прозрачный тендер и работать с «Газпромом» России на взаимовыгодных условиях. Обозначенные тенденции дают основания считать, что связи между нашими странами развиваются в направлении сбалансированной взаимозависимости.

В развитии России и Украины по пути либерализации можно увидеть много общего, но есть и отличительные особенности. Если сравнивать сейчас две страны на предмет перехода к новым правилам игры, то необходимо признать, что формирование рыночных отношений в России происходит значительно быстрее. И это понятно: в России была для этого более могучая ресурсная база. Да и кадровый потенциал был посильнее, чем в Украине. В результате Россия сегодня имеет значительно более развитый фондовый рынок и банковский сектор, больше денежно-финансовых инструментов и могущественных международных корпораций. Это факт приходится учитывать украинской стороне как при формировании двусторонних отношений, так и позиционируя себя в современном глобализированном мировом сообществе.

Суверенная бюрократия в ступоре. За годы независимости Украина развивалась отнюдь не по восходящей прямой, а сталкиваясь постоянно с проблемами и трудностями. Следует признать продуктивность периодизации, предложенной руководителем программы для России и Евразии Королевского института между-

народных дел Дж. Шерром (Великобритания)¹. По его мнению, после распада СССР Украина пережила три наиболее важных этапа становления своей государственности. Наиболее значимый – провозглашение независимости в 1991 г. Однако определяющим вопросом первых лет независимости был такой: сможет ли Украина уберечь независимость, не говоря уже о территориальной целостности и нерушимости границ.

Второй этап приходится на весну и лето 1997 г. Три тесно связанные события – заключение Договора об особом партнерстве между Украиной и НАТО, заключение межгосударственного соглашения между Украиной и Российской Федерацией и подписание трех межправительственных соглашений о Черноморском флоте – содействовали преодолению неуверенности раннего периода независимости и становлению страны как признанного, самостоятельного игрока в Европе. Но каким именно игроком будет Украина? То, что она останется суверенным и независимым государством, вроде бы уже не подлежало сомнению, хотя и оставался открытым вопрос, насколько демократичным, социально ориентированным и правовым государством она будет.

Третий и самый драматичный этап – «оранжевая революция» – казалось бы, вносил какую-то определенность в ситуацию. Истоки этой революции не вызывают сомнений. Олигархическая корпоративизация общества наглядно продемонстрировала к тому времени свою обратную сторону: законодатели и чиновники стали бизнес-партнерами, набирала силу торговля полномочиями, льготами и возможностями. В этот коммерционно-политический рынок не могли не быть включены суды и вся правоохранительная система. Общественный процесс стал приобретать противоречивые и болезненные формы. Все это и вылилось в длительный политический кризис, который породил феномен Майдана с его искренними надеждами широких масс населения на улучшение жизни. Присутствовали, конечно, и иллюзии о пришествии «мессии», который заключит новый общественный договор между народом и властью, а также возложит на себя бремя ответственности за общественные преобразования. Иллюзии этой незрелой демократии вскоре рассеялись, а ко времени первого распада «оранжевой коалиции» 2005 г. власть наглядно засвидетельствовала свою деструктивность.

¹ См.: Шерр Дж. Політика національної руйнації // Дзеркало тижня. 2008. 2–8 серпня. С. 1, 4.

Характер работы властных структур уже в 2008 г. показал, что страна достигла четвертого критического этапа, который можно определить как паралич государственных структур. В полной мере назрел вопрос: когда же и каким образом Украина сможет преодолеть этот политический ступор, какой вред за это время будет нанесен ее экономике, реформам и международному положению? Станет ли паралич всеобщим, как в Польше времен *Liberum Veto* (1652–1791), или во Франции в последнее десятилетие Третьей республики (1870–1940)? Не потеряет ли Украина способность воспринимать надлежащим образом региональные и глобальные факторы, которые воздействуют на нее, и эффективно влиять на них? Другими словами, останется ли она все-таки субъектом или скатится к уровню объекта международных отношений?

Стоит ли удивляться, что в ответ на ситуацию политического паралича в европейских кругах стали даже обсуждать вопрос, какой термин применять относительно Украины – «государство» или «страна», – что свидетельствовало о понимании Европой отсутствия надлежаще консолидированной элиты в Украине и ответственности ее государственных органов власти. Например, президент Проекта переходных демократий Б. Джексон (США) откровенно заявил, что «никто в Верховной Раде не подотчетен украинским избирателям... Это характеристика незрелой и безответственной политической номенклатуры». Именно это и является основной причиной того, что «Украина постоянно пребывает в кризисе. Откровенно говоря, это постоянный феномен. Время идет, и это становится обыденным и скучным. Я имею в виду то, что мир больше не реагирует на политическую нестабильность в Украине. Это уже стало своего рода рутиной»¹.

В этой ситуации украинской суверенной бюрократии уже мало в чем мог помочь поиск «внешних врагов», которые, дескать, уже в который раз стоят на пути создания полноценной украинской государственности. Необходимо было набраться мужества и признать: эти вопросы обусловлены причинами внутреннего характера, на них невозможно ответить без осуществления внутренних перемен. Уже сам факт массового участия граждан Украины в «оранжевой революции» и событиях, которые ей предшествовали, свидетельствовал о разрыве между характером и приоритетами гражданского об-

щества, которое постепенно зреет, и правящим классом страны. Рядовые украинцы вышли на площади в надежде на утверждение демократии и построение социально ответственного государства, которое бы преодолело резкую социальную дифференциацию общества. Но дальнейшие события показали, что разрыв между гражданским обществом и правящим классом не уменьшился, а, наоборот, увеличился.

Проведя деструктивную для Украины «чистку» низовых звеньев государственного аппарата, когда было уволено до 20 тысяч «кучмистов», сама «оранжевая революция» удивительно мало повлияла как на кадровый состав верхушки властных структур, так и на их менталитет и поведение. Стало понятно, что личные цели и борьба за власть, как правило, превалируют в украинских правящих кругах над национальными интересами. Политическую напряженность в обществе усиливали: недейственность правовой системы и некомпетентность государственных структур; отсутствие подотчетности и прозрачности в гражданской и публичной сферах; умение властей увертываться от решения актуальных проблем и одновременно пользоваться ситуацией для удовлетворения собственных интересов. Как заявил директор Института экономики и прогнозирования НАН Украины В. Гец на правительственном «круглом столе» 28 апреля 2009 г., «любые антикризисные меры правительства обречены на неудачу, поскольку в обществе превалирует тотальное недоверие к государственным институтам, которые оказались неспособными эффективно исполнять свои функции». Не радуют и прогнозы на ближайшее будущее. Поскольку из 133 значительных государств лишь 20 за последние 50 лет смогли несколько сократить отставание от «большой двадцатки», то Украина среди отстающих столкнулась с угрозой скатиться к уровню тех 43 государств, которые попали в полную зависимость от транснациональных и региональных корпоративных кланов².

Сможет ли преодолеть это положение дел новая власть, которая стала заложником обстоятельств, пока что остается под вопросом. Налицо ситуация биполярного противостояния двух политических группировок, которая тревожит представителей большого бизнеса. Принимая во внимание сложные маневры, которые ныне осуществляются внутри украинского правящего класса, в частности попытки избежать

¹ Цит. по: *Сирук Н.* О незрелости и безответственности // *День*. 2008. 18 ноября. С. 1.

² См.: Антикризисным мерам правительства прочат провал из-за недоверия народа // http://rus.newsru.ua/ukraine/02may2009/geecz_print.html

проведения внеочередных выборов в Верховную Раду, идут поиски компромиссов с целью перераспределения власти в интересах различных финансово-промышленных групп с учетом их внутренних и внешних ориентаций.

Бюрократия и национальная идентичность. Подлежит переосмыслению и само понимание суверенитета. То понимание государственного суверенитета, которое сформировалось после Вестфальского мира 1648 г., или государственно-национального суверенитета как следствия Французской революции 1789 г., хотя все еще вызывает пиетет некоторых представителей украинского политикума, давно уже стало достоянием истории. Нынешняя суверенная бюрократия, определяясь в своей национальной идентичности, вынуждена учитывать, что жить в условиях глобализации и быть независимой от многоярусной системы идентификации невозможно. Для обеспечения безопасности страны ныне выстраивается многоярусная система идентичности, составными частями которой являются глобализм и регионализм как воплощение более широких политических и экономических ансамблей. Одновременно утверждают себя субнациональные сообщества (этнические и др.), в той же мере, как и транснациональные (в пределах религий, социальных классов). Эти факторы накладываются на государственный национализм той или другой постсоветской страны (отстаивание национальных интересов), так что, в конечном итоге, устанавливается такое соотношение факторов, которое если и не гарантирует зримого прогресса, то, во всяком случае, обеспечивает определенную общественную и национальную безопасность страны.

Что касается нынешней Украины, прежде всего, следует учитывать, что идентичность (национальная и любая другая) является не только продуктом самоутверждения, она должна быть признанной другими в контексте международной легитимности. Эта идентичность связана не только с гражданством или стремлением к определению географических границ и территорий, а и с членством в определенном региональном политическом содружестве, с определенными глобальными обязательствами.

Итак, исследуя процессы в украинском обществе, мы не можем не учитывать как общие закономерности формирования суверенной бюрократии, так и особенности украинского ландшафта. Как отмечает профессор Северо-западного университета (Чикаго) Г. Дерлугьян,

любые ландшафты «наполнены социальными сетями, классами, статусными группами (идентичностями), политическими движениями, государственными учреждениями и капиталистическими организациями и не в последнюю очередь конкретными людьми, действующими в насыщенном историческом контексте по своему культурно-обусловленному разумению»¹. Поэтому стремление создать какую-то идеальную модель социально обустроенного общества, которому бы соответствовала «нормальная» и «настоящая» бюрократия, выглядит весьма спорно.

Так, например, в дискурсе Украины относительно путей дальнейшего развития часто речь идет о четырех типах современного капитализма – олигархическом, государственном, организаторском (институализированном), и предпринимательском. При этом олигархическая форма характеризуется как наиболее примитивная, порождающая глубокое социальное расслоение и имущественный разрыв. Есть понимание того, что при олигархическом капитализме, как правило, игнорируются общенациональный интерес и задачи экономического роста страны, а во главу угла ставится личное обогащение узкого круга семейств. К сожалению, по этому, типично латиноамериканскому пути, судя по всему, пока что следует и Украина. Россия оценивается у нас как страна, которая стремится поменять латиноамериканскую модель на модель южнокорейскую и даже добилась определенных успехов на этом пути. Большой организаторский капитал Западной Европы и Японии оценивается весьма положительно, однако указывается на чрезмерную роль бюрократизации экономики и боязнь рисков коммерциализации новаторских решений. И наконец, предпринимательский капитализм США, по мнению экспертов, более всего благоприятствует расширению горизонтов производства за счет смелого и радикального новаторства.

Как нам представляется, было бы наивно предполагать, что, находясь на фазе олигархического корпоративизма, Украина имеет значительные шансы свободного цивилизационного выбора и радикального перехода к более зрелым формам общественного устройства. Здесь, очевидно, приходится считаться как с исторически накопленным опытом (а часто с отсутствием такового), так и с наличием/отсутствием необходимых человеческих и природных

¹ Дерлугьян Г. Суверенная бюрократия: тезисы к изучению властвующий элит // Политическая концептология. 2009. № 4. С. 142–143.

ресурсов. В условиях глобализации приходится принимать во внимание и расклад международных сил, и соответствующие главным мировым игрокам правила игры. Этот факт особенно актуализирует болезненную для Украины проблему суверенитета как главную проблему любой новопровозглашенной страны, поскольку капитал должен быть прочно укоренен как на уровне статусных групп Украины, так и на уровне межгосударственном.

Эти факторы и задают определенные контуры того поля, в котором (и только в котором до достижения определенной степени зрелости!) Украина может дрейфовать в ту или другую сторону. Для понимания возможностей и пределов подобного дрейфа Украины весьма полезной, на наш взгляд, может оказаться гипотеза миросистемного уровня И. Валлерстайна и Дж. Ариги с отличительными условиями *ядра миросистемы* и ее *периферии*. Здесь важно иметь в виду, что в нынешнем мире ядро современной миросистемы располагает мощной ресурсной и инфраструктурной силой капиталистов, а также высоко эффективным аппаратом координации. Напротив, на периферии государства крайне слабы, поскольку эффективные государства там не просто непомерно дороги, но и потенциально, в случае политической революции, грозят экспроприацией местных элит.

Конечно же, Украину приходится рассматривать лишь в контексте периферии, где, в силу обострения социальной напряженности и неустойчивости государственного строя, капитал чувствует себя весьма неуверенно. Достаточно вспомнить факт, когда после «оранжевой революции» рассматривались возможности реприватизации сначала 30 тысяч предприятий, а потом не менее 3 тысяч. В итоге, хотя обошлись реприватизацией только «Криворожстали», отечественный бизнес был не на шутку напуган. И для этого были основания, которые, учитывая наличие довольно сильных уравнительных настроений в украинском обществе, остаются в силе.

Например, известный в Украине доктор экономических наук В. Черняк (в прошлом член межрегиональной группы последнего депутатского корпуса СССР) акцентирует внимание на необходимости «осуществить демонтаж плутократично-олигархического капитализма, суть которого состоит в том, что криминально-клановая система, оседлав финансовые потоки, контролирует государство и процесс производства, обмена, распределения и потребления общественного продукта». В результате их хо-

зяйственной практики в Украине стала недопустимо высокой концентрация национально-богатства в собственности узкого круга лиц, разительная дифференциация доходов, бедность и нищета широких кругов населения. По масштабам бедности Украина относится к тройке самых бедных стран Европы (Молдова, Албания и Украина). Схематично структура богатства в Украине выглядит примерно так: 5% – так называемой элиты владеют 65% всех богатств; 60% народа владеют 5% богатств; средний класс (35% населения) владеет 30% богатств¹.

Оценивая ситуацию в Украине, лауреат Нобелевской премии в области экономики Дж. Стиглиц (США) указывал на два родовых прегрешения суверенной бюрократии: отсутствие верховенства права и плохо проведенная приватизация. Распределение государственной собственности через «квазигегальные» или полностью криминальные механизмы привело к тому, что нынешние нувориши вынуждены опасаться за судьбу своих миллиардов, а потому пытаются не реинвестировать их в своей стране, а быстро перевести за границу. Поступая так, «олигархи пользуются преимуществами обоих миров: неприкасаемостью прав частной собственности за границей и слабыми местами закона в своих странах»².

Попытки некоторых правительственных чиновников бороться с тотальным ограблением страны и вездесущей коррупцией заканчивались, как правило, их отставкой. В среднем за 18 лет независимости сменилось 20 составов правительства, и сейчас у власти находится 21-е правительство под руководством Н. Азарова. В силу недолговечности правительств каждое из них вынуждено было работать в режиме «от бюджета до бюджета», практически не уделяя внимания вопросам стратегического планирования и модернизации. Как следствие – правительственный контроль над общественными процессами практически был блокирован, что и помогло украинским олигархам обогатиться и войти в круг европейской элиты. В то же время Украина занимает последние места в Европе по уровню зарплат и социального обеспечения. Понимание отсутствия перспектив латиноамериканского пути для Украины стало настолько общим местом в общественном мнении, что президент В. Янукович провозгласил демонтаж «дикого капитализма» одной из центральных

¹ См.: Черняк В. Посткризисная экономика: как построить капитализм «с человеческим лицом»? // День. 2010. 25 марта. С. 5.

² Цит. по: Княжанский В. Охотники за рентой. Может ли прийти к власти в Украине популистский диктатор? // День. 2006. 30 мая.

задач новой власти. Сто дней правления нового президента еще не прошло, а потому удержимся от комментариев относительно перспектив решения обозначенных проблем.

Обреченность на периферию? Конечно, проблема бедности затронула не только Украину — это глобальная проблема. Однако в странах организованного капитализма социальной напряженности удается избегать. Как справедливо отмечает Г. Дерлугьян, «в ядре капиталистическая олигархия кооперируется и действует заодно, а на периферии олигархи постоянно дробятся и жестко интригуют друг против друга, по ходу не позволяя оформиться сильной власти, чтобы не попасть под нее. Это согласуется с общим положением миросистемного анализа о том, что ядро есть зона комфортабельной монополизации рынков, где ресурсов, как правило, достаточно всем крупным участникам рынка и возможно договорное, более цивилизованное поведение. Периферия же есть зона, откуда ресурсы утекают, поскольку нет силы их удержать, отчего рыночная и политическая конкуренция приобретает жесткий характер, вплоть до взаимного уничтожения» (Здесь и дальше курсив наш. — Авт.)¹. По нашему мнению, характеристика периферии полностью относится к Украине и объясняет жесткость политической борьбы между финансово-промышленными группами.

Возможности свободного дрейфа Украины ограничиваются еще и тем, что она попадает в зону влияния промежуточной зоны полупериферии, к которой относится Россия. Для Украины все четче просматриваются основные черты формирования своеобразной «двойной периферии». С одной стороны, в плане экономическом и идеологическом, к периферии «старая Европа» относит весь постсоветский регион, где Россия, впрочем, играет роль своеобразной полупериферии. С другой стороны, в плане политическом и военном, большая часть постсоветских стран, а отныне и Украина, превращается в периферию, подконтрольную российским интересам. Европа уже длительное время не скрывает своей «усталости» от безвластия в Украине, хотя час от часу подбадривает обещаниями активного сотрудничества в рамках Восточного партнерства. Вместе с тем последние события, связанные с газовыми договоренностями между Россией и Украиной, а также с продлением срока аренды морской базы Севастополя на 25 лет, наводят на мысль о значительном совпадении интересов «старой Европы» и Кремля.

¹ Дерлугьян Г. Указ. соч. С. 145.

Складывается следующее впечатление о таком раскладе: российские войска берут на себя гарантии безопасности газопроводов и защиты Запада от нежелательных последствий со стороны исламского мира, а Европа, со своей стороны, идет на признание российской военной мощи, расширяя одновременно экономическое сотрудничество. Более того, в Европе все чаще слышатся голоса в пользу превращения НАТО в реальную систему европейской безопасности, которая бы включала Россию. К этой дискуссии активно приобщается и Россия. Судя по всему, не уйти от этой дискуссии и Украине, во всяком случае, она обозначилась во время визита В. Януковича в Москву.

Из этого следует, что на ближайшие несколько лет *поле какого-то самостоятельного маневра Украины на пути к цивилизационному выбору будет крайне ограниченным*. Более того, здесь даже намечаются определенные рамочные условия. С одной стороны, отмечает директор Национального института стратегических исследований А. Ермолаев, «в украинском обществе сегодня существует молчаливый консенсус относительно европейского цивилизационного выбора. Украинцы хотят жить, как в Европе, видеть свои институты такими же развитыми, полноценными и состоятельными, как в ЕС». Но, с другой стороны, европейский выбор нельзя отождествлять лишь с вхождением в Европейский союз по той простой причине, что Европа XXI в. — это более сложный феномен, нежели просто ЕС. В итоге, видимо, следует принять как факт, что Украина в ближайшие годы останется лишь восточным соседом Евросоюза, имея сбалансированные и ровные отношения с Россией².

Исходя из этого Украине в краткосрочной перспективе будет, скорее всего, суждено постепенно подтягиваться к системе норм и ценностей, исповедуемых центральными игроками клуба полупериферийных государств, которые бы предоставили ей шанс в будущем быть в той или иной мере встроенной в социальное сообщество основных игроков. Тенденция в этом клубе игроков однозначная: «активистские, классически государственнические бюрократии возникают в промежуточной зоне полупериферии (точнее, на внешнем периметре ядра, в странах типа Германии, Италии, России и Японии), где видится надежда догнать капиталистических лидеров, но приходится группироваться и концентрировать

² См.: Операция «мозговой трест» // День. 2010. 11 марта. С. 4.

ресурсы, нередко насильственно»¹. Таким образом, дальнейшая эволюция корпоративно-олигархического режима в Украине, судя по всему, будет тяготеть к эволюции в сторону государственно-бюрократического корпоративизма, характерного ныне для России. Во всяком случае, в первых шагах нового президента В. Януковича просматривается именно это направление.

К бюрократическо-олигархическому корпоративизму? Какие последствия это может иметь для Украины? Трудно судить со стороны – может быть, государственно-бюрократический корпоративизм и представляет собой острую проблему для общественно-политической жизни России. Но для Украины переход от олигархического корпоративизма к государственно-бюрократической его разновидности, на наш взгляд, может быть определенным благом после длительного периода «войны всех против всех». Без излишней апологетики бюрократизма следует все-таки признать, что это сложное явление нельзя воспринимать однозначно, как некое зло или благо: бюрократия – лишь механизм, предназначенный для координации общественных ресурсов и усилий. И если есть для Украины проблемы в этой сфере общественной жизни, то они лежат как раз в плоскости острого дефицита эффективных, инфраструктурно сильных аппаратов, способных генерировать и распределять общественные блага в виде массового индустриального строительства, здравоохранения, образования, городского транспорта и надлежущего коммунального хозяйства.

Например, в важности этой проблемы киевляне могли наглядно убедиться при абсолютном пренебрежении городских властей к их жизни и быту. Вместе с тем неудачные попытки переизбрания мера города Киева наглядно показали, что неэффективность действенной мобилизации киевлян была в значительной степени определена отсутствием у оппозиции четко сформулированной и высокоморальной идеологической платформы, способной выдвигать общественно востребованные ценности и задачи. А именно здесь и должна была находиться точка пересечения интересов общества и бюрократической элиты. При отсутствии большой легитимной сверхзадачи, в которую могли бы вписываться личные карьерные амбиции бюрократического аппарата, неминуемо возобладают частные и ведомственные узкоко-

рыстные интересы, подрывающие воспроизводство общественных структур и приводящие к деградации материальной и человеческой инфраструктуры. В итоге на выборах мэра Киева наиболее действенной агитацией послужили продуктовые пайки с гречкой и консервами, которые раздавали малоимущему населению. Массы пенсионеров, потянувшиеся на избирательные участки, послужили, таким образом, охлократическим прикрытием олигархической власти.

Длительное отсутствие в Украине политической определенности и массовое недоверие граждан ко всем ветвям власти (да и политическим партиям, количество которых давно уже превысило полторы сотни) настолько деформировали социальную ткань общества, что применение любых моделей социального развития или экономических законов неизбежно приводит к такому же деформированному результату. К тому же бюрократический аппарат часто выхолащивает сущность, казалось бы, безукоризненных документов. Например, 14 сентября 2006 г. Украина ратифицировала Европейскую социальную хартию, присоединившись к 27 статьям и 74 пунктам Хартии, чем якобы подтвердила свой европейский выбор. Правда, с одной маленькой поправкой – не ратифицировала пункт 1 статьи 2 Хартии, который провозглашает право всех работников на зарплату, которая обеспечивает достойный образ жизни². Оно и понятно: за отсутствием богатых недр (нефть, газ, лес), украинские олигархи могут наживать несметные богатства лишь за счет сверхэксплуатации народа. Как следствие в предкризисном 2008 г. 28% населения относилось к категории бедных, а 15% – к нищим. Конечно, за годы кризиса положение не улучшилось. Ирония судьбы состоит в том, что бедность продолжает быть распространенным явлением именно среди населения, которое работает. В то же время совокупные денежные доходы 100 самых богатых людей Украины (без учета иностранных активов), составили 70 млрд. дол. США – около 66% ВВП Украины³. В 2008 г. определилась тенденция обеднения 90% населения за счет обогащения только наиболее обеспеченных 10% населения. Все это сказывается на самочувствии людей. Впрочем, в августе 2009 г. только 4% опрошенных считали, что их доход выше среднего по Украине. Большинство же оценивают свое материальное положение как среднее

¹ См.: Дерлугьян Г. Указ. соч. С. 145.

² См.: Україна в 2005–2009 рр.: стратегічні оцінки суспільно-політичного та соціально-економічного розвитку. К., 2009. С. 158.

³ См.: там же. С. 160–162.

(46%) или ниже среднего (32%), а 18% считают свой доход низким¹.

Вывод напрашивается сам собой: в Украине необходимо задействовать шкалу налога с физических лиц с максимальной ставкой на высокие доходы. В парламентских комиссиях на эту тему идут даже оживленные дебаты. Но реального проку пока что не чувствуется. Зато налицо дрейф капитала в тень. По оценкам Мирового банка в июле 2007 г., неформальный теневой сектор в экономике Украины достигал 50% официального ВВП (критическим для страны на Западе считается теневой сектор на уровне 15–35% ВВП). Финансово-экономический кризис, с одной стороны, и президентская кампания, с другой, привели к тому, что уровень «теневизации экономики», по мнению некоторых экспертов, достиг 60% ВВП. А это уже является угрозой национальной безопасности государства в целом².

Обозначенные выше тенденции могут усилить в Украине тоску по «сильной руке». Сегодня в больших городах страны в теневом секторе экономики формируется средний класс с доходами от тысячи американских долларов и выше. Парадокс состоит в том, что только в теневом секторе экономической активности украинцы и получают надлежащее вознаграждение и достойное признание своего труда и таланта. Работа этого контингента населения оплачивается преимущественно в валюте и «в конвертах». Таким образом, эти люди поставлены в условия «конспирации», а в итоге искусственно выводятся за пределы транспарентной общественной жизни, не ощущая того достойного отношения к себе, на которое могли бы рассчитывать. Теневая экономика деформирует социальную структуру общества, размывает его морально-нормативную культуру, нагнетает политическую напряженность. Именно в этой агрессивной среде и формируется ныне тот средний класс в Украине, который в не столь отдаленной перспективе может послужить основой формирования бонапартистского режима.

Как показывают исследования Всеукраинской социологической службы, люди устали. Сегодня их тревожат прежде всего такие наболевшие проблемы, как «рост цен» (64% опрошенных); «низкий уровень зарплат и пенсий» (51%); «рост безработицы» (42%); «медицинское обслуживание» (37%). Именно на эти вопросы

желают люди услышать внятные ответы, а не на те, которые искусственно драматизируются во время избирательных кампаний. Так, вопрос о придании русскому языку официального статуса интересовал 11% опрошенных, о вступлении Украины в ЕС и НАТО — 6%, а о принятии новой Конституции — лишь 4%.

Как можно полагать после всего сказанного, Украине в отсутствие консолидированного гражданского общества суждено пройти непростую и, видимо, чреватую осложнениями фазу превращения откровенно олигархического корпоративизма в его бюрократическо-олигархическую разновидность. Другими словами, бюрократия из инструмента управления олигархов должна в определенной мере преобразоваться в управляющую силу, *осуществляющую практику использования разнообразных способов вмешательства в дела бизнеса с целью сделать его хоть в какой-то мере социально ответственным*. Только на пути расширения сферы государственного (бюрократического) контроля в осуществлении экономической и социальной регуляции украинская бюрократия имеет шанс стать силой, цементирующей общество и определяющей направление его развития. И только на пути решения наболевших социальных проблем сможет сформироваться какой-то социальный капитал доверия и справедливости. Иного на сегодня не дано. Если это не будет достигнуто, геополитическое пространство Украины будет тяготеть к тому, чтобы стать линией разлома в международной системе, а в сфере внутренней жизни превратиться в источник великих потрясений, интриг и разногласий.

Однако прав был Леонид Данилович Кучма: «Украина — не Россия». Как подчеркивается в упоминаемом выше проекте «Автопортрет Украины — 2010», украинцы, несмотря ни на что, не сомневаются в ценности демократической власти. Более 60% опрошенных социологами считают, что именно такая власть нужна нашей стране на современном этапе ее развития. Сторонниками того, что власть в Украине должна быть «точно авторитарной», являются на сегодняшний день менее 15% украинцев³. Беда лишь в том, что дело установления демократии и социальной справедливости население перекладывает на «сильную руку». Видимо, и эту хворь Украине предстоит еще пережить.

¹ См.: Соціально-економічний стан України... С. 264–269.

² См.: там же. С. 185–188.

³ См.: <http://www.otechestvo.org.ua/main/20104/1331.htm>.

Зоны социального напряжения в российском обществе

Анна МОРГУНОВА

Миграция. Проблема?

Как социальное явление миграция переживает в последние несколько десятилетий существенные трансформации. Они стали следствием неравномерного развития регионов в мировом масштабе, изменений экономического взаимодействия государств, а также перемен в глобальном информационном пространстве.

Для данной статьи является непринципиальным как трактовать миграцию: в узком смысле слова, т. е. как «законченный вид территориального перемещения, завершающийся сменой постоянного места жительства, т. е. в буквальном смысле слова представляет собой переселение»¹ или в широком смысле — как «территориальное перемещение, совершающееся между разными населенными пунктами одной или несколькими административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности»². Под миграцией мы будем понимать любые перемещения внутри страны, в том числе маятниковые миграции, а также иммиграцию в Россию, за исключением туризма.

Важно отметить, что миграция несет определенные функции, основными из которых являются «ускорительная (т. е. развитие населения), перераспределение населения, селекция, экономическая и социальная функция»³. Таким образом, миграция как процесс затрагивает все сферы общественной жизни: от воспроизводства населения и заселения территории, прямого влияния на экономические показатели, культуру и искусство до проблем безопасности и развития общества.

Рассмотреть миграцию как проблему является важным, на наш взгляд, потому, что уменьшение количества населения, особенно трудоспособного, и увеличение числа пенсионеров, а также низкий уровень рождаемости и высокая смертность не оставляют россиянам выбора демографической политики: «Иммиграция становится в ряд важнейших факторов развития России в перспективе. От того, насколько страна справится с задачей привлечения необходимого количества иммигрантов, зависит не только численность ее населения и его структура, но и темпы экономического развития, уровень жизни населения, региональные пропорции развития, размеры страны и ее целостность»⁴.

В данной статье мы попытаемся проанализировать, какие процессы в политике, в том числе миграционной, и в обществе консервируют и блокируют проблематизацию миграции и препятствуют тому, чтобы тема миграции выходила в публичное поле. Для этого мы рассмотрим различные аспекты того, как формулируется миграционная политика в России и как это отражается в законодательстве, на политическом уровне, в культуре и в общественном мнении.

Миграционная политика. После распада Союза миграция в России стала во многом стихийным процессом, особенно в первой половине 1990-х. Трансформации проводимой в России политики постепенно упорядочивали миграционные процессы в стране. Тем не менее, с высоких трибун одновременно декларировались и отеческая забота обо всех приезжих из бывших советских республик, и негативное отношение

¹ Рыбаковский Л. Миграция населения. М., 2001. Вып. 5. С. 19.

² Там же.

³ Там же. С. 21–22.

⁴ Социальное и демографическое развитие России. Каирская программа действий: 15 лет спустя. М., 2010. С. 162.

к «понаехавшим тут». Некоторое время постсоветская Россия стала «приемной» страной для жителей многих союзных республик, а также для беженцев. Первоначально неразбериха в сфере миграционного законодательства и отсутствие регулирующих документов, а также сложившиеся практики позволяли мигрантам проживать на территории страны в надежде все-таки получить когда-нибудь весь пакет необходимых документов. Постепенно миграционная политика разрабатывалась, отношения между мигрантами и государством менялись: снисходительное отношение со стороны государственных чиновников к отсутствию у мигрантов необходимых документов стало иным после разработки и принятия законов, обязательных к выполнению как мигрантами, так и чиновниками. Несмотря на регулярное принятие законодательных и подзаконных актов, которые должны регулировать процесс миграции, а также их обилие (учитывая федеральную структуру российского государства), эксперты отмечают слабость регулирования, отсутствие продуманных механизмов контроля и воздействия на миграционные потоки, а также неумещающую коррупцию в данной сфере. Проводимая миграционная политика в России является малоэффективной¹. Это связано в основном с тем, что нет четко сформулированной цели политики в сфере миграции. «До сих пор в России отмечается слабость управления миграционной сферой и ее контроля, что не в последнюю очередь связано как раз с отсутствием четкой стратегии миграционной политики»².

Несмотря на то, что уже несколько лет ведущие российские эксперты по миграции — Ж. Зайончковская, А. Вишневский, Е. Тюрюканова и др. — всячески привлекают внимание к проблеме и говорят о негативных последствиях такой политики уже в ближайшие годы, ситуация практически не меняется: позитивные изменения в одной сфере практически сводятся на нет принятием законодательных актов в другой сфере. Общая несогласованность законодательства в сфере миграции и правоприменительная практика позволяют говорить о том,

что миграция скорее стихийный процесс, который пока находится вне сферы государственного контроля и управляемости. «Невозможно назвать ни одного миграционного процесса, которым "управляет" государство и которому удалось бы за последние десять лет придать позитивную направленность. Да, собственно говоря, нигде внятно и не сказано, какой результат — желаемый. Единственная миграционная программа, работавшая в последние годы, — программа содействия добровольному переселению соотечественников — и та признана "малоэффективной"»³.

В итоге отсутствие четко сформулированных приоритетов, множество необоснованных запретов, несогласованных и противоречивых законов приводят к тому, что миграционная политика остается невнятной, получение всяческих разрешений мигрантами долгим, дорогим и запутанным, и как следствие миграция не выполняет тех функций, которые способствуют развитию общества. Очень точно охарактеризовала современную миграционную политику в России Ольга Воробьева: «Но вот вопрос: а, собственно, какая она, единая государственная миграционная политика у России? Была ли она когда-то единой? Или, может быть, тут имеется в виду одна общая, и впрямь единая для всех россиян цель: не допускать приезжих на свою территорию, а для тех, кто уже пробрался, создать такую жизнь, чтобы они об этом пожалели, одумались и скорее вернулись восвояси. Нежелательно, чтобы и сами коренные россияне мотались по своей родной стране в поисках лучшей доли. Зачем? Закрыли завод — сиди и жди: может, президент или премьер приедет и откроет. Закрыли школу — переходи на домашнее обучение. Закрыли больницу или роддом — значит, сиди и не болей, а рожать приноровись в домашних условиях»⁴.

Для государства, заинтересованного в увеличении как числа трудовых мигрантов, так и постоянно проживающего населения, в том числе за счет создания благоприятных условий для интеграции приезжающих из-за пределов России, миграционная политика должна быть направлена на поощрение миграции, создание максимально простых и понятных условий для получения мигрантами разрешительных документов, устройства на работу и, возможно, в будущем, для их оседания в стране: «Главная задача в области миграционной политики состоит

¹ См.: Андреева Т. Российское миграционное законодательство: транснационализация права или ограничение доступа мигрантов к участию в жизни принимающего общества? // Социальная политика в современной России: реформы и повседневность / Под ред. П. Романова, Е. Ярославской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. С. 261.

² Автономов А., Гаврилова И. Задачи миграционной политики // Миграция в современной России: состояние, проблемы, тенденции / Под общ. ред. К.О. Ромодановского, М.Л. Тюркина. М.: ФМС России, 2009. С. 29.

³ Воробьева О. Воспоминание о будущей комиссии // Российская миграция. 2009. № 3. С. 14.

⁴ Там же. С. 13.

в том, чтобы создать для мигрантов своеобразный коридор, в который они входили бы одними людьми, а выходили совсем другими. Даже если не они сами, то, по крайней мере, их дети должны быть ассимилированы (впрочем, они сами тоже должны по возможности избежать чрезмерных сложностей)¹.

Однако этого по многим причинам не происходит. Управление миграцией зависит от согласованных действий многих ведомств. Это не только прерогатива специально созданной для управления миграцией ФМС, но и Минздравсоцразвития, местных властей, а также общественных организаций и публичных политиков. Как отмечает В. Мукомель, есть множество проблем, которые ФМС решить не может: это и отсутствие четко сформулированной миграционной политики и, как результат, непоследовательность проводимых мероприятий, зависящих от сиюминутных выгод политиков, это также патерналистский подход в проводимых мероприятиях и идеология самой миграционной политики, основанная на мнении о том, что, кроме как в Россию, гастарбайтерам больше ехать некуда². К этому добавляется и оставшееся еще с советских времен отношение к государству как к главному и всемогущему регулятору всего и вся. «Наиболее серьезные издержки новой миграционной политики сопряжены с ее идеологией, верой в безграничные возможности регулирования миграционных потоков. Непонятна технократическая убежденность в том, что можно выявить спрос на рабочие руки в тех или иных регионах (да еще в разрезе специальностей) и все проблемы будут решены. Нет поголовной занятости в госсекторе, нет и Госплана, но дух его жив. "Госплановским" подходом пронизаны как система отбора соотечественников, так и система квотирования разрешений на работу для гастарбайтеров»³. Любая политика, в том числе миграционная, выстраивается таким образом, чтобы основным управляющим там было государство с его стремлением все учесть и все проконтролировать. А как следствие — далеко на задний план отходят и проблема соблюдения прав человека в отношении мигрантов, и целесообразность проводимой политики для принимающего об-

щества и будущего страны в целом, и риски, которые несет в себе такая политика уже в ближайшие годы. «В наследство от советского периода Россия получила доминирующую "идеологию" сильного государства, которое способно рационально управлять любыми жизненными процессами. Соответственно, политика во всех отраслях выстраивается исключительно в интересах государства»⁴.

Абстрактные «интересы государства» ставятся во главу угла без того, чтобы учитывать тот факт, что мигранты, в том числе и трудовые, являются частью общества и, следовательно, государства, и их интересы должны учитываться, как и интересы всех других членов общества. Как отмечают эксперты, важными вопросами в сфере реализации миграционной политики является формирование административной политики в миграционной сфере как политики создания благоприятных условий для реализации прав человека, соблюдение принципов гуманности и, следовательно, переход от запретительного характера к формированию демократических и более открытых отношений между государством и населением⁵. Как мы уже отмечали выше, несоблюдение прав человека в отношении мигрантов не способствует их интеграции в общество, что само по себе есть один из важнейших критериев того, является ли проводимая миграционная политика эффективной: «В конечном счете миграционная политика действительно эффективна только тогда, когда она ставит во главу угла человеческую личность, независимо от того, мигрант это или местный житель»⁶.

Риски такой непродуманности миграционной политики очевидны еще и в силу того, что миграция, как мы уже говорили выше, затрагивает многие сферы социальной жизни и выполняет различные функции. Особенно явно непродуманность проявляется по отношению к трудовой миграции, которая на ближайшие годы остается единственной возможностью поддержать существующую пенсионную систему, развитие производства и т. п.: «... Недооцениваются как степень дефицита рабочей силы на рынке труда в будущем, так и риски незаконной миграции. Легитимное пространство для занятости иностранной рабочей силы остается

¹ Вишневский А. Демографические исследования в России: история, состояние и перспективы // Мыслящая Россия. М., 2006. С. 268.

² Мукомель В. Новая миграционная политика России: достижения и проблемы реализации // Миграция в современной России: состояние, проблемы, тенденции / Под общ. ред. К.О. Ромодановского, М.Л. Тюркина. М.: ФМС России, 2009. С. 181–183.

³ Там же, С. 184.

⁴ Ивахнюк И. Что такое «эффективность» миграционной политики // Российская миграция. 2009. № 7–8. С. 12.

⁵ См.: Сандугей А. Об основах административной политики Российской Федерации в миграционной сфере // Миграция в современной России. С. 260–261.

⁶ Ивахнюк И. Указ. соч.

слишком узким — большая часть трудовых мигрантов работает неформально. Наряду с ростом нелегальной миграции к рискам относится снижение общего уровня профессионализма рабочей силы (в связи с ростом доли мигрантов среди занятых)¹.

Право. Анализируя российское законодательство в сфере миграции, можно говорить о том, что оно в полной мере отражает непоследовательность проводимой политики. Кроме того, отсутствие внимания к проблемам мигрантов, а также отсутствие обратной связи между мигрантами и органами исполнительной и законодательной власти, приводят к тому, что повсеместно фиксируются нарушения прав трудовых мигрантов, особенно временно пребывающих на территорию РФ. Как отмечает Ю. Флоринская, наиболее распространенными проблемами трудовых мигрантов являются нарушения прав в сфере трудовых отношений, медицинского обслуживания мигрантов, при постановке на миграционный учет, при получении мигрантами разрешения на работу, а также то, что мигранты лишены права на пенсию². К этому можно добавить и то, что вступивший в действие в 2010 г. ФЗ 212 фактически лишил всех временно пребывающих иностранных граждан обязательного медицинского страхования и, следовательно, пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, по уходу за ребенком, а также исключил их из обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Как уже было сказано выше, проводимая миграционная политика является жестко регулируемой и ограничительной, что сужает возможности для легального нахождения мигрантов в стране. Кроме того, даже находясь в стране легально, мигрант не получает полноты прав, а социальная защита является таковой только для мигрантов с постоянным проживанием/видом на жительство³. Таким образом, временно пребывающие на территорию России мигранты (а это основная часть мигрантов, занятых на сезонных или временных работах) оказываются в ситуации, когда, даже выполнив все условия для законного нахождения в стране и получив на руки документ, на практике они остаются

один на один со своими проблемами. «Помимо того, что права временно пребывающего в Россию иностранного работника являются неполными, действующее законодательство не предусматривает возможности обращения гастарбайтера за защитой прав в органы государственной власти и местного самоуправления... Несовершенство и противоречия российского миграционного законодательства ведут к серьезному ограничению прав трудовых мигрантов, включая даже базовые права человека, провозглашенные Конвенцией ООН. При этом обязанности и ответственность гастарбайтеров прописаны детально»⁴.

Отсутствие или сильно затрудненная возможность защиты своих прав ведет к тому, что проблемы, с которыми сталкиваются мигранты, слабо артикулируются как ими, так и принимающим обществом и, следовательно, не отражаются на законодательном уровне. Это ведет к большей закрытости и обособленности мигрантов (не только иностранных, но и прибывающих из других регионов России), а также к тому, что проблемы без возможности их артикуляции и способов решения просто не осознаются как затрагивающие все общество — они остаются лишь проблемами самих мигрантов. Безусловно, такой подход является опасным как для мигрантов, так и для общества, в котором мигранты вынуждены выживать, приспосабливаясь к постоянным изменениям. Решение же проблем из-за противоречий в законодательных актах переходит, таким образом, из сферы государственного контроля и регулирования в другие, плохо контролируемые сферы: мигранты используют личные связи и дают взятки, а это, в свою очередь, способствует разрастанию коррупции, а также закрытости сообществ мигрантов и как следствие трудностям с интеграцией.

Противоречия в законодательстве, влекущие за собой нарушение закона мигрантами, а также повсеместное нарушение их прав другими, могли бы быть частично урегулированы, если бы была предусмотрена возможность подачи заявлений мигрантами и механизма их рассмотрения органами миграционного учета. Обратная связь государство/мигранты позволила бы оценить эффективность миграционной политики и учесть интересы двух сторон, а не одной⁵.

¹ Социальное и демографическое развитие России. Каирская программа действий: 15 лет спустя. М., 2010. С. 162.

² См.: Флоринская Ю. Они по-прежнему бесправны // Российская миграция. 2009. № 3. С. 23–24.

³ Андреева Т. Указ. соч. С. 260.

⁴ Там же. С. 256.

⁵ См.: Обращение иностранных граждан и лиц без гражданства в органы государственной власти: предпосылки правового регулирования // Миграция в современной России: состояние, проблемы, тенденции. / Под общ. ред. К.О. Ромодановского, М.Л. Тюркина. М.: ФМС России, 2009. С. 238.

Закрытость большинства мигрантских сообществ, приводит к тому, что принимающее общество искаженно трактует как сам факт их закрытости, связывая ее с этническим происхождением, так и причины закрытости, видя в ней нежелание быть «как мы» (выход в публичную сферу для мигрантов сопряжен с рисками, которые тем выше, чем сложнее и запутаннее законодательство и чем больше ведомств задействовано в регулировании миграции). Кроме того, закрытость мигрантских сообществ из-за того, что часть мигрантов находится или (чаще всего) работает в стране нелегально, приводит к криминализации сферы миграционных отношений: она выходит из-под контроля государства. Это ведет к разрастанию инфраструктуры обслуживания нелегальных мигрантов: от торговли людьми, в том числе с целью сексуальной эксплуатации и рабства, до подделки документов и т. п.

Очевидно, что миграция для любого общества — это не только выгоды, которые оно может получить, но и определенные риски, которые, тем не менее, могут быть значительно снижены, если цели миграционной политики четко сформулированы, а механизмы двустороннего взаимодействия мигранты/государство законодательно прописаны и тщательно проработаны.

Интересы ведомств. В России угрозы, которые могут представлять для страны приезжие, давно стали поводом для политических спекуляций по поводу якобы огромного числа нелегальных мигрантов (не вдаваясь подробно в различные определения того, кого считать нелегальным, незаконным и тому подобным мигрантом). Приводимые и тиражируемые СМИ и нечистоплотными политиками цифры — плод их собственного воображения, не подтверждаемый никакими официальными или неофициальными документами и исследованиями. «Нелегальные мигранты — они потому и нелегальные, что их число невозможно достоверно оценить. Цифры, которые приводятся, являются липовыми. Но, к счастью, сейчас хотя бы стали признавать, что такая проблема есть. Когда приводятся какие-то высокие цифры, например, 15 миллионов нелегальных мигрантов в России, нужно отдавать себе отчет в том, что эти цифры взяты из воздуха. Чиновники, занимающиеся безопасностью, милиция, приводя такие цифры, набивают себе цену»¹.

¹ Вишневецкий А. Указ. соч. С. 263.

Во время участия автора в миграционном тренинге в Москве в 2009 г., один из приглашенных лекторов (чиновник, занимающий высокую должность) совершенно не стесняясь, открыто признавал, что цифра нелегальных мигрантов в 10–20 млн. была взята «из головы». Так как точно посчитать нелегалов нельзя, а этого никто раньше и не требовал, то информации не было даже приблизительной. И когда кому-то «наверху» срочно понадобилась цифра, то ее дали — такую, чтоб «наверняка». Так как чиновники, ответственные за регулирование миграции, часто меняются, то впоследствии эта большая цифра стала хорошим подспорьем для каждого вновь прибывшего — «снижая» ее, можно отчитываться о проделанной работе по уменьшению количества нелегалов.

Любые изменения миграционной политики в сторону облегчения мигрантам регистрации, получения разрешения на работу и т. п. встречаются бурным негодованием по поводу возможных последствий такой политики, а также стремлением описать ситуацию с миграцией как можно более черными и угрожающими красками, а заодно свалить на мигрантов те проблемы, которые наиболее остро стоят перед обществом в определенный промежуток времени. Страх перед тем, о чем люди мало знают или что они сознательно замалчивают, становится катализатором предпринимаемых действий. «Мы помним, как долго российскому обществу внушали, что в России находится 15 — 20-миллионная армия нелегальных мигрантов. На мой взгляд, цель этого эпатажа была очевидной — напугать власти и население, получить общественной одобрение и сформировать бюджет миграционной службы для противодействия такому нашествию. В последние годы, после либерализации миграционного законодательства, оценки числа нелегальных мигрантов стали намного скромнее. Однако нашлись другие аргументы для продолжения антииммигрантской риторики. В условиях экономического кризиса и "необходимости" искать виноватых мигранты снова становятся козырной картой»².

В этом же ключе легко объясняются истерические нотки чиновников и общественных деятелей по поводу возможного ухода мигрантов-гастарбайтеров в сферу преступности в 2008 г.: не подтверждаемые статистикой цифры стали поводом для манипуляций общественным мнением и различных спекуляций: «...При самом приблизительном подсчете преступность среди

² Чудиновских О. Зачем манипулировать цифрами? // Российская миграция. 2009. № 3. С. 15.

иностранцев как минимум в два-три раза ниже, чем среди российского населения. Таким образом, статистика реабилитирует мигрантов, цифры говорят прямо противоположное тому, в чем нас пытаются убедить некоторые представители власти и СМИ»¹. Угрозы, которые могут представлять мигранты, на сегодняшний день являются результатом манипулирования статистическими данными, а не отражением реальности. Многочисленные исследования не подтверждают роста преступности среди мигрантов, а основными преступлениями мигрантов являются административные нарушения (неправильно оформленные, просроченные разрешительные документы) — следствие противоречивой миграционной политики и бюрократизированности получения необходимых документов.

Как мы уже отмечали выше, в отсутствие согласованной миграционной политики, при невнимании к проблемам мигрантов и откровенном нарушении их прав, спекуляции по поводу противодействия нелегальной миграции служат интересам не граждан, а ведомств, которые занимаются всем комплексом вопросов, имеющих отношение к миграции: «Реализация миграционной политики нашей страны снижала славу односторонней общегосударственной политики борьбы с незаконной миграцией. При этом даже единая политическая воля государства в области противодействия незаконной миграции иностранных граждан, нежелательной внутренней и внешней трудовой миграции российских граждан подменяется интересами ведомств, под чьим жестким прессом формируется миграционное законодательство»².

Та же ситуация и с демографической проблемой, которая, по мнению таких видных экспертов, как Ж. Зайончковская, А. Вишневский и другие, может быть решена только с помощью привлечения мигрантов извне и их оседания в стране: решение этого вопроса также во многом зависит от политической конъюнктуры и интересов отдельных политиков. Учитывая специфику ТВ и его направленность на развлечение или открытую пропаганду, а не на информирование и обсуждение общих проблем, вопросы демографии, как и любая серьезная тема для обсуждения, становятся лишь элементами, встраиваемыми либо в контекст развлечения, либо в пропаганду или поддержку проводимой политики: «Сейчас, бывает, приглашают на телевидение, якобы поговорить о демографии.

Приходишь — и оказывается, что ты просто гарнир для какого-нибудь Селезнева и Говорухина, который собирается баллотироваться в Думу, и ему надо с экрана выразить озабоченность бедственным демографическим состоянием России»³. В отсутствие четко сформулированной миграционной политики, демографические проблемы в том плане, в каком они могут быть решены с помощью миграции, остаются нерешенными и даже необсужденными.

Проблема миграции поднимается в основном в экспертном сообществе. В публичной сфере (ТВ, газеты и т. п.) практически не говорится о том, что на ближайшие десятилетия миграция, а если точнее, иммиграция — единственная возможность хотя бы поддержать сегодняшнее количество населения, не говоря уже о том, чтобы его увеличить. Кроме того, уменьшение трудоспособного населения — это также и повышенные риски для всей социальной сферы, особенно пенсионного фонда, риски, связанные с обороной и безопасностью страны, развитием сферы образования и т. п.

Ксенофобия/этнофобия. Учитывая привлечение внимания к любым мигрантам-приезжим в период кризисных явлений в экономике или в связи с выборами, они периодически становятся объектом повышенного внимания со стороны политиков, СМИ и как следствие общества. Мигранты постоянно присутствуют в дискурсе СМИ и политиков. При этом акцентирование внимания СМИ на национальности преступников и, соответственно, сведение возникающих социальных проблем к проблеме этничности/ национальности/культуры мигрантов уже привлекло внимание даже законодателей: Мосгордума, внося предложение в Государственную Думу, предложила запретить СМИ упоминать национальность преступников и потерпевших⁴.

Чрезмерное внимание к приезжим, особенно всяческое подчеркивание их происхождения, на фоне высокого уровня агрессии в обществе и стремления людей к безопасности, не способствует тому, чтобы мигранты постепенно становились полноправными членами принимающего общества. А отсутствие четкой государственной политики для противодействия негативным явлениям в обществе влечет за собой еще большее разделение граждан по принципу «мы/они»: «Фактическое бездействие государства в решении сложнейшей проблемы интеграции мигрантов привело к тому,

¹ Там же. С. 16.

² Сандугей А. Указ. соч. С. 261.

³ Вишневский А. Указ. соч. С. 259.

⁴ См.: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=367127>

что общество оказалось разделенным на "своих" и "чужих"¹. К этому добавляются сложности для работодателей при приеме мигрантов на работу, а также начавшаяся в последние несколько лет политика избирательной миграции, т. е. политика привлечения квалифицированных мигрантов. Данная политика, правильная и выгодная на первый взгляд, сталкивается с теми же проблемами, что и неизбирательная. А это, в свою очередь, ведет к консервации действующих институтов и повышает риски как для принимающего общества, так и для мигрантов: «... В итоге, на практике, как показал опыт России, избирательность часто оборачивается теми же запретами... Концептуальная основа принципа избирательности также неоднозначна. Такой принцип ориентирует миграционную политику исключительно на интересы страны назначения, порождая в принимающем обществе потребительское отношение к миграции и мигрантам»². В дополнение к тому, что общество разделяется на «своих» и мигрантов, изменение миграционной политики в сторону избирательной миграции, получающей распространение в России, ведет к тому, что уже сами мигранты делятся на тех, у кого есть все права, и тех, у кого они есть только на словах. Это имеет свои негативные последствия: «Избирательная миграции, разделяя мигрантов на "желательных" и "нежелательных", предоставляет им неравные возможности для интеграции и, таким образом, порождает так называемую избирательную интеграцию и социальную исключенность»³.

Принадлежность (или отнесение) мигранта к определенной национальности или стране происхождения влияет на его потенциал интеграции в принимающее общество. Росту этнофобий способствует множество причин, но результат для мигрантов всегда один — ухудшение их положения и невозможность интеграции. Причины появления и роста этнофобии многочисленны и разнообразны, они затрагивают разные пласты как межличностных отношений, так и отношений между государством и самим обществом. Однако выводы неутешительны для мигрантов, так как они становятся козлами отпущения: они виноваты в росте преступности, они отбирают рабочие места, они угрожают безопасности, они развращают нравы, национальную культуру и т. п. Положительные стороны миграции в публичной сфере практически

не озвучиваются: «Местное же население — получая, как правило, немалые выгоды от присутствия мигрантов, — их получает каждый, кто соприкасается с "гастарбайтерами" как работодатель, арендодатель, потребитель товаров, а особенно услуг, даже как "правоохранитель", — обычно не склонно замечать эти выгоды. Зато оно охотно видит в приезжих опасных конкурентов, источник собственных экономических и социальных проблем, хотя эти проблемы всегда существуют и без всяких мигрантов. Нерешенность этих проблем подталкивает к поиску виноватых, и приезжие дают очень удобный "материал" для формирования "образа врага", что устраивает и многих политиков»⁴.

Исследования показывают, что связь между миграцией и ростом антимигрантских настроений не является следствием увеличения миграции — как отмечают эксперты, «связь между миграциями и этнофобией, скорее, обратная»⁵. Как показало исследование М. Алексеева, гораздо бóльшую роль на уровне регионов играет новизна миграции, а также то, в какой степени те или иные мигранты ассоциируются с угрозами безопасности: логика «защищенного микрорайона» на уровне регионов выступает как логика защищенной государственности⁶.

Таким образом, выход мигрантов в публичную сферу (например, рынок, где торговец на виду, политика, где задействованы СМИ, и др.) сопряжен с риском повышения внимания к ним и, следовательно, риском стать мишенью для политиков-националистов, правоохранительных органов или простых граждан, озабоченных поиском того, кто же виноват в их проблемах. «... Принимают на себя огонь те мигранты, которые на виду и которые заняты в сферах, непосредственно затрагивающих интересы коренного населения, а более всего — те из них, кто сильно отличается от местных жителей»⁷.

В сегодняшней России сложилась ситуа-

¹ Ивахнюк И. Указ. соч. С. 12.

² Тюрюканова Е. Концепция «нужности» вступает в противоречие с толерантностью // Российская миграция. 2009. № 7–8. С. 6.

³ Там же.

⁴ Вишневецкий А. Пойти против течения, чтобы сохранить Россию // Российская миграция, 2009. № 3. С. 8.

⁵ Мукомель В. Способствует ли миграция росту этнофобий? // <http://demoscope.ru/weekly/2004/0179/analit.02.php> (Материал семинара «Миграционная политика и национальные проблемы» фонда «Либеральная миссия», опубликовано на сайте фонда по адресу: <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=397>).

⁶ См.: Алексеев М. Восприятие масштабов миграции в России: этно-региональные измерения и психология цифр // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2006. № 4. С. 54.

⁷ Зайончковская Ж. Способствует ли миграция росту этнофобий? // <http://demoscope.ru/weekly/2004/0179/analit.02.php> (Материал семинара «Миграционная политика и национальные проблемы» фонда «Либеральная миссия», опубликовано на сайте фонда по адресу: <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=397>).

ция, когда гражданское общество как форма объединения граждан одного государства на разных уровнях не работает: самоидентификация происходит по линии государства, а социальные связи поддерживаются только с близкими родственниками и малым количеством друзей. В таком обществе любые формы объединения людей по другим критериям, чем вышеуказанные, приводят в повышению агрессии в отношении тех, кто чем-то отличается. «Разрозненные "я" осознают себя как "мы" только в отношении государства, а не в отношении других людей и форм их организации»¹. Кроме того, политические изменения в 1990-х гг., когда конфликты различных ветвей власти демонстративно решались с применением силы, а не диалога, и последовавшее за этим построение политической системы под интересы одной группы, на фоне затрудненной возможности выразить свое мнение для остальных групп, привели к тому, что общество стало закрытым и мономыслящим. В такой ситуации, как отмечал Ю. Левада, естественна крайняя нетерпимость к любым проявлениям инакомыслия среди своих, а также к любым попыткам что-то изменить у других: «Условиями монолитного единомыслия, как правило, являются политическая мобилизованность общества, психологически агрессивная общественная атмосфера, крайняя нетерпимость к инакомыслию и расколу в собственных рядах, к любым "чужим", в том числе иностранцам, инородцам»².

Еще одной важной составляющей формирования агрессивного и крайне негативного отношения к чужакам является непонимание того, как в реальности происходит процесс миграции, а также непонимание того, что мигранты — это не только приезжие из других стран, это и граждане своей же страны, перемещающиеся внутри государства часто не по своей воле (например, проблема моногородов или заброшенных деревень). То, что во многих странах существует как нормальное явление: нашел работу в другом городе в своей же стране и переехал, в России наталкивается на зависть, подозрение и стремление всячески подчеркнуть различия между мигрантами и принимающим обществом, в том числе этнические/национальные. Стереотипность такого мышления находит отражение в различных сферах, что выражается в

¹ Дубин Б. Общество — это другие // Горбачевские чтения. Вып. 5: Гражданское общество: настоящее и будущее. 1937–2007: Память и ответственность. М.: Горбачев-Фонд, 2007. С. 23.

² Левада Ю. Ищем человека. Социологические очерки. 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006. С. 21.

том числе в различных дискурсах: «Своеобразным водоразделом между дискурсами является отношение к этнической компоненте миграционных процессов; в общественном мнении распространен стереотип: иноэтничность мигрантов — это данность. Отношение к иноэтничности мигрантов и порождаемым страхам является важным фактором дифференциации дискурсов. Выпячивание этничности мигрантов, преувеличенное ее значение подчеркивается в массмедийном дискурсе, проговаривается в публично-политическом дискурсе, подразумевается в чиновничьем и учитывается (наравне с иными, например, гражданством) в академических дискурсах. Образы мигрантов варьируются от вполне конкретных в массмедийном дискурсе до абстрактного в академическом»³.

Как мы уже говорили, либерализация миграционного законодательства с целью облегчить получение мигрантами разрешительных документов для нахождения в стране и получения работы идет вразрез с интересами различных ведомств, особенно в сфере безопасности, которые противостоят любым изменениям, манипулируя статистическими данными или просто цифрами взятыми «из головы». Таким образом, любые изменения в данной сфере сразу же блокируются «страшилками» о мигрантах-потенциальных преступниках, что, в свою очередь, не способствует снятию напряженности в обществе и снижению ксенофобии: «Купит теперь любой иностранец патент за тысячу рублей, и неважно — работает он или занимается грабежами, никто его не имеет права тронуть. У него "легальный" въездной билет в Россию»⁴. Это высказывание — один из типичных образцов отторжения самой проблемы миграции, а соответственно, и необходимости создания механизмов ее эффективного регулирования. Это также свидетельствует о стремлении чиновников примитивизировать как само общество, разделяя его на своих и чужих, так и миграцию, в которой видится лишь способ нарушить закон.

Деление общества на тех, у кого полные права, и тех, у кого их нет даже на бумаге, не говоря уже о реальной жизни, не способствует ни интеграции мигрантов, ни изменению ситуации. Постоянная дифференциация общества по линиям мигранты/россияне, москвичи/немосквичи, русские/нерусские и т. п. разделяет общество на своих/чужих, что является еще

³ Мукомель В. Миграционная политика России: Постсоветские контексты. М.: Диполь-Т, 2005. С. 81.

⁴ Соломенцев М. Москвичи пяти морей // <http://www.rg.ru/2010/06/16/solomencev.html>

одним ресурсом мобилизации для поддержки существующего положения дел в стране и действий правящей группы. Как отмечает Лев Гудков, «для обеспечения внутренней поддержки и мобилизации: у большинства населения страны особая роль, а значит, и права тоже особые. Это – эффективно. Негативное отношение к не "особым" соответственно, закономерно. Местные власти также заинтересованы в бесправном положении мигрантов – у них свои дивиденды. ... В стране не работает моральное сознание, по которому каждый должен держать ответ за свои поступки по равным нормам. Его заменило сознание архаическое: вина по отношению к инородцу – не вина, а доблесть»¹.

Общественное мнение. Несмотря на все «усилия» политиков и СМИ, в общественном мнении проблема «наплыва приезжих, мигрантов» находится на периферии общественного сознания. Людей гораздо больше волнуют другие, более важные для них житейские вопросы: рост цен, бедность, угроза безработицы, резкое расслоение общества и т. п. Это можно объяснить, среди прочего, и тем, что «наплыва» как такового нет, а есть сознательное привлечение внимания к *другим* (мигрантам) для отвлечения людей от вопросов, которые их действительно волнуют, а также для поиска виноватых в тех проблемах, которые не решаются государством: рост цен, бедность и т. п. (см. табл. 1).

Таблица 1

КАКИЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ПРОБЛЕМ НАШЕГО ОБЩЕСТВА ТРЕВОЖАТ ВАС БОЛЬШЕ ВСЕГО И ВЫ СЧИТАЕТЕ ИХ САМЫМИ ОСТРЫМИ? (приведена часть предложенных вариантов; в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2005, июль	2006, янв.	2006, июль	2007, янв.	2007, июль	2008, янв.	2008, июнь	2009, янв.	2009, июнь	2009, авг.	2010, февр.
Рост цен	71	71	70	70	64	81	82	75	75	76	71
Бедность, обнищание большинства населения	53	55	51	52	52	49	45	42	46	56	51
Резкое расслоение на богатых и бедных, несправедливое распределение доходов	27	32	30	32	32	35	35	28	28	30	28
Недоступность многих видов медицинского обслуживания	29	30	31	32	32	31	31	26	27	27	27
Кризис в экономике, спад производства в промышленности и сельском хозяйстве	33	31	27	31	28	29	29	48	45	38	36
Рост наркомании	29	25	29	28	25	26	29	19	21	25	26
Рост числа уголовных преступлений	29	29	29	26	28	23	27	20	16	22	20
Коррупция, взяточничество	24	23	25	25	27	23	27	23	24	28	28
Кризис морали, культуры, нравственности	22	26	24	21	28	27	26	24	26	26	28
Рост платности, недоступность образования	27	28	28	29	26	26	26	21	21	16	16
Рост безработицы	39	36	34	33	30	28	25	57	56	51	47
Ухудшение состояния окружающей среды	17	20	24	25	22	23	23	15	19	18	21
Наплыв приезжих, мигрантов	7	11	10	11	9	8	12	9	9	11	10
Засилье, произвол чиновников	9	10	10	10	9	9	10	8	9	13	14
Грубость, жестокость работников милиции	6	8	8	9	9	7	9	7	7	12	12
Слабость, беспомощность государственной власти	11	14	11	12	9	8	9	9	8	9	11

N=1600.

¹ Гудков Л. «Новому президенту предстоит управлять страной, в которой, по причине отсутствия публичной политики и демократических институтов, 55% жителей выбирают лозунг «Россия для русских» // <http://www.novayagazeta.ru/2008/15/00.html>

Если рассматривать мигрантов с точки зрения их опасности для общества, то и тут население видит в мигрантах незначительную угрозу. Всего 5% взрослых россиян считают, что приезжие и мигранты представляют наибольшую угрозу для безопасности общества и больше других способствуют росту преступности. Основные угрозы представляют в общественном мнении мафия и криминальные группировки (37%), злоупотребляющие властью чиновники (16%), неустроенная молодежь и безнадзорные подростки, наркоманы и пьяницы (по 13%). Это говорит о том, что, даже сталкиваясь с мигрантами в различных жизненных ситуациях, люди не встречают особых угроз с их стороны. Мигранты не привлекают особого внимания, в том числе и потому, что в действительности есть гораздо более опасные и влиятельные игроки в данной сфере, при контакте с которыми ощущается угроза (см. табл. 2).

Таблица 2
КАКИЕ ГРУППЫ НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЯЮТ С ВАШЕЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НАИБОЛЬШУЮ УГРОЗУ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА, БОЛЬШЕ ДРУГИХ СПОСОБСТВУЮТ ОБЩЕМУ РОСТУ ПРЕСТУПНОСТИ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	%
Криминальные группировки, мафия	37
Приезжие, мигранты	5
Бомжи, нищие	2
Наркоманы, пьяницы	13
Безнадзорные подростки, неустроенная молодежь	13
Скинхеды, националистически настроенные группировки	5
Коррупцированные, злоупотребляющие властью чиновники	16
Бизнес-элита, поставившая себя над законом	7
Затруднились ответить	2

Июль 2007 г., N=1600.

Изменения общественного мнения по отношению к мигрантам происходит тогда, когда в дело вступают эмоции: страх за свое, которое чужие могут отнять, страх перед неизвестными, которые непонятно откуда приезжают и непонятно чем занимаются, страх перед возможными изменениями, которые эти неизвестные могут спровоцировать и т. п. Отсутствие достоверной информации о миграционных процессах в СМИ, за исключением специализированных изданий, а также политические спекуляции по поводу угроз, которые мигранты представляют для общества, только усугубляют ситуацию. По данным исследований Левада-Центра, боль-

шинство населения на вопрос о том, какой политики должно придерживаться правительство в отношении приезжих, отвечает: «Пытаться ограничить приток приезжих» (см. табл. 3).

Таблица 3
Как вы думаете, какой политики должно придерживаться правительство России в отношении приезжих? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2004	2006	2007	2008	2009	2009
Пытаться ограничить приток приезжих	54	52	57	52	63	61
Не ставить на пути притока приезжих административных барьеров и пытаться использовать его на благо России	38	39	32	35	23	30
Затруднились ответить	8	9	11	13	14	9

N=1600.

Если посмотреть на распределение ответов на данный вопрос в динамике, то можно заметить: статистически значимый рост тех, кто считает, что нужно пытаться ограничить приток приезжих, на фоне уменьшения числа тех, кто считает, что правительство не должно ставить барьеры, произошел после кризиса 2008 г. Это связано, несомненно, с нагнетанием обстановки в СМИ. Кроме того, это еще и поиск виноватых в проблемах, которые действительно волнуют, а также отражение страхов, основанных на тиражируемых стереотипах: образ мигранта, как правило, негативный, особенно под воздействием СМИ, где преступников, если они не русские, называют по национальности: чеченцы, грузины, выходцы из Средней Азии, лица кавказской национальности и т. п.

Культура. То, что миграция не является проблемой, обсуждаемой в российском обществе, подтверждается и тем, что в сфере культуры мигранты не являются носителями культурных образцов (этническая кулинария, столь распространенная в последние годы, это скорее хороший маркетинговый ход и стремление завоевать собственную нишу в высококонкурентной среде, чем показатель толерантного отношения к мигрантам). Кроме того, на фоне повышенной «русскости» всего и вся любые отклонения от этого воспринимаются как НЕНорма. Это ясно отражается в попытках чиновников, особенно московских, которые должны бы заниматься и миграцией, и этническими вопросами, построить систему взаимоотношений с мигрантами исключительно в рамках единения мигрантов с

принимающим обществом (или городом) и его культурой. Причем культура, происхождение и этничность/национальность мигрантов могут причудливым образом смешиваться, подменяться. В итоге мы имеем проект Кодекса москвича, прочитав который россияне и граждане других стран, приезжающие в Москву, должны задуматься не только о соблюдении закона на территории города или страны, но о том, в одежде какой национальности им можно ходить, а в какой не рекомендуется, и что будет, если они заговорят на НЕрусском. При этом забота о внешнем виде НЕмосквича и приведение его в соответствие с тем, каким видит москвичей чиновник, занимающийся этническими и национальными вопросами, отвлекает внимание от того, что общество довольно агрессивно относится к тем, кто хоть чем-то отличается: одеждой, происхождением, языком общения и т. п.¹ Проблема нетерпимости и агрессии к тому, что не принято в доминирующих группах, решается ограничениями и запретами: причины явления подменяются следствием. В этом же ряду стоит и милый по своей наивности «Кодекс обаятельной москвички» как пособие по жизни в столице и поиску мужа-москвича, т. е. молодого человека с «пропиской», квартирой и всеми атрибутами «сладкой» жизни.

Что касается литературы, то отдельно выходящие произведения о приезжих, например, роман Эдуарда Багирова «Гастарбайтер», также не отражают социальных настроений и проблем, с которыми сталкиваются мигранты, а представляют собой скорее плутовской роман с элементами морализирования².

Сфера кино также не поднимает данную проблему: на фоне лавинообразного потока фильмов о Великой Отечественной войне, преимущественно агитационного и пропагандистского характера, автору удалось найти только упоминание о том, что режиссер Павел Лунгин собирается снимать кино о мигрантах, которых он считает самой глубокой проблемой России³. Различные сериалы, в которых главными героями являются приехавшие в Москву из деревень и малых городов, можно в данном контексте не учитывать. Во-первых, их художественная ценность и культурная значимость очень сомнительны; во-вторых, это отражение и тиражирование стереотипов о жителях деревень и малых

городов, которые не умеют одеваться, разговаривают на русском языке с акцентом, наивные и откровенно тупые, только и стремятся что выйти замуж/жениться; в-третьих, это преимущественно женские сериалы, аналог соответствующих женских романов. Основные проблемы, которые они поднимают, — борьба женщин за место в мужском мире и изменения, которые может принести женщина в этот мир. Следовательно, счастливый конец предполагает настоящую любовь/удачное замужество, а никак не ставит вопросы о том, что общество негативно относится ко всем приезжим, в силу чего у мигрантов затруднена адаптация в принимающем обществе и для них практически невозможна интеграция.

Из других типов телепроектов по интересующей нас теме можно назвать разве что передачу «Наша Russia», которая с 2006 г. выходит на канале ТНТ. В грубо-комической форме показывая двух рабочих мигрантов из Средней Азии, она приобрела известную популярность в России, имена и фразы ее героев даже стали нарицательными. Ни о каком обсуждении стоящих перед мигрантами проблем тут, конечно нет и речи — задачи совсем иные. По оценке таджикского журналиста, «создатели программы имеют целью не улучшение жизни мигрантов, а реализацию политики таджикской ксенофобии»⁴.

На этом фоне резко выделяется проявленный в последнее время интерес к проблемам и фигурам мигрантов со стороны «нового российского кино», близкого по стилистике к документальному фильму, к «новой драме». В 2010 г. на фестивале «Кинотавр» были показаны такие ленты, как «Гастарбайтер» Юсупа Разыкова, «Другое небо» Дмитрия Мамулии, «Обратное движение» Андрея Стемпковского, «Пропавший без вести» Анны Фенченко, короткометражный фильм «Бинго» Тимура Исмаилова и др.⁵ Тема миграции раскрывается в них серьезно, в драматическом ключе. Но характерно, что речь идет о кинопродукции, которую, в отличие от сериала «Наша Russia», не видит и, скорее всего, никогда не увидит сколь угодно широкий зритель, включая тех, чьим судьбам посвящены названные фильмы.

Заключение. Как мы попытались показать, проблема миграции только-только начинает выходить в России в публичное поле. Причины

¹ См., например: *Соломенцев М.* Указ. соч.

² См. по этому поводу рецензию Анны Наринской «Повесть о приезжем человеке» // <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=779134>

³ См.: *Лунгин П.* Интервью в газете «Известия» // <http://www.izvestia.ru/culture/article3128610>

⁴ См.: <http://www.regnum.ru/news/847091.html>.

⁵ Подробнее об этом см.: *Солнцева А.* Симптомы неблагополучия // <http://www.stengazeta.net/article.html?article=7320>

того, что, несмотря на крайнюю необходимость в миграции для страны, данный вопрос почти не обсуждается, разные.

Во-первых, неясная политика государства в отношении мигрантов: стремление контролировать и регулировать превалирует над целесообразностью принимаемых решений и мер. Государственной политики с четко определенными целями и задачами для их достижения просто нет.

Во-вторых, это проблема согласования и проведения единой миграционной политики различными ведомствами. Можно предположить также, что для ведомств это и проблема их самовоспроизводства: если «вдруг» появилась миграция, то с ней нужно обязательно что-то делать, а если есть нелегалы, то с ними нужно бороться, преимущественно жестко, с большими затратами и не считая, *что* для страны выгоднее — упростить законодательство и ускорить выдачу всяческих разрешений как мигрантам, так и работодателям (так как большинство нелегальных мигрантов — это люди, которые легально въехали в страну, но нелегально в ней работают) или всех мигрантов депортировать.

Отсюда следует и третья причина: эмоции и сиюминутные выгоды политиков, которые в своем стремлении получить политические очки или просто вследствие собственной недалекости используют тему миграции прежде всего в качестве «страшилки». Тиражирование их высказываний СМИ становится основным источником информации о миграции в публичной сфере.

В-четвертых, это затрудненность выхода в публичную сферу самих мигрантов в силу отсутствия законодательно закрепленной возможности обращения в органы государственного управления, а также в силу сложностей с получением *легального статуса*. Мигранты, таким образом, становятся заложниками сиюми-

нутных политических интересов без того, чтобы как-то влиять на происходящее. Их мнения, ожидания и трудности, с которыми они сталкиваются, знакомы в основном узкому кругу экспертного сообщества или таким же мигрантам.

В-пятых, вследствие разных причин в обществе проблемы безопасности выходят на первый план, а мигранты как чужаки становятся воплощением мнимых угроз в данной сфере и, следовательно, нежелательной для общества группой. Абсолютное большинство населения не обсуждает вопрос миграции: люди гораздо больше озабочены решением бытовых повседневных вопросов.

Как мы попытались показать в данной статье, миграция как таковая не является проблемой в российском обществе. Те группы, которых это волнует — эксперты и сами мигранты, — имеют ограниченные возможности для публичной артикуляции своих интересов. Эксперты — в силу некоторой закрытости и специфики экспертного сообщества, которое призвано озвучивать результаты исследований, а кроме того, в силу специфики СМИ, ориентированных на «жареность» и «желтизну» для привлечения внимания аудитории. Мигранты — скорее в силу закрытости мигрантских сообществ из-за негативных последствий, которые влечет за собой выход в публичную сферу, особенно для тех мигрантов, которые сильно отличаются от коренных жителей.

Таким образом, в отсутствие политической воли чиновников на разных уровнях, несмотря на крайнюю необходимость для страны в мигрантах, миграция практически не выходит в публичное поле как проблема: ее почти не обсуждают, т. е. проблема как бы не существует. А если проблемы нет, значит, можно говорить о том, что в данной сфере все хорошо, изменения не нужны, и, таким образом, консервировать проблему без желания ее продумывать и решать.

Людмила ПРИМАКО

Пожилые люди в России: проблема социальной напряженности

Старшая возрастная когорта россиян (мужчины от 60 лет и старше, женщины от 55 лет и старше) – это достаточно большая и постоянно увеличивающаяся группа. В современной России насчитывается 30 млн.¹ людей старше трудоспособного возраста, что составляет примерно 21% от общей численности населения России (для сравнения – люди моложе трудоспособного возраста составляют 16% от всего населения РФ). Это одна из наиболее социально активных и вместе с тем, в условиях социальных и экономических потрясений, одна из наиболее уязвимых групп. Доминантные характеристики социальной напряженности в этой группе связаны с низким уровнем жизни, негативным социальным настроением, углублением неудовлетворенности различными сферами жизни. Утрата уверенности в завтрашнем дне и пессимистическая оценка своего будущего отражаются на уровне тревожности в настроениях россиян этой группы.

Обобщенно социальную напряженность можно определить как состояние социальных отношений, основанное на неудовлетворенности потребностей их участников и способное вызывать рост нестабильности социальной системы. Одним из основных при рассмотрении социальной напряженности является подход к группировке показателей, дающих представление о потребностях и степени их удовлетворенности. Социальная неудовлетворенность лежит в основе развития социальной напряженности. При ее рассмотрении на каждом из уровней жизнедеятельности индивида мы получаем целостную картину восприятия окружающей действительности для различных групп населения. Связь уровня удовлетворения потребностей населения с нестабильностью в обществе рассматривал П. Сорокин. С его точки зрения, всякий конфликт характеризуется, прежде всего, неудовлетворенной потребностью и стремлением найти средства для того, чтобы эту потребность

удовлетворить². Социальная удовлетворенность является доминантной характеристикой в определении уровня социальной напряженности, т. е. оценка последней строится на определении меры удовлетворенности респондентов различными сторонами их жизнедеятельности и условиями внешней среды.

В качестве второго значимого показателя социальной напряженности мы рассматриваем социальные ожидания (в частности негативные). Социальные ожидания индивидов выступают в качестве компонентов системы регуляции социального поведения, взаимодействия на уровне личности, групп и общества. Они отражают представления людей о своем личном ближайшем будущем и будущем страны. В данном случае начинает работать теорема У. Томаса: если ситуация воспринимается как реальная, она реальна по своим последствиям и, если в ожиданиях индивида преобладают негативные ожидания, то это может отразиться как на рассматриваемой группе, так и на обществе в целом.

Социальное настроение – целостная форма восприятия людьми их жизни в личном и общественном плане, феномен общественного сознания, превосходящий реальное поведение людей. Как отмечают исследователи³, социальное настроение по силе воздействия и степени значимости превосходит другие измерения общественного сознания, поскольку выражает готовность действовать во имя достижения (или отвержения) предпочитаемых (или отрицаемых) социальных и личных целей. Роль социального настроения в детерминации индивидуальной и коллективной форм поведения особенно возрастает на этапе общественных трансформаций, когда эмоции зачастую преобладают над разумом и, соответственно, увеличивается вероятность ситуативных, волевых и даже случайных поступков людей.

И наконец, протестная активность или готовность к ней рассматриваются нами как

¹ По данным Федеральной службы государственной статистики на 1 января 2009 г.

² См.: Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 272.

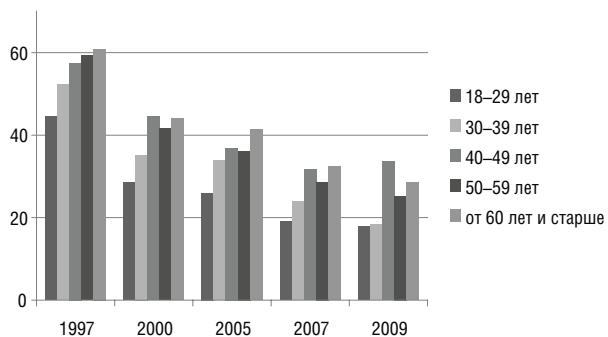
³ См.: Тощенко Ж.Т., Харченко С.В. Социальное настроение. М.: Academia, 1996. С. 55.

проявление «явной» формы социальной напряженности, как переход напряженности в социальный конфликт. Готовность к активным протестным действиям представляет собой эскалацию социальной напряженности, направленность на нейтрализацию его источников. В силу этого социальная напряженность отражает уровень стабильности/нестабильности социальной системы, степень ее предрасположенности к изменению.

На основе данных опросов Левада-Центра типа «Мониторинг», «Вестник» и «Курьер» мы попытаемся проследить общие социально-экономические условия жизни, способствующие развитию социальной напряженности среди людей старшего поколения.

Социальная неудовлетворенность. Как уже отмечалось, социальная неудовлетворенность выражает процесс трансформации того или иного объективного социального противоречия в феномен его сознательного восприятия, оценки и учета в ходе активных действий причастными к нему и испытывающими его влияние социальными субъектами¹. Наиболее общим, сквозным параметром в понимании социальной напряженности является общая неудовлетворенность жизнью в целом (см. рис. 1). Начиная с 1997 г. мы наблюдаем уменьшение уровня неудовлетворенности во всех рассматриваемых возрастных группах, но при этом, как можно увидеть на диаграмме, неудовлетворенность жизнью (суммы ответов «скорее не удовлетворен» и «совершенно не удовлетворен») в различные периоды наблюдений традиционно выше именно в группе людей старше 60 лет.

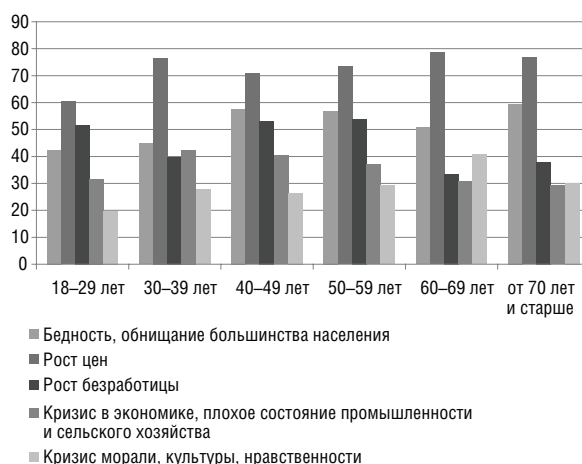
Рисунок 1
УРОВЕНЬ НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВОЗРАСТА РЕСПОНДЕНТА (в % от числа опрошенных)

¹ См.: Степанов Е.И., Аксентьев В.А., Головин Ю.А., Кукольников П.И. Мониторинг социальных напряжений и конфликтов в крупных региональных центрах России (на примере Нижнего Новгорода и Ярославля) // Россия реформирующаяся / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Институт социологии РАН, 2007. Вып. 6. С. 244.

Согласно ответам респондентов пенсионного возраста, наиболее значимыми проблемами, осложняющими непосредственно жизнь семьи, являются низкие доходы, нехватка денег, плохое здоровье, бытовые трудности, безысходность, отсутствие перспектив в жизни. Среди наиболее острых проблем современного общества, волнующих респондентов старших возрастов, можно выделить следующие: рост цен, бедность, обнищание большинства населения, рост безработицы. Однако последняя волнует респондентов пенсионного возраста несколько меньше, чем других, поскольку доля занятых среди респондентов этой группы невелика (см. рис. 2).

Рисунок 2
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАИБОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЕННЫХ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС «КАКИЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ПРОБЛЕМ НАШЕГО ОБЩЕСТВА ТРЕВОЖАТ ВАС БОЛЬШЕ ВСЕГО?» (в % от числа опрошенных в каждой возрастной группе; можно было выбрать не более 3-х ответов)

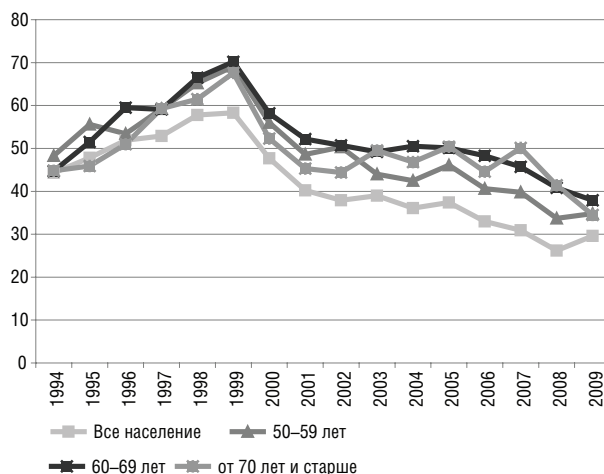
Февраль 2010 г.

В январе 1998 г. список наиболее важных проблем общества был примерно таким же, но при этом достаточно большое значение в нем уделялось задержкам в выплатах зарплат, пенсий и пособий (71% – по ответам респондентов в возрасте от 60 до 69 лет, в среднем по населению – 65%), что свидетельствует о неудовлетворенности в первую очередь витальных потребностей, связанных с материальным обеспечением респондентов. Среди наиболее волнующих проблем отмечался также рост числа уголовных преступлений (58%).

При рассмотрении динамики отрицательных оценок собственного материального положения заметно выделяется возрастная группа от 60 до 69 лет, в которой доля негативных оценок практически за весь наблюдаемый период (с 1994 по 2009 гг.) выше, чем в остальных

возрастных группах и по всему населению в целом (см. рис. 3).

Рисунок 3
«ПЛОХОЕ» МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕМЬИ (СУММА ОТВЕТОВ «ПЛОХОЕ» И «ОЧЕНЬ ПЛОХОЕ» НА ВОПРОС «КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВАШЕЙ СЕМЬИ?») (в % от числа опрошенных)¹

Низкий уровень жизни большей части представителей старшего поколения россиян, напрямую связан с низким уровнем пенсионного обеспечения и со снижением в последние годы коэффициента замещения, который на данный момент составляет примерно четверть уровня заработной платы².

Представители данной группы в основном являются неработающими пенсионерами и не имеют другого дохода, кроме пенсии. Таким образом, во время социальной нестабильности и реформ они являются наиболее уязвимыми. Так, среди женщин в возрасте от 55 до 64 лет и мужчин от 60 до 69 лет к работающим пенсионерам себя относят 25% респондентов, а в более старших возрастных когортах — не более 3%.

Низкое материальное положение тесно связано с проблемами трудоустройства представителей старших возрастных групп россиян. В связи с установленными возрастными «барьерами» трудоустройство для пожилых в случае потери работы чрезвычайно затруднено. Как указывает А. Левинсон, «... начиная с девяностых работодатели пишут в объявлениях о приеме на работу: "Внимание лиц до 35 лет...". Основным аргументом тех, кто выражает возмущение такой

¹ В 2008 г. замеры производились только в первой половине года (январь, март, июнь), в 2009-м — только во второй половине года (июнь, август, октябрь, декабрь).

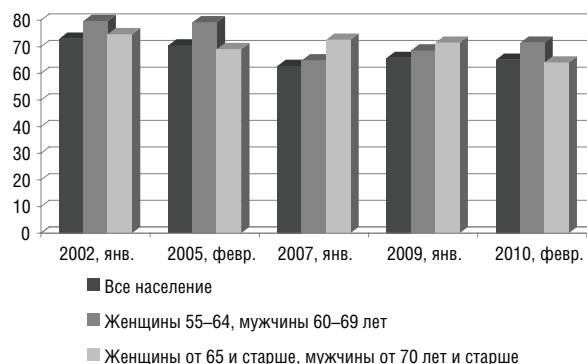
² Красильникова М. Люди старшего возраста — новые возможности или еще одно ограничение? // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 5. С. 10.

политикой, оказывается противопоставление самочинно установленного предпринимателями барьера в 35–40 лет барьеру "государственному" — пенсионному возрасту. При этом первый воспринимается оскорбленными соискателями работы как произвольный, выдуманный наглыми хозяевами, а второй — как естественный³.

По справедливому замечанию Ю. Лежнина, для того, чтобы работать в условиях возрастной дискриминации в России, пенсионерам — при условии удовлетворительного состоянии здоровья — зачастую необходимо либо претендовать на невостребованные другими рабочие места, либо обладать очень высокой и редкой квалификацией, чтобы иметь возможность полноценной конкуренции с остальными претендентами⁴.

Наметившуюся тенденцию к повышению уровня неудовлетворенности данной группы респондентов различными сферами жизни общества подтверждает распределение ответов на вопрос «В какой мере Вы удовлетворены тем, что в целом происходит сейчас в стране?». Так доля неудовлетворенных (сумма ответов «не вполне удовлетворен» и «совершенно не удовлетворен») традиционно высока среди всего населения в целом, но в старшей возрастной группе доля неудовлетворенных еще выше. При этом среди людей пенсионного возраста, особенно респондентов, находящихся на пенсии около 10 лет, отмечаются наиболее высокие значения данного показателя — до 80% в 2002 г. (см. рис. 4).

Рисунок 4
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ОТВЕТОВ (СУММА ОТВЕТОВ «НЕ ВПОЛНЕ УДОВЛЕТВОРЕН» И «СОВЕРШЕННО НЕ УДОВЛЕТВОРЕН») НА ВОПРОС «В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ УДОВЛЕТВОРЕННЫ ТЕМ, ЧТО В ЦЕЛОМ ПРОИСХОДИТ СЕЙЧАС В СТРАНЕ?» (в % от числа опрошенных)

³ Левинсон А. Старость как институт // Отечественные записки. 2005. № 3. С. 18–29.

⁴ Лежнина Ю.П. Российские пенсионеры: уровень жизни, здоровье, занятость // Россия реформирующаяся. М.: Институт социологии РАН, 2008. Вып. 7. С. 178–195.

Вопрос о степени удовлетворенности общим уровнем морали и нравственности в стране сам по себе является достаточно абстрактным (см. рис. 5). Однако при ответе на него мы встречаем минимальное количество затруднившихся с ответом. В данном случае под «моралью и нравственностью» подразумевается специфический тип регуляции отношений между людьми, направленный на их гуманизацию; совокупность принятых в том или ином социальном организме норм поведения, общения и взаимоотношений. Данные понятия выступают здесь, как правило, в качестве «неписаного закона», реализуя регулятивную функцию, в первую очередь, посредством обыденного сознания¹. Высокая степень неудовлетворенности состоянием этой сферы проявляется во всех возрастных группах, даже у молодежи (70%), что, по нашему мнению, должно быть ей менее свойственно. При этом в начале 2005 г. степень неудовлетворенности во всех рассматриваемых группах была выше, чем в другие годы. Этот показатель характеризует степень «неблагополучности» и «несправедливости» в обществе, которая не всегда артикулируется и рефлексировается.

Рассматривая неудовлетворенность на мезоуровне, остановимся на наиболее значимых сферах для людей старшего поколения, исходя из обозначенных выше проблем, в наибольшей мере осложняющих жизнь людей, — медицинском обслуживании и социальном обеспечении.

Таблица 1

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ МЕДИЦИНСКИМ ОБСЛУЖИВАНИЕМ И СОЦИАЛЬНЫМ ОБЕСПЕЧЕНИЕМ (в % от числа опрошенных)

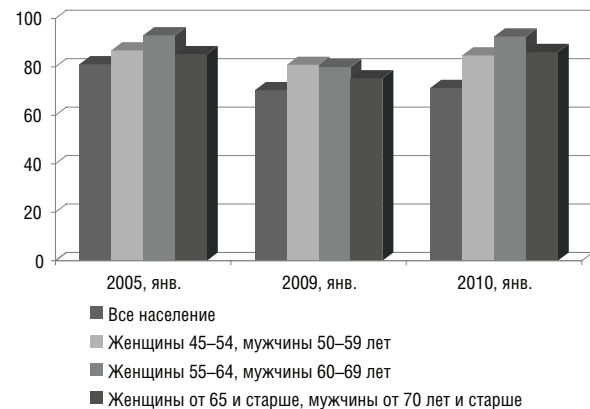
Вариант ответа	18–24 года	25–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше
Удовлетворенность положением дел в медицинском обслуживании					
Не удовлетворен	50	52	62	67	63
Ни удовлетворен, ни не удовлетворен	28	33	24	24	19
Удовлетворен	22	15	14	9	18
Удовлетворенность положением дел с социальным обеспечением					
Не удовлетворен	45	49	52	61	55
Ни удовлетворен, ни не удовлетворен	41	34	35	24	27
Удовлетворен	14	17	13	15	18

Апрель 2009 г., N=1600.

¹ См.: Новейший философский словарь. 3-е изд., исправл. Минск: Книжный Дом, 2003. — URL: http://www.situation.ru/app/rs/lib/ifs2003/ifs2003_txt.zip

Рисунок 5

В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ УДОВЛЕТВОРЕННЫ ТЕМ, ЧТО ПРОИСХОДИТ СЕЙЧАС В СТРАНЕ В ОБЛАСТИ МОРАЛИ И НРАВСТВЕННОСТИ?» СУММА ОТВЕТОВ «СОВЕРШЕННО НЕ УДОВЛЕТВОРЕН» И «НЕ ВПОЛНЕ УДОВЛЕТВОРЕН» (в % от ответивших в каждой группе)

Медицинским обслуживанием² в наибольшей степени не удовлетворены респонденты в возрасте 50–59 лет (67%), от 60 и старше (63%) и от 40 до 49 (62%), в среднем по выборке — 58%. По данным января 2009 г., при оценке работы больниц и поликлиник 56% респондентов в возрасте 60–69 лет отмечают ее ухудшение. Неудовлетворенность социальным обеспечением выражают в первую очередь респонденты в возрасте от 50–59 лет (60%) и старше 60 лет (55%), в среднем по выборке — 52% неудовлетворенных (см. табл. 1).

Совершенно противоположная ситуация наблюдается, при рассмотрении удовлетворенности на микроуровне. Отношениями в семье

² По данным опроса «Курьер», апрель 2009 г. При ответе на этот вопрос респонденты выбирали позиции по десятибалльной шкале, где 1 — «совершенно не удовлетворен», 10 — «полностью удовлетворен». При объединении позиций шкалы мы руководствовались следующим принципом: от 1 до 4 — «не удовлетворен»; 5–6 — «условный ноль», т. е. ни удовлетворен, ни не удовлетворен; 7–10 — «удовлетворен».

удовлетворены практически в равной мере респонденты всех возрастных групп, в том числе и пожилые (см. табл. 2).

ности, что может сопровождаться повышением уровня недовольства (см. рис. 7).

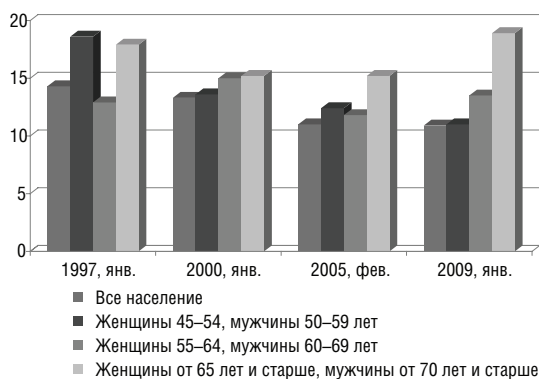
Таблица 2
УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ОТНОШЕНИЯМИ В СЕМЬЕ (в % от ответивших в каждой возрастной группе)

Вариант ответа	Возраст				
	18-29 года	30-39 года	40-49 года	50-59 лет	60 лет и старше
Удовлетворен	88	84	83	88	86
Не удовлетворен	10	13	13	11	6
Не подходит	1	1	3	1	7
Затруднились ответить	1	2	1	--	1

Январь 2009, N=800.

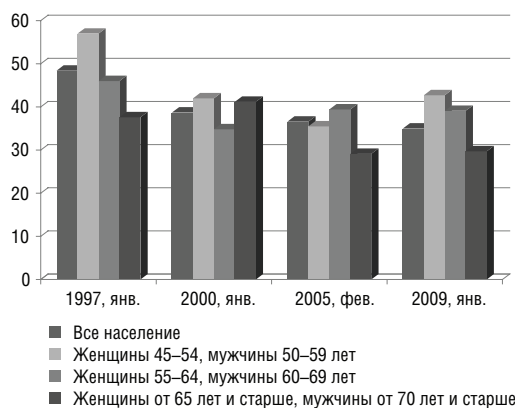
Однако для людей старшего возраста семья является одним из основных ресурсов существования и выживания. При этом необходимо отметить, что неудовлетворенность кругом общения для старшей возрастной группы напрямую связана с потерей социальных контактов с коллегами, знакомыми при выходе на пенсию и утрате социального капитала в связи с этим (см. рис. 6).

Рисунок 6
НАСКОЛЬКО ВЫ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ УДОВЛЕТВОРЕННЫ КРУГОМ ВАШЕГО ОБЩЕНИЯ (ДРУЗЬЯ, СОСЕДИ, ЗНАКОМЫЕ, КОЛЛЕГИ)? СУММА ОТВЕТОВ «СКОРРЕ НЕ УДОВЛЕТВОРЕН» И «СОВЕРШЕННО НЕ УДОВЛЕТВОРЕН» (в % от числа опрошенных в каждой группе; за 2009 г. указан % от числа ответивших)

Неудовлетворенность проведением свободного времени так же характерна для старшей возрастной группы. Основной формой проведения досуга для респондентов пенсионного возраста выступает просмотр телевизора, прием гостей и походы в гости. Уровень aspirations людей старшей возрастной группы существенно снижен. При этом чем старше респондент становится, тем больше этот уровень снижается. Процесс ресоциализации для старшей возрастной группы характеризуется изменением привычного образа жизни и досуговой деятель-

Рисунок 7
НАСКОЛЬКО ВЫ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ УДОВЛЕТВОРЕННЫ ТЕМ, КАК ПРОВОДИТЕ СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ? СУММА ОТВЕТОВ «СКОРРЕ НЕ УДОВЛЕТВОРЕН» И «СОВЕРШЕННО НЕ УДОВЛЕТВОРЕН» (в % от числа опрошенных в каждой группе; за 2009 г. указан % от числа ответивших)

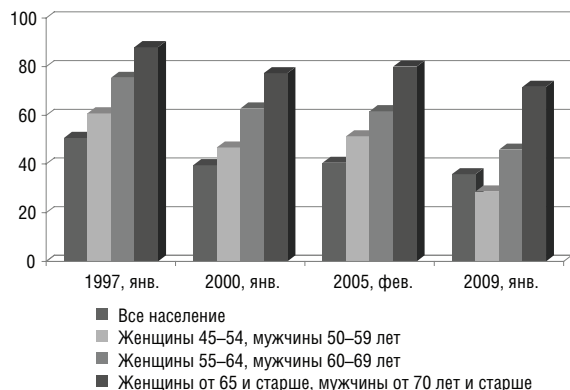

Показатели неудовлетворенности состоянием собственного здоровья по понятным причинам являются у респондентов наиболее старших возрастных групп, особенно старше 70 лет, самыми высокими. При этом, как и по другим упоминавшимся показателям, с 1997 г. наблюдается некоторая тенденция к снижению неудовлетворенности своим здоровьем (разница между значениями 1997 г. и 2009 для женщин в возрасте от 55-64, мужчин 60-64 составляет 30%). Это свидетельствует о наличии связи между социальной нестабильностью и оценкой своего субъективного состояния, самочувствия (см. рис. 8).

Таким образом, практически во всех рассмотренных нами сферах макро-, мезо- и микроуровня стабильно наиболее высокий уровень неудовлетворенности отмечен именно в старших возрастных группах. При этом неудовлетворенность практически по всем рассмотренным нами сферам у респондентов «в возрасте» выше, чем у остальных, как в кризисные

периоды, так и в относительно спокойное время. Можно констатировать, что фон недовольства здесь воспроизводится и сохраняется.

Рисунок 8
ДИНАМИКА НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТИ СОСТОЯНИЕМ ЗДОРОВЬЯ (в % от числа ответивших)

Электоральная и протестная активность. Одной из форм выражения недовольства текущей ситуацией является участие или неучастие в выборах и голосование за оппозиционные партии или кандидатов. Традиционно представители старшей возрастной группы характеризуются наиболее активным электоральным поведением. По сравнению со всем населением, представители рассматриваемой группы реже всего не принимают участие в выборах депутатов Государственной Думы РФ и президента РФ. При общей тенденции к поддержке на выборах лидирующих кандидатов (например, В. Путина или Д. Медведева) респонденты пенсионного возраста чаще, чем остальные, отдавали свои предпочтения представителям оппозиционных партий, не находящих мощной поддержки у большинства избирателей. Так, по данным опросов, на выборах президента РФ 14 марта 2004 г. 50% респондентов в возрасте 60–69 лет проголосовали за Владимира Путина и 19% за Николая Харитонову, члена партии КПРФ, тогда как в среднем по выборке за этих кандидатов проголосовали 41% и 8% соответственно¹. По данным опросов, на выборах президента РФ 2 марта 2008 г. 47% респондентов в возрасте 60–69 лет проголосовали за Дмитрия Медведева, при этом 30% респондентов того же возраста отдали предпочтение Геннадию Зюганову, лидеру КПРФ. На выборах в Государственную Думу РФ 2 декабря 2007 г., согласно данным исследований, второе место по предпочтениям респондентов в возрасте от 60 до 69 лет после партии «Единая Россия» (47%, в среднем

¹ По данным опроса, проведенного в мае 2004 г., N=2000.

по выборке 37%) заняла партия КПРФ (12%, в среднем по выборке 7%). Таким образом, протестное голосование за оппозиционные партии и кандидатов ярко выражено в рассматриваемой нами группе.

Один из наиболее значимых показателей социальной напряженности в ее крайней точке — протестная активность, открытое выражение недовольства. Самые большие «всплески» напряженности наблюдались в конце 1990-х и 2005–2006 гг., при этом почти на всем рассматриваемом периоде ожидания и готовность принять участие в акциях протеста была самой высокой именно в старших возрастных группах (см. рис. 9, 10). Данное обстоятельство подтверждает нашу гипотезу о более высоком уровне напряженности именно в этой группе населения.

Рисунок 9
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ОТВЕТОВ («ВОПЛНЕ ВОЗМОЖНЫ») НА ВОПРОС «КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, НАСКОЛЬКО ВОЗМОЖНЫ СЕЙЧАС В ВАШЕМ ГОРОДЕ/ СЕЛЬСКОМ РАЙОНЕ МАССОВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ РОСТА ЦЕН И ПАДЕНИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ?» (в % от числа опрошенных)

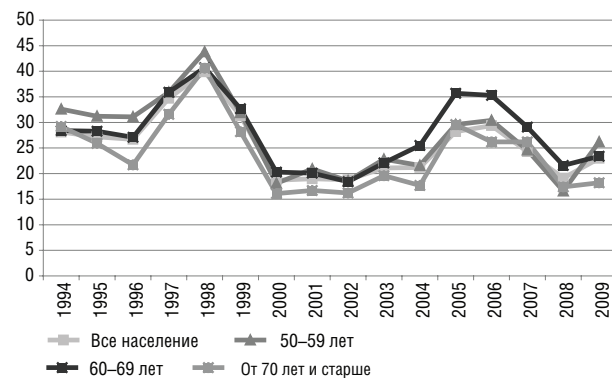
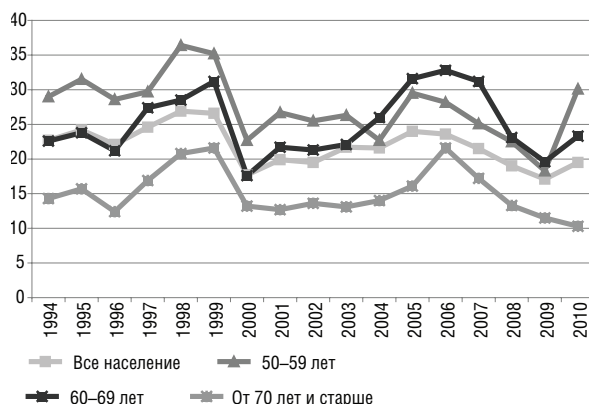

Рисунок 10
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ОТВЕТОВ («СКОРЕЕ ВСЕГО, ДА») НА ВОПРОС «ЕСЛИ МИТИНГИ, ДЕМОНСТРАЦИИ ПРОТИВ РОСТА ЦЕН И ПАДЕНИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ СОСТОЯТСЯ, ВЫ ЛИЧНО ПРИМИТЕ В НИХ УЧАСТИЕ?» (в % от числа опрошенных)

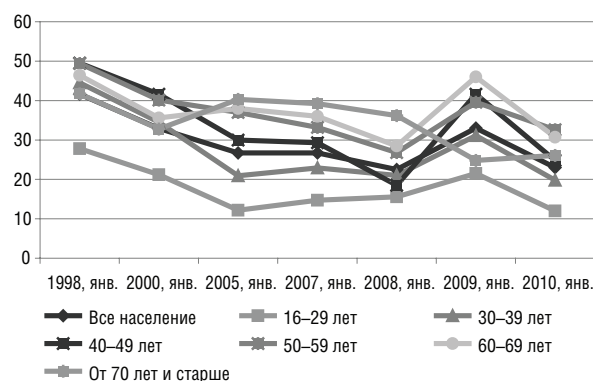
В большинстве случаев речь здесь идет о декларативной готовности к активным действиям, которая является феноменом ненаправленного недовольства¹. Декларируемую протестную активность можно рассматривать как желание заявить о своих проблемах и осознание собственной неудовлетворенности. Социальное недовольство в той или иной степени отмечается при оценках практически всех сфер жизнедеятельности рассматриваемой нами группы и является диффузным. Но при этом и в данной группе, и в обществе в целом отсутствует четкая дифференциация социальных интересов, не происходит формирования контрсубъектных отношений и выделения единого виновника сложившейся ситуации, а также общих ценностей и убеждений «недовольных». Вследствие этого, как отмечает Ю.А. Левада, диффузный протест легко превращается в просьбу о помощи, адресованную властям. В данной группе состояние недовольства обусловлено ситуацией относительной, а не «абсолютной» обездоленности («релятивной депривации»). Как подчеркивает Ю. Левада, чрезвычайно важной проблемой является способ выражения недовольства, отсутствие адекватного социального и политического языка для того, чтобы его выразить, и адекватных структур, в которых этот язык мог бы работать (программ, партий, элит).

Социальные настроения и ожидания. Действительность, отраженная через социальные настроения и ожидания, детерминирует целеполагающую деятельность субъекта, определение им важнейших целей социальной и духовной жизни. Именно поэтому социальные настроения и ожидания как важнейшие проявления общественного сознания и регулируют отдельные поступки людей, действия социальных групп и общественных институтов, так и демонстрируют их умонастроения и мироощущения, ценностные ориентации и установки².

Респонденты старшей возрастной группы гораздо чаще, чем население в целом, при оценках своего настроения указывают, что испытывают напряжение, раздражение, а также страх и тоску. Так при ответе на вопрос «Что Вы могли бы сказать о своем настроении в последние дни?» люди старших возрастных групп чаще, чем остальные, выбирают ответ «напряжение, раздражение». Таким образом, «напряжения» и негативные оценки в ответах респондентов

растут с увеличением их возраста. При этом самый высокий уровень «напряженного» настроения наблюдается у людей в возрасте 60 лет и старше (см. рис. 11). Своих наибольших значений данный показатель достигает в так называемые «кризисные» периоды — 1998 и 2009 гг. Увеличение этого показателя наблюдается также в 2005 г., когда «монетизация льгот» затронула именно людей пенсионного возраста.

Рисунок 11
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ «ИСПЫТЫВАЮТ НАПРЯЖЕНИЕ, РАЗДРАЖЕНИЕ» НА ВОПРОС «ЧТО БЫ ВЫ МОГЛИ СКАЗАТЬ О СВОЕМ НАСТРОЕНИИ В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ?»
(в % от числа опрошенных)

Социальные ожидания как компоненты системы регуляции социального поведения индивидов формируются на основе процессов антиципации — предвосхищения, предвидения, упреждения событий, реакций, отношений, результатов действий и обеспечивают прогнозируемость поведения, а также санкций и ответных реакций на него. Основные функции социальных ожиданий заключаются в упорядочении взаимодействий, повышении надежности системы социальных связей, согласованности действий и отношений между членами группы, общества, в повышении эффективности процессов адаптации и оценивания³.

Если рассматривать ожидания изменения общей ситуации на макроуровне, то в апреле 2010 г. респонденты старше 60 лет чаще, чем остальные, говорят, что никаких изменений не будет. Так, на вопрос «Если говорить в целом о стране, как Вы считаете, через год жизнь в России будет лучше или хуже, чем сейчас?» ответ «такой же, как и сейчас» чаще встречается в старших возрастных группах: доля консервативных ответов (53%) немного выше, чем

¹ См.: Левада Ю.А. Человек недовольный: протест и терпение // Мониторинг общественного мнения. 1999. № 5.

² См.: Тощенко Ж.Т., Харченко С.В. Социальное настроение. М.:Academia,1996. С. 82.

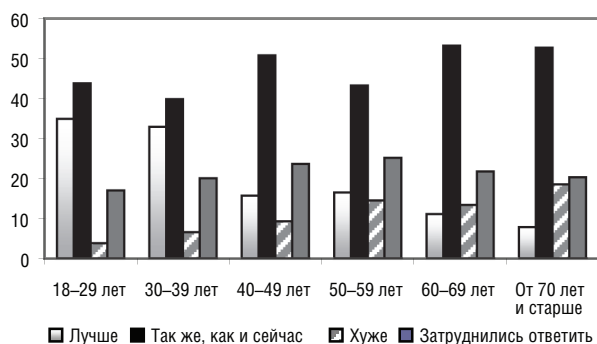
³ См.: Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко., 2003 г. URL:<http://voluntary.ru> (дата обращения 2.03.2010).

в среднем по выборке (49%). Доля же оптимистических ответов «станет лучше» в рассматриваемой группе практически вдвое ниже, чем в среднем по выборке (12 и 21%).

На микроуровне большинство опрошенных лиц старших возрастов также не ожидают никаких изменений ситуации. Более того, в этих группах очевидна тенденция к укреплению пессимистических ожиданий (см. рис. 12).

Рисунок 12

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ ЧЕРЕЗ ГОД ВЫ (ВАША СЕМЬЯ) БУДЕТЕ ЖИТЬ ЛУЧШЕ ИЛИ ХУЖЕ, ЧЕМ СЕЙЧАС?» (в % от числа опрошенных)

Апрель, 2010 г.

Кластерный анализ. Для наиболее полного рассмотрения показателей социальной напряженности и дифференциации старших возрастных групп по различным параметрам нами была проведена процедура типологизации старшей возрастной группы. С помощью процедуры кластерного анализа по методу «к-средних» с предварительной стандартизацией переменных («z-стандартизация») среди старшей возрастной группы россиян было выделено четыре кластера. В качестве признаков дифференциации рассматриваемой группы были использованы показатели: социальное настроение, социальные ожидания, удовлетворенность и протестная активность и др.¹

Приведем обобщенное описание каждой из кластерных групп (см. табл. 3).

По величине расстояния можно сказать, что наиболее удаленными друг от друга являются кластеры 1 и 2, соседними и наиболее схожими — кластеры 4 и 2 (см. табл. 4).

¹ Для процедуры кластерного анализа были использованы объединенные массивы опросов июня, августа, октября, декабря 2009 г. и февраля 2010 г., N= 2528.

Таблица 3

НАЗВАНИЕ КЛАСТЕРОВ (ГРУПП) (в % от числа опрошенных)

Кластер (группа)	Доля старшей возрастной группы россиян
«Неблагополучные и пассивные»	21
«Благополучные и пассивные»	30
«Скорее неблагополучные и активные»	10
«Средние и пассивные»	39

Таблица 4

РАССТОЯНИЯ МЕЖДУ КОНЕЧНЫМИ ЦЕНТРАМИ КЛАСТЕРОВ (в % от числа опрошенных)

Кластер	1	2	3	4
1	–	5,831	4,648	3,337
2	5,831	–	5,291	2,700
3	4,648	5,291	–	4,285
4	3,337	2,700	4,285	–

Первая группа — «неблагополучные и пассивные». Как следует из названия, респонденты, относящиеся к ней, наиболее негативно оценивают свое настроение: 46% испытывают «напряжение и раздражение», 29% — «страх, тоску». У абсолютного большинства отсутствует уверенность в завтрашнем дне — 93% (сумма ответов «нет» и «скорее нет» на вопрос «Если говорить в целом, чувствуете ли Вы уверенность в завтрашнем дне?»). Респонденты отмечают, что находятся в «бедственном» положении, и что они вынуждены его «терпеть», как правило, без каких-либо надежд на улучшение. Так, примерно треть отвечает: «я никак не могу приспособиться к нынешней жизни», 44% — «я свыкся с тем, что пришлось отказаться от привычного образа жизни; жить, ограничивая себя в большом и малом».

Примерно треть представителей этой группы «совершенно не устраивает» жизнь, которую они ведут, «по большей части не устраивает» собственная жизнь еще 43% респондентов. Среди характеристик личного материального положения также преобладают негативные — 75% оценивают свое положение как «плохое» или «очень плохое». Представители данной группы чаще всего указывают на то, что им не хватает денег даже на продукты питания, они «едва сводят концы с концами» (37%). Почти половина респондентов в описываемой группе отмечают, что на продукты питания денег хватает, но покупка одежды вызывает трудности. Работают

в данной группе только 10% респондентов, таким образом, основным источником их доходов являются пенсии. Совсем небольшое количество респондентов (4%) указывают как на один из источников доходов помощь родственников и близких.

Негативные оценки собственного материального положения отражаются и на оценках общего экономического положения в регионе – 76% респондентов оценили его как «плохое» или «очень плохое». «Пессимизм» преобладает и в оценках экономического положения России в целом «плохое» или «очень плохое» (71%). Политическая ситуация в стране чаще всего оценивается как «напряженная» (54%).

Среди социальных ожиданий относительно изменения положения респондента или его семьи преобладают либо негативные ожидания (будут жить несколько хуже – 29%) или ожидания стабилизации нынешнего положения без его изменения (33%). Почти треть респондентов затрудняются дать прогноз относительно изменения своей дальнейшей жизни, что косвенно подтверждает отсутствие уверенности и возможности планировать даже ближайшее будущее.

Отсутствие позитивных ожиданий проявляется также на макроуровне – 30% считают, что жизнь в стране в ближайшее время будет несколько хуже, чем сейчас, 31% – что все останется так, как есть.

В данной группе примерно четверть респондентов отмечают, что в регионе их проживания возможны коллективные акции населения против падения уровня жизни и в защиту собственных прав. Но при этом для данной группы характерно отсутствие готовности активно участвовать в протестных действиях. 88 и 91% респондентов сообщают, что не станут принимать участие в выступлениях против падения уровня жизни и в акциях с политическими требованиями, хотя, судя по оценкам этой группы, ситуация как на уровне жизни конкретного индивида, так и на уровне региона, страны в целом складывается для них весьма тяжело.

Таким образом, для данной группы характерен высокий уровень социальной напряженности, но при этом мы не встречаем в ней респондентов, готовых к активному выражению недовольства. Скорее для данной группы характерна стратегия пассивного приспособления к сложившимся условиям жизни.

Социальный портрет этой группы ярко выражен – это в основном люди старше 70 лет, значительная часть респондентов этой группы

проживают в одиночестве (53%), по большей части люди с образованием ниже среднего (49%), жители малых городов (33%) и сел (28%).

На противоположном полюсе располагается *вторая группа* («благополучные и пассивные») – наиболее обеспеченные, занимающие, по собственным оценкам, самое высокое социальное положение, в сравнении с другими группами. Представители данной группы в большинстве (81%) оценивают свое настроение как «нормальное», они чувствуют уверенность в «завтрашнем дне» (73%). При общей оценке сложившейся ситуации наиболее часто встречающийся ответ «все не так плохо, и можно жить» (52%). Эти люди успешно приспособились к сложившейся ситуации, они не испытывают каких-либо существенных потрясений и изменений в привычной жизни на фоне недавнего экономического кризиса и его последствий для других сфер жизни общества. Среди характеристик их материального положения преобладают оценки «среднее» (73%) и «хорошее» (21%). Значительному числу представителей данной группы хватает денег на продукты питания и одежду (46%), однако покупка вещей длительного пользования, например, бытовой техники, вызывает у них затруднения. При этом в данной группе больше, чем в остальных, самых обеспеченных людей, которые могут без особого труда приобретать вещи длительного пользования (10%). Работают в данной группе 15% опрошенных, среди них преобладают специалисты и квалифицированные рабочие. Основным доходом этой группы, наряду с пенсиями, являются зарплата по основному месту работы (28%) и помощь родственников (5%).

Если говорить об ожиданиях респондентов относительно перемен в их жизни, то наряду со «стабильностью» положения, т. е. отсутствием каких-либо изменений (51%), в их ответах присутствуют «надежды» на улучшение своего положения в ближайшем будущем (22%).

Большинство в этой группе ожидают улучшений как в политической, так и в экономической сферах жизни общества – 60% и 57% соответственно.

Респонденты данной группы так же, как предыдущей, не намерены участвовать в акциях протеста ни с политическими требованиями, ни против «падения уровня жизни» и в «защиту своих прав». Но причина этого не смирение по отношению к окружающей действительности, как в первой группе, а то, что социальные и экономические проблемы не стоят перед ними

во всей остроте: они вполне удовлетворены своей жизнью и окружающей обстановкой.

Социальный портрет этой группы существенно отличается от первой. Это в основном люди со средним образованием (40%), но именно в этой группе больше всего людей с высшим образованием — 22%. По возрасту это в основном люди старше 70 лет (50%), а также в возрасте от 60 до 69 лет (34%), проживающие в селах (31%) и в малых городах (25%). Отметим, что в этой группе, по сравнению с остальными, больше всего жителей Москвы и Санкт-Петербурга (12%).

Третья группа — «скорее неблагополучные и активные» — по значениям показателей социальной напряженности, на основе которых были выделены кластеры, является «промежуточной» между двумя только что рассмотренными. Социальное настроение ее представителей можно описать как «нормальное» (48%) и вместе с тем «напряженное» (38%, что на 9% выше, чем в среднем по всем группам). Представители данной группы отмечают, что не чувствуют уверенности в «завтрашнем дне», — 70% (сумма ответов «нет» и «скорее нет» на вопрос «Если говорить в целом, чувствуете ли Вы уверенность в завтрашнем дне?»). Более трети респондентов в данной группе (35%) смирились с тем, что им пришлось отказаться от привычного образа жизни и жить, ограничивая себя в большом и малом. Но при этом примерно четверть респондентов отмечают, что им «приходится "вертеться", хвататься за любую возможность заработать, лишь бы обеспечить себе и близким терпимую жизнь». Таким образом, эта оценка собственной жизни подчеркивает стремление данной группы достичь приемлемого уровня жизни и активно адаптироваться к сложившимся обстоятельствам.

В данной группе больше всего работающих респондентов — 19%. Наибольшую часть из них составляют специалисты (5%) и неквалифицированные рабочие (5%). Основным доходом семьи, наряду с пенсией, является зарплата по основному месту работы — 32%, что является самым высоким показателем среди всех групп.

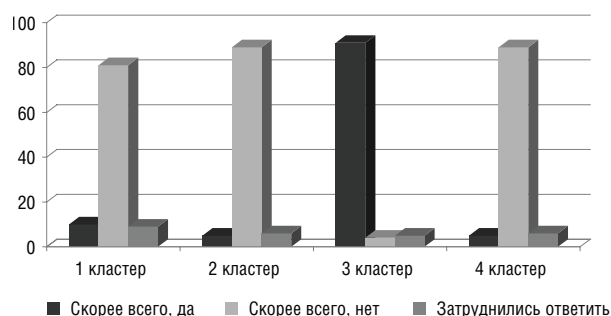
Оценки экономического положения в том регионе, где проживает респондент (город, район), не отличаются от средних значений по всем группам — 41% «среднее», 39% «плохое». При этом экономическое положение России чаще оценивается в данной группе как «плохое» (41%). При оценках политической обстановки большинство представителей этой группы

склонно считать ее «напряженной» (53%, что на 19% выше, чем среднее по всем группам).

Оценивая возможность перемен на уровне семьи, представители данной группы чаще говорят об отсутствии каких-либо изменений (47%), меньшая часть указывает на то, что в ближайшее время жизнь может немного ухудшиться (13%). Похожая ситуация складывается и при рассмотрении ожиданий на макроуровне: основная тенденция и здесь — отсутствие каких-либо значимых изменений (43%) в жизни страны, хотя 16% ожидают при этом ухудшения ситуации.

В отношении активных протестных действий рассматриваемая нами группа является абсолютным лидером по оценкам их возможности и по готовности принять в них участие. При ответе на вопрос о возможности проведения в регионе проживания респондента выступлений против падения уровня жизни и в защиту своих прав больше половины опрошенных (52%) указали, что такие акции возможны, и абсолютное большинство (91%) готовы принять в них участие (см. рис. 13). Оценивая возможность акций протеста с политическими требованиями, 57% считают их возможными. Данное обстоятельство тесно связано с оценкой политической обстановки в стране: напомним, что 53% представителей данной группы считают ее «напряженной». Принять активное участие в протестных выступлениях готовы 82% респондентов этой группы.

Рисунок 13
ГОТОВНОСТЬ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В АКЦИЯХ ПРОТЕСТА. ОТВЕТ НА ВОПРОС «ПРИМИТЕ ЛИ ВЫ УЧАСТИЕ В МАСШОБНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ПАДЕНИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ, В ЗАЩИТУ СВОИХ ПРАВ?» (в % от числа опрошенных)

Среди них больше людей, находящихся на пенсии свыше 10 лет: женщины от 55 до 64 лет и мужчины от 60 до 69 лет составляют 58% данной группы. В основном респонденты имеют среднее образование (51%), большинство проживают в малых и средних городах (35 и 25% соответственно).

Таким образом, в данную группу входят наиболее активные респонденты, которые чаще остальных выбирают активную стратегию адаптации и достижения приемлемого уровня жизни. В этой группе наибольшее количество работающих респондентов, и она в наибольшей степени отличается готовностью к активным протестным действиям по отстаиванию своих прав и интересов.

Четвертая группа — «средние и пассивные» — по оценкам текущей ситуации, социальным ожиданиям и настроениям близка к третьей группе, но при этом ее представители не готовы к демонстрациям протеста.

Большинство респондентов, вошедших в эту группу, характеризуют свое настроение как «нормальное» (57%). При ответе на вопрос о чувстве уверенности в завтрашнем дне 47% ответили, что у них его «скорее нет». Характеризуя условия своей жизни, 83% респондентов отмечают, что «жить трудно, но можно терпеть». Почти половина этой группы свыклась с текущим положением и отмечает, что пришлось во многом себя ограничить. Наиболее частая оценка своего материального положения — «среднее» (65%). При этом отмечается, что денег хватает на еду, но покупка одежды вызывает затруднения. Таким образом, данная группа на фоне сниженных запросов довольствуется малым.

Работают в данной группе 17% респондентов, среди которых преобладают специалисты (4%) и служащие (4%). Так же, как в третьей группе, основными доходами семьи являются пенсии и заработные платы по основному месту работы.

Респонденты в данной группе склонны считать, что их материальное положение в ближайшее время останется таким же (52%). Отсутствие каких-либо перемен отмечается и в ответах на вопросы об изменении жизни в стране в целом.

Эта группа, как и две первые, не готова принимать участие в массовых выступлениях протеста. Абсолютное большинство ее представителей считают, что подобные выступления в регионах их проживания маловероятны.

Среди данной группы 55% респондентов находятся на пенсии не более 10 лет, т. е. женщины от 55 до 64 и мужчины от 60 до 69 лет. В основном в эту группу вошли жители малых городов (26%) и села (32%).

Некоторые итоги анализа. Практически во всех рассмотренных нами сферах макро-, мезо-

и микроуровня наиболее высокий уровень недовольства отмечен именно в старших возрастных группах, при этом фон социального недовольства воспроизводится на протяжении длительного времени. Одной из форм выражения недовольства текущей ситуацией является для них голосование за оппозиционные политические партии и кандидатов (КПРФ). Уровень протестного потенциала на протяжении всего рассматриваемого нами периода (1994–2004 гг.) у старшей возрастной группы выше, чем у населения России в целом. В большинстве случаев это декларируемая протестная активность, которую можно рассматривать как желание заявить о своих проблемах.

Респонденты старшей возрастной группы гораздо чаще, чем все население, указывают, что испытывают напряжение, раздражение, а также страх и тоску. Социальное настроение старшей возрастной группы можно охарактеризовать как негативное. При этом оно сохраняется как в кризисные, так и в более стабильные периоды развития общества.

При анализе социальных ожиданий респондентов старших возрастов выявляется тенденция либо негативных ожиданий (в большей степени — на личном уровне), либо ожиданий стабилизации текущего положения без каких-либо изменений, что наиболее характерно для макроуровня. Обобщая, можно охарактеризовать позицию данной группы как «лишь бы не было хуже». Недовольство данной группы положением дел в стране уже имеет фоновый характер, сопровождающийся чувствами одиночества, усталости, ощущения своей ненужности, невключенности в нынешнюю жизнь. Социальное недовольство как бы «разлито» в рамках рассматриваемой нами группы и является диффузным. Но при этом в данной группе и в обществе в целом отсутствует четкая дифференциация социальных интересов, не происходит формирования контрсубъектных отношений и выделения конкретного виновника сложившейся ситуации.

Однако рассмотренная нами группа не является однородной. Процедура кластерного анализа позволила выявить подгруппы с наибольшим уровнем социальной напряженности и описать их специфику. Так подгруппа «неблагополучные и пассивные» составила 21% от старшей возрастной группы россиян. Представители данной группы чаще всего испытывают «напряжение и раздражение», «страх, тоску». У абсолютного большинства отсутствует уверенность в завтрашнем дне, они оценивают

свое положение как «бедственное». Примерно треть представителей этой группы совершенно не устраивает жизнь, которую они ведут, но при этом для них характерно пассивное приспособление к сложившейся тяжелой ситуации и примирение с ней. В данную группу вошли респонденты наиболее старшего возраста (старше 70 лет), одинокие жители малых городов и сел. Вторая группа («скорее неблагополучные и активные»), в которой показатели социальной напряженности имеют высокие значения, составляет 10% от старшей возрастной группы россиян. Представители данной группы также отмечают у себя чувства напряжения и раздражения, неудовлетворенность жизнью в целом, материальным обеспечением. Но в данную группу входят респонденты, которые чаще остальных выбирают активную стратегию

адаптации и достижения приемлемого уровня жизни, в этой группе наибольшее количество работающих. В наибольшей степени эта группа отличается от остальных готовностью к активным протестным действиям по отстаиванию своих прав и интересов (91% респондентов, вошедших в нее, готовы принять участие в протестных акциях). Социальный портрет данной группы: в основном это женщины от 55 до 64 лет и мужчины от 60 до 69 лет, имеющие среднее образование, проживающие в малых и средних городах. Таким образом, проведенная типологизация старшей возрастной группы важна для более дифференцированной оценки потенциала социальной напряженности, для прогнозирования развития ситуации и выявления «групп риска».

МЕТОДИКА И ТЕХНИКА ОПРОСОВ

Елизавета ДЮК

Общественное мнение и технологии опроса: адресная и маршрутная выборки

Для повышения надежности и достоверности информации, получаемой при опросах населения, Левада—Центр совершенствует методики и технологии их проведения. Одним из таких технологических нововведений стал перевод постоянного проекта «Вестник» на адресную выборку, т. е. отбор респондента на последней ступени по случайно выбранным адресам. Эта работа стала возможна благодаря финансовой поддержке Фонда Форда, Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Маркатуров и Института «Открытое общество».

Сначала в населенных пунктах, входящих в выборку, были случайным образом отобраны и описаны 128 избирательных участков в городах и поселках городского типа. Сельские точки не описывались. Опрос в них проходил обычным маршрутным методом. Затем на описанных участках случайным образом выбраны домохозяйства. Интервьюеру выдавался список адресов домохозяйств и задание на опрос определенного количества респондентов. Внутри домохозяйства респондента выбирали по последнему дню рождения, ближайшему к дате опроса. Интервью должны были быть проведены только по выданным спискам, замена адресов не допускалась. За долгое время проведения массовых опросов в Левада-Центре накоплена статистика недостижимости респондентов по каждому из типов населенных пунктов. Списки адресов, выдаваемых для опроса, представляют собой задание на опрос определенного количества респондентов по выборке плюс некоторое количество адресов, рассчитанное исходя из средней недостижимости респондента по каждому типу.

Например, если в каком-то городе нужно было опросить 10 респондентов, а средняя недостижимость по предыдущим опросам составляла 50%, значит, в списке для опроса должно быть 15 адресов.

Если интервьюер не мог взять необходимое по заданию количество интервью в рамках списка, ему дополнительно выдавалось некоторое, очень ограниченное количество адресов. Если он и в этом случае недобирал анкеты, третий раз список не давался. Недобор анкет в одних точках компенсировался перебором в других.

Ранее, до апреля 2010 г., опрос «Вестник» проводился обычным маршрутным методом с фиксацией базовых квартир в соответствии с шагом отбора. Если интервьюер после трехкратного посещения не мог опросить респондента в базовой квартире, он имел право опросить человека в квартире, взятой на замену.

Для того чтобы оценить, есть ли различия в характеристиках и мнениях населения, опрошенного по адресной и по маршрутной технологиям, выборка опроса «Вестник-3», проведенного в апреле 2010 г., была поделена на 2 части.

По маршрутной выборке (вариант 1) в городах и поселках городского типа было опрошено 582 респондента. По адресной выборке (вариант 2) — 571.

1. По варианту 2 (адресная выборка), по сравнению с маршрутной, больше опрошено мужчин 37,3% против 33,2%.

2. Возраст опрашиваемых одинаковый — 46,4—46,3 лет.

3. Структура образования одинаковая. Чуть меньше людей со средним (маршрут) и чуть больше с образованием ниже среднего — 18,2% (адрес) — 16,1% (маршрут).

4. Есть некоторые различия и в структуре занятости. Так, по адресной выборке опрошено в 2 раза больше руководителей, главных специалистов предприятий — 1,8% против 1%. Существенно меньше специалистов с высшим и средним образованием: 9,8% против 14%

и существенно меньше неквалифицированных рабочих – 0,7% против 1,8%.

5. Большой процент опрошенных работает на частных предприятиях – 30,3 против 26,1

6. В среднем «адресное» население на 1000 рублей беднее «маршрутного», максимальный душевой доход этих групп различается на 10.000.

7. По адресной выборке большой процент причисляет себя к средней части среднего слоя: 51 против 45,8% (маршрут) – и меньший процент – к низшему слою: 9,6 (адрес), 15,3% (маршрут).

8. Большой процент – 45,2 по адресной выборке, против 40,2 по маршрутной – считают, что денег им хватает на продукты и одежду, но покупка предметов длительного пользования представляет проблему. Но меньше процент тех, кто едва сводит концы с концами.

9. Относительно общественного положения можно сказать, что в 2 раза больше людей по адресной выборке видит себя на 6 и 7 ступеньках общественной лестницы (53%) против 27% по маршрутной. В 3 раза (0,5 %) против 1,8 меньше тех, кто оценивает свое общественное положение как высокое, т. е. больше масса людей, которые оценивают себя как «серединных».

10. Среди «адресных» респондентов больше людей имеют подписку на Интернет-ТВ (11%), чем среди «маршрутных» – 8,7% Больше людей, имеющих подержанный автомобиль (19,4 против 14,9).

Были проанализированы содержательные ответы на вопросы анкеты. Анализировались только вопросы, в ответах на которые по адресной и маршрутной выборке есть значимые отличия (3–5 и более процентов).

Обобщая, можно сказать: **группа населения, опрошенная по методике адресного отбора, более не удовлетворена положением дел в стране, своею собственной жизнью, более тревожна, менее уверена в завтрашнем дне, более критично настроена по отношению к власти, меньше ей доверяет, более трезво оценивает сегодняшнее состояние экономики и ее будущее.**

Откуда это видно? Сопоставим ответы на содержательные вопросы анкеты (*в % от числа опрошенных*).

Вариант ответа	Адресная	Маршрутная
ЕСЛИ ГОВОРИТЬ В ЦЕЛОМ, В КАКОЙ МЕРЕ ВАС УСТРАИВАЕТ СЕЙЧАС ЖИЗНЬ, КОТОРУЮ ВЫ ВЕДЕТЕ?		
По большей части устраивает	22,2	26,6
Отчасти устраивает, отчасти нет	42,6	39,1
По большей части не устраивает	21,5	16,6

Вариант ответа	Адресная	Маршрутная
ЕСЛИ ГОВОРИТЬ В ЦЕЛОМ, ЧУВСТВУЕТЕ ЛИ ВЫ УВЕРЕННОСТЬ В ЗАВТРАШНЕМ ДНЕ?		
Скорее да	27,5	33,8
Скорее нет	34,2	30,9
КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВАШЕЙ СЕМЬИ?		
Хорошее	8,2	14,6
Среднее	61,6	55,3
Плохое	22	22
КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ НЫНЕШНЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ?		
Хорошее	6,3	10,2
Среднее	46,9	50,7
Плохое	33,8	28,3
ОДОБРЯЕТЕ ЛИ ВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Д. МЕДВЕДЕВА НА ПОСТУ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ?		
Безусловно, да	19,6	23,2
Скорее да	50,3	52,4
Скорее нет	15,6	13,1
ОДОБРЯЕТЕ ЛИ ВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. ПУТИНА НА ПОСТУ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА?		
Безусловно да	25,2	28,2
Скорее да	49	52,9
Скорее нет	13,5	9,9
КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КАКОЕ ИЗ ПРИВЕДЕННЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ БОЛЕЕ СООТВЕТСТВУЕТ СЛОЖИВШЕЙСЯ СИТУАЦИИ?		
Все не так уж плохо, и жить можно	21	33
Жить трудно, но можно терпеть	59,2	47,9
КАКОЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ТОЧНЕЕ ВСЕГО ОПИСЫВАЕТ ВАШЕ ОТНОШЕНИЕ К НЫНЕШНЕЙ ЖИЗНИ?		
Мне приходится «вертеться», хвататься за любую возможность заработать	33,1	24,5
Я живу как раньше, для меня в последние годы ничего особенно не изменилось	20,3	30,7
КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ ЗА ПОСЛЕДНИЙ ГОД ВАША ЖИЗНЬ, ЖИЗНЬ ВАШЕЙ СЕМЬИ СТАЛА ЛУЧШЕ, ХУЖЕ ИЛИ НЕ ИЗМЕНИЛАСЬ?		
Несколько лучше	12,6	17,1
Не изменилась	46,9	50,7
Несколько хуже	30,5	19,9
КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧЕРЕЗ ГОДЫ ВЫ (ВАША СЕМЬЯ) БУДЕТ ЖИТЬ ЛУЧШЕ ИЛИ ХУЖЕ, ЧЕМ СЕЙЧАС?		
Несколько лучше	15,4	21,2
Затрудняюсь ответить	26,1	18,7

Вариант ответа	Адресная	Маршрутная
ЕСЛИ ГОВОРИТЬ В ЦЕЛОМ О СТРАНЕ, КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧЕРЕЗ ГОД ЖИЗНЬ В РОССИИ БУДЕТ ЛУЧШЕ ИЛИ ХУЖЕ, ЧЕМ СЕЙЧАС?		
Несколько лучше	16,5	23,8
Такой же, как сейчас	50,1	42,9
КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ В ЦЕЛОМ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ОБСТАНОВКУ В РОССИИ?		
Благополучная	2,8	5,9
Спокойная	36,8	42,2
Напряженная	44,7	39,2
КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СМОЖЕТ ЛИ НЫНЕШНЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИИ В ТЕЧЕНИЕ БЛИЖАЙШЕГО ГОДА УЛУЧШИТЬ ПОЛОЖЕНИЕ В СТРАНЕ?		
Безусловно, да	1,8	3,1
Скорее да	30,3	38,4
КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО ОЖИДАЕТ РОССИЮ В БЛИЖАЙШИЕ МЕСЯЦЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ?		
Значительное улучшение ситуации	1,8	4,3
Некоторое улучшение	38,7	45,2
КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО ОЖИДАЕТ РОССИЮ В БЛИЖАЙШИЕ МЕСЯЦЫ В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИКИ?		
Значительное улучшение ситуации	1,4	3,9
КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, В БЛИЖАЙШИЕ 12 МЕСЯЦЕВ БЕЗРАБОТНЫХ (ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ НЕ ИМЕЮТ РАБОТУ И ИЩУТ ЕЕ) БУДЕТ БОЛЬШЕ, ПРИМЕРНО СТОЛЬКО ЖЕ ИЛИ МЕНЬШЕ, ЧЕМ СЕЙЧАС?		
Больше	40,1	31,7
Примерно столько же	46,8	51,1
КАК ИЗМЕНИЛОСЬ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВАШЕЙ СЕМЬИ ЗА ПОСЛЕДНИЙ ГОД?		
Скорее ухудшилось	36,6	29,7
КАК, НА ВАШ ВЗГЛЯД, БУДУТ МЕНЯТЬСЯ ЦЕНЫ НА ОСНОВНЫЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ТОВАРЫ И УСЛУГИ В БЛИЖАЙШИЕ ОДИН-ДВА МЕСЯЦА?		
Будут расти быстрее, чем сейчас	24,3	19,5
Будут расти так же, как сейчас	63,6	58,1
Будут расти медленнее, чем сейчас	5,8	11,3
Останутся на прежнем уровне	4,7	7,4
КАКУЮ ОЦЕНКУ ВЫ БЫ ДАЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДМИТРИЯ МЕДВЕДЕВА НА ПОСТУ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ?		
9 из 10	8,4	14,1
10 из 10	5,6	11,5
КАКУЮ ОЦЕНКУ ВЫ БЫ ДАЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЛАДИМИРА ПУТИНА НА ПОСТУ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ?		
7 из 10	14,5	12,6
8	22,2	15,8
9	14	18,6
10 из 10	9,8	16,6
В КАКОЙ МЕРЕ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ЗАСЛУЖИВАЕТ ДОВЕРИЯ ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ?		
Вполне заслуживает	62,9	70,1

Вариант ответа	Адресная	Маршрутная
В КАКОЙ МЕРЕ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ЗАСЛУЖИВАЕТ ДОВЕРИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ?		
Вполне заслуживает	64,3	70,1
В КАКОЙ МЕРЕ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ЗАСЛУЖИВАЕТ ДОВЕРИЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА РОССИИ?		
Вполне заслуживает	19,8	25,8
В КАКОЙ МЕРЕ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ЗАСЛУЖИВАЕТ ДОВЕРИЯ СОВЕТ ФЕДЕРАЦИИ?		
Вполне заслуживает	20,7	25,5
В КАКОЙ МЕРЕ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ЗАСЛУЖИВАЮТ ДОВЕРИЯ ВАШИ ОБЛАСТНЫЕ (КРАЕВЫЕ, РЕСПУБЛИКАНСКИЕ, В МОСКВЕ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ - ГОРОДСКИЕ) ОРГАНЫ ВЛАСТИ?		
Вполне заслуживают	19,8	27,3
Совсем не заслуживают	27,8	24,5
В КАКОЙ МЕРЕ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ЗАСЛУЖИВАЮТ ДОВЕРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ?		
Вполне заслуживают	5,8	15,8
В КАКОЙ МЕРЕ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ЗАСЛУЖИВАЕТ ДОВЕРИЯ ПРОКУРАТУРА?		
Вполне заслуживает	15,4	25,3
В КАКОЙ МЕРЕ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ЗАСЛУЖИВАЮТ ДОВЕРИЯ ОРГАНЫ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ?		
Вполне заслуживают	26,4	31,7
Не вполне заслуживают	34,7	33,3
В КАКОЙ МЕРЕ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ЗАСЛУЖИВАЕТ ДОВЕРИЯ МИЛИЦИЯ?		
Вполне заслуживает	13,7	19,7
В КАКОЙ МЕРЕ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ЗАСЛУЖИВАЕТ ДОВЕРИЯ СУД?		
Вполне заслуживает	15,9	24
В КАКОЙ МЕРЕ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ЗАСЛУЖИВАЮТ ДОВЕРИЯ ПРОФСОЮЗЫ?		
Вполне заслуживают	10,9	17,7
В ЦЕЛОМ ВЫ БЫ СКАЗАЛИ, ЧТО ЛЮДЯМ МОЖНО ДОВЕРЯТЬ - ИЛИ, ЧТО ОСТОРОЖНОСТЬ В ОТНОШЕНИЯХ С ЛЮДЬМИ НИКОГДА НЕ ПОМЕШАЕТ?		
Не помешает	53,2	48,3
В КАКОЙ СТЕПЕНИ ВАС ИНТЕРЕСУЕТ ПОЛИТИКА?		
В малой степени	37,7	30,9
В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ ИЛИ НЕ СОГЛАСНЫ С ВЫСКАЗЫВАНИЕМ: «ПОЛИТИКИ ЗАИНТЕРЕСОВАНЫ ТОЛЬКО В ТОМ, ЧТОБЫ БЫТЬ ИЗБРАННЫМИ, А НЕ В ТОМ, ЧЕГО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОТЯТ ИЗБИРАТЕЛИ?»		
Скорее не согласен	4,9	8,9
В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ ИЛИ НЕ СОГЛАСНЫ С ВЫСКАЗЫВАНИЕМ: «Я НЕ РАЗБИРАЮСЬ В ПОЛИТИКЕ?»		
Скорее не согласен	40,6	32,8
КАКИЕ СВОБОДЫ ИЗ ЭТОГО СПИСКА ОСОБЕННО ВАЖНЫ ЛИЧНО ДЛЯ ВАС?		
Возможность путешествовать везде, где хочется	32,9	37,1
Достаточная защищенность государством в случае болезни, утрату работы, бедности	54,8	58,9

Вариант ответа	Адресная	Маршрутная
КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, НЕСЕТ ЛИ ЧЕЛОВЕК МОРАЛЬНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОЛИТИКУ СВОЕЙ СТРАНЫ В ПРОШЛОМ?		
Безусловно, не несет	60,9	53,2
КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, НЕСЕТ ЛИ ЧЕЛОВЕК МОРАЛЬНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДЕЙСТВИЯ ЛИЦ СВОЕЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ?		
Безусловно, несет	6,5	12,2
Безусловно, не несет	53,8	48,1
КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЗА ПОСЛЕДНИЕ 5 ЛЕТ В РОССИИ СТАЛО БОЛЬШЕ ИЛИ МЕНЬШЕ ЗАКОННОСТИ?		
Скорее, меньше	45,4	37,9
КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, НЕСЕТ ЛИ ЧЕЛОВЕК МОРАЛЬНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДЕЙСТВИЯ СВОИХ БЛИЗКИХ РОДСТВЕННИКОВ?		
Безусловно, несет	37,5	42,4
КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЗА ПОСЛЕДНИЕ 5 ЛЕТ В РОССИИ СТАЛО БОЛЬШЕ ИЛИ МЕНЬШЕ ПОРЯДКА?		
Скорее меньше	44	39,9
КАК ВАМ КАЖЕТСЯ, В КАКОЙ МЕРЕ ГРАЖДАНЕ РОССИИ СЕЙЧАС ВЫПОЛНЯЮТ СВОИ ОБЯЗАННОСТИ ПЕРЕД ГОСУДАРСТВОМ (СОБЛЮДАЮТ ЗАКОНЫ, ПЛАТЯТ НАЛОГИ И Т.П.)?		
По большей части выполняют	37,5	29,6
В КАКОЙ МЕРЕ ГОСУДАРСТВО ВЫПОЛНЯЕТ СЕЙЧАС СВОИ ОБЯЗАННОСТИ ПЕРЕД ГРАЖДАНАМИ РОССИИ?		
По большей части выполняет	20,3	15,8
ЧТО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, МЕШАЕТ ЛЮДЯМ САМОСТОЯТЕЛЬНО, БЕЗ УЧАСТИЯ ВЛАСТЕЙ ОБЪЕДИНЯТЬ СВОИ УСИЛИЯ, ПРЕДПРИНИМАТЬ СОВМЕСТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ДЛЯ РЕШЕНИЯ СВОИХ ПРОБЛЕМ И ОБЩЕСТВЕННО ВАЖНЫХ ЗАДАЧ?		
Большинство людей ленивы, апатичны и безынициативны	26,3	18,7
Большинство людей не верят в то, что такая деятельность может принести весомые результаты	39,6	35,
КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИЛОВЫХ МЕТОДОВ ДЛЯ РАЗГОНА МИТИНГОВ И ДЕМОНСТРАЦИЙ ОППОЗИЦИИ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ОБ УВЕРЕННОСТИ И СИЛЕ НЫНЕШНЕГО РУКОВОДСТВА СТРАНЫ ИЛИ О ЕГО НЕУВЕРЕННОСТИ И СЛАБОСТИ?		
Скорее о неуверенности и слабости	47,8	37,6
ЕСЛИ ГОВОРИТЬ В ЦЕЛОМ, ТО КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СЕЙЧАС ХОРОШЕЕ ИЛИ ПЛОХОЕ ВРЕМЯ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ДЕЛАТЬ СБЕРЕЖЕНИЯ?		
Хорошее	6,3	12,2
ЕСТЬ ЛИ В ВАШЕЙ СЕМЬЕ СЕЙЧАС СБЕРЕЖЕНИЯ, НАКОПЛЕНИЯ?		
Есть	19,8	23
СОБИРАЕТЕСЬ ЛИ ВЫ (ЧЛЕНЫ ВАШЕЙ СЕМЬИ) В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ДЕЛАТЬ СБЕРЕЖЕНИЯ, НАКОПЛЕНИЯ?		
Да	20,1	25,6

Объяснения полученных различий могут быть следующими:

1. Из 128 описанных участков в городах и поселках городского типа примерно 50 расположены на окраинах города с плохой транспортной доступностью. По типу застройки это так называемый «частный сектор», фактически – деревни, находящиеся в черте города. Улицы не освещены, много бараков, домов без коммунальных удобств, непривязанных собак, заброшенных жилищ. Часто это рабочие поселки при заводе или шахтерские – при шахте. Проживающее там население социально неблагополучно: много безработных в связи с закрытием заводов и шахт, пожилых людей с низкими доходами. Широко распространены алкоголизм, наркомания, высокая криминогенность. На некоторых участках наркомания становится проблемой № 1. Так, например, в г. Полысаево Кемеровской области за короткий период времени от передозировки наркотиков умерли семь молодых людей. В поселке Каменка Пензинской области в каждой второй семье изготавливается наркотик дезоморфин. Ранее эти участки практически никогда не попадали в выборку. Общественный транспорт в эти районы почти не ходит, интервьюеры добираются до домохозяйств с двумя-тремя пересадками на маршрутных такси или пешком. Повышенная криминогенность, бандитизм, пьянство, воровство исключают возможность проводить опрос в наиболее продуктивное вечернее время. Ни один интервьюер не соглашался работать в этих условиях. Таким образом, мнение населения, проживающего в этих районах, никогда не изучалось. Население там менее «клишировано» в смысле мнений, так как люди проживают в отдельных домах, достаточно отдаленных друг от друга. Они реже видятся с соседями, чем жители обычных микрорайонов с многоэтажной застройкой, где при общении во дворах, магазинах, других общественных местах люди прислушиваются к мнениям друг друга и наиболее конформные из них перенимают точку зрения большинства. Также в выборку попали несколько районов элитной застройки (коттеджи, пентхаусы, дома повышенной комфортности). Опрос в этих районах тоже почти никогда не проводился.

2. Опрос по маршрутной выборке с возможностью замен недостижимых домохозяйств неизбежно приводит к сдвигам в структуре опрашиваемого населения в сторону лиц нетрудоспособного возраста, домохозяек, инвалидов, женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком, и т. д. Опрос по строго фиксированным

адресам позволяет опросить именно того респондента, который попал в выборку. Поэтому в адресной выборке больше мужчин трудоспособного возраста, молодежи и людей с незаконченным средним образованием.

Недостатки адресной выборки. 1. Достижимость респондента по адресной технологии — 43%, это ниже, чем по маршрутной — 53%.

Число отказов (отказ открыть дверь, впустить интервьюера + отказ отобранного респондента участвовать в опросе) выше — 43%, по маршруту — 39%.

Одна из причин, объясняющих большую недостижимость, следующая:

В выборку попали отдаленные участки (частный сектор) с повышенной криминогенностью. Респонденты чаще, чем в обычных микрорайонах, отказываются открывать двери и впускать интервьюеров. В этих районах много цыган, «выходцев с Кавказа», наркоманов, алкоголиков, безработных. Проживающее там население — в основном люди пожилого возраста с повышенной подозрительностью и тревожностью. Отдельно стоящие частные дома разбросаны на большой территории, жители чувствуют себя менее защищенными, чем жители многоквартирных домов в районах массовой застройки. Они менее образованы и имеют низкий культурный уровень, что объясняет большой процент отказов отвечать на вопросы анкеты, даже если интервьюер сумел попасть в домохозяйство.

Очень низка достижимость респондента в районах с элитной застройкой. Зачастую невозможно попасть не только в подъезд дома, но и во

двор с охранниками. Так, в Санкт-Петербурге в выборку попали три элитных участка, на которых не удалось опросить ни одного респондента.

2. Опрос, проводимый по адресной технологии, значительно удлиняет сроки полевых работ. Для того чтобы опросить нужного респондента, интервьюер вынужден посещать выбранное домохозяйство более двух раз. 30% интервью по адресной технологии сделаны на втором и третьем визите. По маршрутной методике — 15%. В связи с отдаленностью районов, плохой транспортной доступностью на это уходит много времени. У интервьюера меньше возможности работать в наиболее продуктивное вечернее время из-за плохой освещенности улиц и криминогенной обстановки. В процессе опроса были случаи избияния интервьюеров, приводы их в милицию с длительным задержанием и т. д.

Обычные сроки поля по маршрутной выборке — 2, по адресной — 3–4 недели.

3. Адресная выборка дороже маршрутной. Многократное посещение требует больших транспортных расходов, особенно «утяжеляют» стоимость опроса многократные поездки в выездные точки. Кроме того, цена анкеты для интервьюера должна быть выше, т. к. он делает больший объем работы.

4. Работа с адресной выборкой требует более тщательного подбора и подготовки интервьюеров, организации их работы. Интервьюер должен быть готов к работе с «трудными» респондентами на «трудных» участках в вечернее время и в выходные дни.

Достоинством адресной выборки является то, что она позволяет получать более надежную и достоверную информацию.

АВТОРЫ НОМЕРА

ГУДКОВ Лев Дмитриевич (Аналитический центр Юрия Левады)
ДУБИН Борис Владимирович (Аналитический центр Юрия Левады)
ДЮК Елизавета Алексеевна (Аналитический центр Юрия Левады)
МОРГУНОВА Анна Борисовна (Аналитический центр Юрия Левады)
ПРИМАКО Людмила Владимировна (Аналитический центр Юрия Левады)
РИМСКИЙ Владимир Львович (Фонд ИНДЕМ)
ТКАЧЕНКО Василий Николаевич (Институт высшего образования АПН Украины)

SUMMARY

The Dimension of the Future in Public Opinion (by Boris Dubin). The author suggests to connect the degree of development or weakness of ideas about the future with the level of society differentiation, with the degree of density of intra- and inter- group communications in everyday life of its members, with the level of institutional or systemic trust in different groups of society, with the level of ascriptive rigidity or principle variations of typical life scripts accepted in various social groups, in communications between them. Using the data of Levada-Center surveys the author shows that the majority of the Russians think of the time, particularly of the future time, as of the mechanism of inertia or as a result of decay. About three fifths of adult Russians during many years running are not sure in tomorrow, they can imagine their own and their families' future for no further than the following few months. The feeling of stability, always unsafe and quickly changing for deterioration, increases at best the share of respondents who can plan their future for a year or two ahead but no more. Since for the Russians the source of stability at present and assurance in the future is exclusively the Supreme power, relative improvement of expectations for the coming year is most often associated for respondents with electoral cycles.

Time and History in the Russians' Consciousness (by Lev Gudkov). In his second paper (the first was published in «Public Opinion Herald», 2009, N 3) the author continues describing the temporal characteristics of the Russians' mass consciousness and the latter's analysis on the basis of long term research project «The Soviet Man». The author points out the limitations of temporal scope of the Russian population connected with suppression of actual politics from the sphere of people's everyday interests. Governmental institutions providing the structure of «collective memory» are subordinated to the same goals and objectives as the reproductive institutions of totalitarian society which they are genetically related to. The Pantheon of the main persons and historical figures is made up of the

Tsars, Soviet chiefs and military commanders. Such organization of delivering knowledge about the past promotes deformation of the past and affirmation of the power legend. Alongside with this there are considerable residues of utopian ideology supporting paternalistic illusions in the wide layers of the Russian society. The author scrutinizes the channels of spreading historical experience and the effect of sterilizing historical consciousness characteristic of a society which is tolerant to establishing authoritarian regime.

Social Aspects of the Citizens and Businessmen Interaction with Russian Judicial Power (by Vladimir Rimskyi). Relying on the conception of judicial field suggested by Pierre Bourdieu the author analyses in his article the findings of INDEM Foundation research carried out in 2007–2009 on the project «Judicial Reform in Russia» (semi-formalized interview with experts, focus groups with citizens and businessmen, as well as mass formalized questionnaire surveys of citizens and businessmen). V. Rimskyi comes to the conclusion that Judicial power and representatives of other legal communities hamper the growth of citizens and businessmen' professionalism in understanding the norms, rules and procedures of the courts activities. Having no personal experience of participation in Courts proceedings at least as spectators many Russians do not trust strongly distorted information about Judicial power provided by mass media. Both citizens and businessmen give more positive evaluations of particular elements of court proceedings than negative ones but this doesn't lead to shaping integral positive evaluation of Judicial power in the minds of the majority of both citizens and businessmen which is proved by the low level of trust to the courts. The society demand for justice in court procedures and decisions isn't met by the legal community of Russia.

The Sovereign Bureaucracy of Ukraine in the Zone of Double Periphery (by Vassilyi Tkachenko). The paper deals with some results of the State construction in the country during recent 18 years, analyses the problems facing the Ukrainian society

and the Ukrainian leadership. The author points out certain achievements in establishing modern democratic institutions, constructing the elements of complicated market economy, acquiring appropriate international status and shaping proper foreign politics line. At the same time the author remarks that in 2008 the country reached a critical stage which, so far as domestic policy is concerned, may be defined as paralysis of governmental structures. The situation is aggravated by the fact that in economic and ideological aspects Ukraine is a periphery of Europe today and in military and political aspects it turns into a periphery controlled by the Russian interests. This makes the field of independent maneuvers of Ukraine towards civilization choice extremely limited. In the author's opinion further evolution of corporations-oligarchic regime in Ukraine will develop towards State-bureaucratic corporationism which is characteristic of today's Russia.

Migration as a Problem (by Anna Morgunova). In the paper the question is raised what processes in the Russian policy and in society hamper making migration an urgent issue as an important social process, prevent the theme of migration from going out into public sphere. The migration policy in Russia, its reflection in legislation, at political level, in culture (in literature, cinema, TV) and in public opinion are examined. The author comes to a conclusion that the issue of migration just starts going out into public space in Russia. The author considers the following reasons for this issue almost not being discussed in public: vague governmental policy concerning migrants, great difficulties in coordinating and implementing united migration policy by various agencies, immediate profits of politicians who use the issue of migration first of all as a threat to the Russian society, culture, mentality, etc.; obstacles to appearance in public sphere of migrants, their interests, values and opinions and as a result of this their problems remain merely theirs or only narrow group of experts are aware of them who are underrepresented in open public discussions and mass media.

The Elder Age Group of the Russians: the Issue of Social Tension (by Ludmilla Primako). It is pointed out that it is the Russians' elder group that is characterized by a high level of social dissatisfaction. This group discontent with the situation in the country is of a background character

and is accompanied by the feelings of loneliness, fatigue, a sense of one's uselessness or «mal fitness» for modern life. During the whole period under consideration (1994–2004) the elder age group level of protest potential has been higher than that of the whole population. In most cases this is a declared protest activity which may be viewed as a wish to claim their problems. Among social expectations the negative ones prevail (at personal level to a greater degree) or expectations of the present situation stabilization without any changes at the country's level. To sum up the disposition of this group may be characterized as «only let it not be worse than now». However the group examined is not homogeneous: with the help of cluster analysis procedure the subgroups with the highest level of social tension were defined, their socio-demographic specific features were described.

Public Opinion and Survey Technologies: Addresses and Route Samples (by Elizaveta Dyuk). The results of methodical experiment are presented which was carried out through financial support of Ford Foundation, John D. and Catherine T. MacArthurs Foundation and the Institute «Open Society» – transition of permanent research project of Levada Center «Herald» from route sample to addresses one. Comparing the findings of the survey in towns and rural communities of a city type carried out with the help of route sample (N=582) and addresses one (N=571) in April 2010 the author shows that respondents interviewed by the technique of addresses sample are more dissatisfied with the situation in the country, with their own life, have higher level of anxiety, are less sure in tomorrow, show more critical attitude towards authorities, trust them less, evaluate more critically today's situation of our economy and its future. This is connected with including into addresses sample those population categories which previously had been examined to a less degree by sociologists (cities' outskirts with poor transport accessibility and worse criminal situation, as well as a number of districts with elite buildings). The survey carried out in strictly fixed addresses increased in the sample a share of working age men, young people, people with non-completed secondary education. The disadvantages of addresses sample are also discussed (increased unattainability, the necessity of more careful choosing and training interviewers, increasing time and cost of surveys).

**ПОДПИСНОЙ КУПОН
ПОДПИСНОЙ КУПОН НА 2010 год**

на комплект из _____ номеров (№1, №2, №3, №4 – нужное вписать)

«Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии»

Стоимость 1 номера – 220 руб. (включая НДС 10%)

Мы перевели сумму* _____ (включая НДС 10%) за подписку на «Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии» платежным поручением № _____ от _____ на расчетный счет

40703810100010000119 в банке «Кредит-Москва» (ОАО) г. Москвы.

Корр. счет **30101810700000000501** БИК **044583501** ИНН **7705466756**

Получатель: Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)

Просим выслать по адресу: _____

Куда. _____

Кому. _____

Телефон (e-mail) для связи _____

Предпочтительный способ доставки (почта, самовывоз)

Заполненный купон и копию платежного поручения отправьте, пожалуйста, по адресу: 125319, Москва, ул. Черняховского, д. 16, или на электронный адрес direct@levada.ru, или на факс (495)229-38-25

С 2009 года редакция осуществляет подписку на **электронную версию** журнала (файл формата PDF).

Стоимость подписки на один номер — 118 рублей (включая 18% НДС).

По всем вопросам подписки, пожалуйста, звоните по тел. (495) 229-38-10 или пишите на direct@levada.ru

* Стоимость подписки следует уточнить по тел.: (495) 229-38-10 или по электронному адресу

ORDER FORM

for 2009

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussion

1 issue – USD 22

1 year subscription (4 issue) – USD 88

January–March

April–June

July–September

October–December

Subscription fee for _____ issue Quarterly

USD _____ transferred to:

Beneficiary: Levada-Center, RUSSIA, Credit-Moscow

Bank. SWIFT code : CRMORUMMXXX

Acc. № 40703840400010000119

113054, Russia, 6-th Monetchikovsky, 8

Correspondent Bank: Commerzbank, Neue Mainzerstrasse 32-36, 60311, Frankfurt/Main, Germany

acc. № 400/8866709/00 SWIFT code: COBA DEFF

Please send the Journal to:

Name _____

Address _____

City _____

Please fax this order form to: +7(495) 229-38-25 or mail it to direct@levada.ru to Levada-Center, 16 Chernyakhovskogo Str, Moscow, 125319, Russia.

For further information, please contact us via email direct@levada.ru or by phone +7(495)229-38-10